ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВ

КАЛЛИСТО

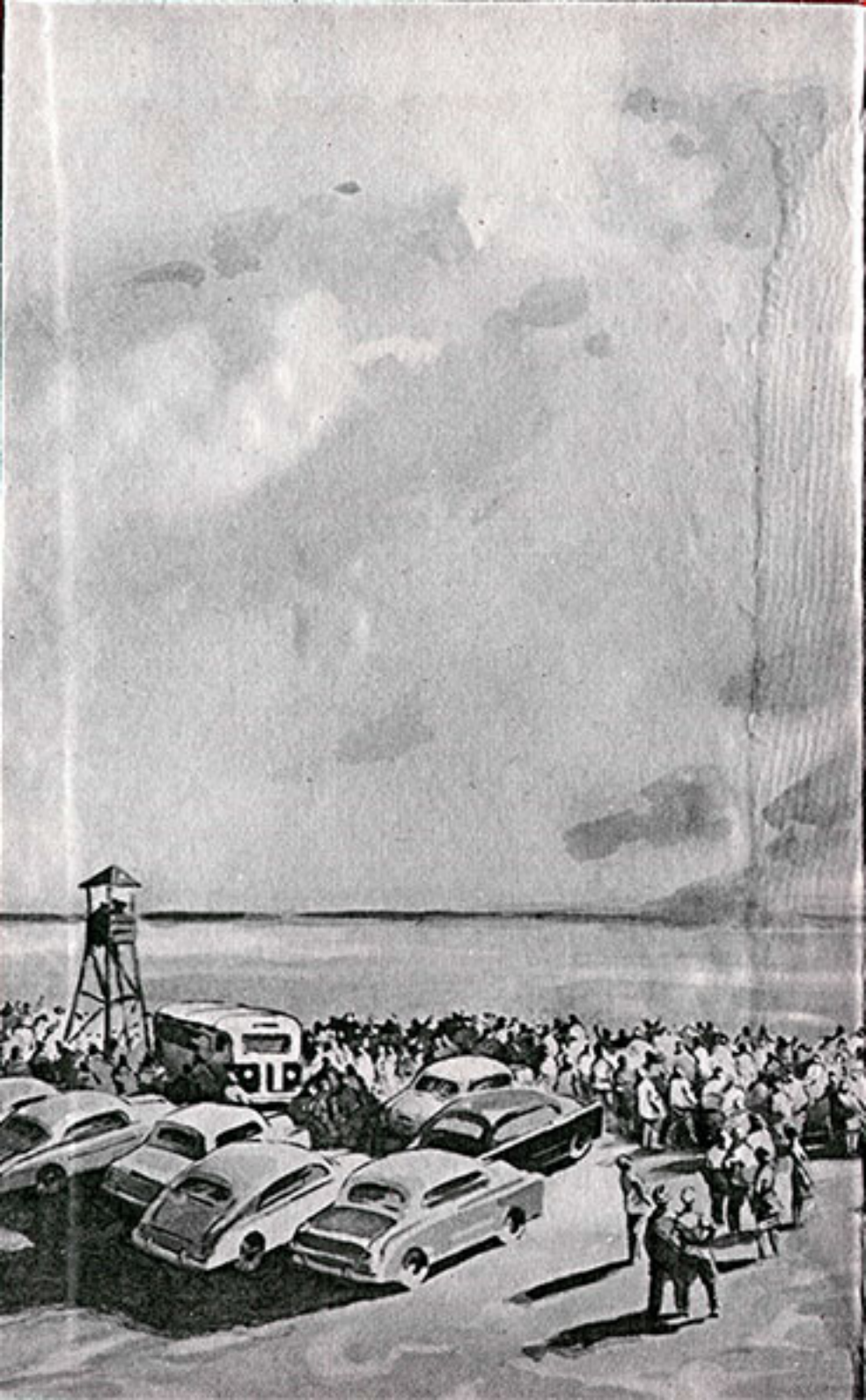
ДЕТГИЗ · 1957

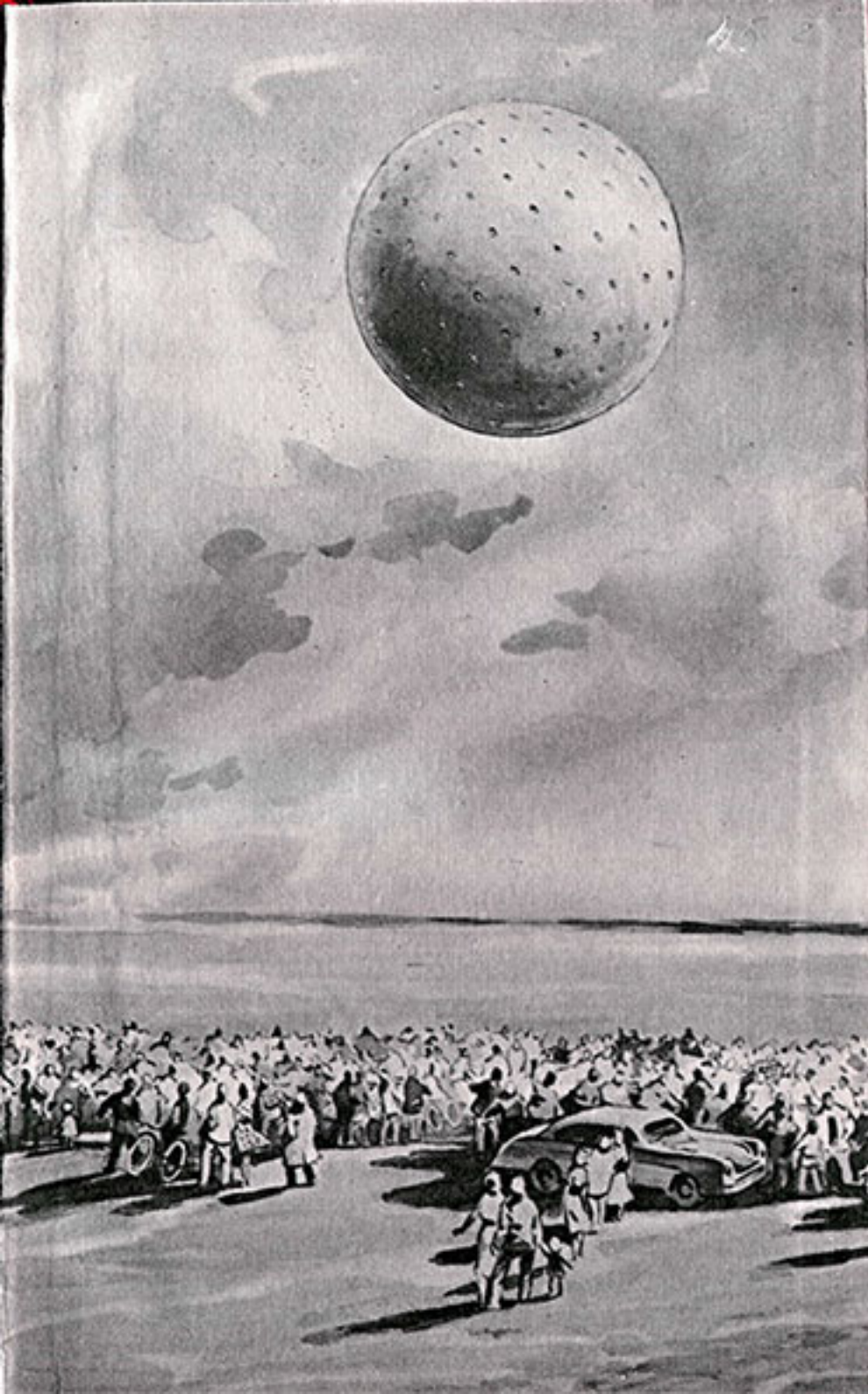
ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

Роман «Каллисто» - первая книга дилогии.
Написан и опубликован в 1957 году.
Оформлен художником Л. Рубинштейном.
В последующих изданиях использовались
уже другие иллюстрации того же автора.
Удивительно светлая, духоподъёмная
и ДОБРАЯ книга!
Современными читателями почему-то
воспринимается как наивная.
Многие читатели старшего поколения
вспоминают ее с большой теплотой.
Но некоторые из них признаются,
что перечитывать ее не решаются...
Интересно, ПОЧЕМУ?..

Данная электронная сборка не является копией
какого-либо полиграфического издания.
Это компьютерная компиляция текста
и различных элементов оформления книги.

2014 г.





БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛЕНИНГРАД ~ 1957

Георгий Мартынов

КАЛЛИСТО

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РОМАН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

РИСУНКИ Л. Я. РУБИНШТЕЙНА

Научно-фантастический роман «Каллисто» посвящен вопросу о возможности разумной жизни на других мирах вселенной.

Однажды, ранним июльским утром, профессор Куприянов заметил в небе золотистую точку. Его сосед по даче — астроном Штерн — отверг предположения о возможности считать эту точку звездой или планетой. Через несколько часов человечество было потрясено сообщением о небывалом событии: к Земле приближался неведомый межзвездный корабль.

Огромный белый шар опустился на территории Курской области. Весь мир ждал, кто же выйдет из звездолета. И, наконец, настал день, когда люди Земли обняли гостей с далекой планеты из системы Сириуса.

Общение с каллистянами показало всем людям на Земле, как бесклассовый общественный строй на Каллисто обеспечил великий прогресс науки и техники. Однако пребывание гостей на Земле было омрачено попыткой диверсанта вывести из строя двигатели космического корабля. Ученые и рабочие Земли сделали все возможное, чтобы помочь каллистянам отправиться в обратный путь. С ними вместе в дальний многолетний полет отправились на Каллисто и первые посланцы Земли — два молодых советских ученых. О пребывании их на Каллисто и возвращении на Землю будет рассказано во второй книге.

Отзывы и пожелания о книге присылайте по адресу: Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги Детгиза.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЕЛЫЙ ШАР

„Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов,
Несчётны солнца там горят,
Народы там и круг веков".

М. В. Ломоносов

Глава первая

БЛЕСТЯЩАЯ ТОЧКА

Было ясное утро конца июля.

Высоко в небе расходились легкие перистые облака. Быстро испарялась ночная роса, и отдаленные предметы казались дрожащими в прозрачном воздухе.

Солнце только что поднялось, а уже чувствовалось, что день будет жарким.

Дачный поселок Академии наук еще спал. На песчаной улице никого не было видно. Небольшие деревянные домики за разноцветными оградами, в густой зелени сосен и елей, тоже казались спящими. Открытые окна белели спущенными занавесками.

Был тот ранний час, когда даже воздух еще не очнулся от ночного сна, а дома, деревья, заборы как-то особенно неподвижны и резко очерчены.

Чуть слышно скрипнула отворившаяся дверь, и на крыльцо одной из дач вышел мужчина в полосатой пижаме.

При виде прекрасного утра он потянулся, подставляя солнцу лицо. Небольшие, глубоко сидящие глаза зажмурились от удовольствия.

Это был человек среднего роста, полный, но не толстый, лицо гладко выбрито, редкие седые волосы зачесаны назад. Глубокие залысины делали его лоб очень высоким. Мясистый нос и большой рот придавали его лицу добродушное выражение.

Он медленно спустился с крыльца и пошел по дорожке сада.

Заглянув в почтовый ящик, больше, по привычке, так как газет не могли принести так рано, он уселся возле калитки на скамью и стал смотреть по сторонам.

С наслаждением вдыхая чистый утренний воздух, насыщенный запахом хвои, он думал о том, что лучше этих ранних часов нет и не может быть ничего на свете. Пройдет час–два – и беспокойная жизнь дня вступит в свои права. Проснется жена и позовет его завтракать. Потом придет машина и надо будет ехать в душный и пыльный город.

Только поздно вечером, когда солнце низко опустится над горизонтом, он вернется и снова будет сидеть на своей любимой скамейке, пока не придет время ложиться спать.

«Дачная жизнь хороша тогда, – подумал он, – когда можно проводить здесь весь день».

Он посмотрел через улицу на окрашенную в желтый цвет дачу, и чувство, похожее на зависть к ее владельцу – академику Штерну, – невольно проснулось в нем.

Сосед был в отпуске и целыми днями лежал с книгой в шезлонге.

Есть же такие счастливцы!..

Доктор медицины профессор Куприянов обычно никогда не завидовал людям, которые ничего не делают, но сейчас ему казалось, что лучше безделья ничего быть не может. Он устал и находился в ленивом, предотпускном настроении.

До желанного дня оставалось уже немного, но отпуск все же не радовал профессора. Он был бы вполне доволен, если бы мог провести его здесь, на даче, и подобно Штерну весь день лежать и читать; но это было

невозможно. Пошаливало сердце, и необходимо было ехать в санаторий. Путевка уже лежала в ящике письменного стола.

Скучный санаторный режим был неизбежен.

Мимо проехал велосипедист. Молодой загорелый парень крутил босыми ногами педали, и концы мохнатого полотенца развевались за его спиной, как два крыла.

Куприянов знал этого юношу. Это был сын биолога, профессора Лебедева, жившего на другом конце поселка.

Юноша давно скрылся из виду, а Куприянов все еще смотрел ему вслед. Он знал, что молодой Лебедев направился к озеру. Через несколько минут он доедет и бросится в холодную воду…

Профессор даже поежился, – так ясно он представил себе это ощущение.

Прислонившись к забору, Куприянов стал смотреть вверх. Облака уже совершенно исчезли. Ясная, прозрачно голубая бездна чуть заметно дрожала. Нагретый солнцем воздух казался видимым и физически ощутимым.

Профессор пристально вглядывался в бездонную глубину, и вдруг ему показалось, что прямо над его головой, в зените, внезапно вспыхнула крохотная яркая точка.

Он на секунду закрыл глаза. Посмотрев опять, убедился, что не ошибся. Едва заметная блестящая точка сверкала на том же месте. Вот она как будто погасла, снова вспыхнула и больше не исчезала.

«Самолет? – подумал Куприянов. – Нет, слишком

высоко и не видно белого следа, который всегда оставляют за собой высоко летящие самолеты. Звезда не может быть видна днем. Значит, это какая-нибудь планета».

Блестящая точка была так мала, что профессор несколько раз терял ее из виду и потом с трудом находил опять. С полчаса Куприянов наблюдал за ней, но она не изменила своего положения на небе.

Калитка напротив отворилась, и на улицу вышел академик Штерн. Это был маленького роста, слегка сутулый, грузный старик с длинными седыми волосами и огромной густой бородой, в которой сейчас блестели капли воды (он только что умылся), под бородой виднелась голая волосатая грудь. На нем были сандалии и белые брюки.

Знаменитый астроном, директор обсерватории, действительный член Академии наук, Штерн всегда напоминал Куприянову героя романа английского писателя Конан-Дойля – профессора Челленджера.

– С добрым утречком! – сказал он, подходя к скамейке и тяжело опускаясь на нее.

– Поздно встаете, – сказал Куприянов, пожимая протянутою ему руку. – Я уже с час как вышел.

– Ваше дело молодое, – засмеялся академик. – А мы, старики, любим поспать. Поздно лег вчера, – прибавил он.

Куприянов опять стал смотреть в небо. Несколько секунд он безуспешно искал блестящую точку и решил было, что она совсем исчезла, но в конце концов нашел ее на том же месте.

– Что это за планета, Семен Борисович?

– Какая планета?

– Да вон, прямо над головой.

Штерн некоторое время пристально вглядывался в небо, потом пожал плечами.

– Это не планета. При таком ярком свете можно видеть только Венеру, но она никогда не бывает так высоко над горизонтом на параллели Москвы. Это самолет!

– Не похоже. Почти час эта точка находится на одном и том же месте.

– Посмотрим, – сказал академик и, повернувшись к своей даче, крикнул:

– Лида!

Внучка Штерна, девушка лет семнадцати, вышла на крыльцо.

– Лидочка, принеси-ка мне мою трубу. Она у меня на столе.

Жена Куприянова подошла к калитке и позвала мужа пить чай.

– Сейчас иду!.. Это, наверное, аэростат, – сказал Куприянов.

Лида принесла большую подзорную трубу.

– Сейчас узнаем, что это такое, – сказал Штерн.

Он приставил трубу к глазу и около минуты смотрел в нее:

– Это не самолет и не аэростат, – сказал он. – Моя труба очень сильная. Посмотрите сами.

В маленьком круглом отверстии объектива Куприянов увидел ту же точку. Она нисколько не увеличилась в размерах и также сверкала золотистым блеском. Никакого видимого диаметра она не имела.

– Ни самолет, ни аэростат не могут находиться за пределами атмосферы, – сказал Штерн. – А эта штука находится именно там.

Он взял у Куприянова трубу и опять стал смотреть в нее.

Улица постепенно наполнялась людьми. Увидя, что академик разглядывает что-то на небе, несколько соседей подошли к ним.

– Это стратостат! – сказал один.

– Нет! – коротко отрезал Штерн, не опуская трубы.

Велосипедист, ездивший купаться, возвращался обратно. Он остановился и слез с машины. Его загорелые плечи влажно блестели. Приставив руку к глазам, он тоже стал смотреть вверх.

Куприянов ушел пить чай. Машина должна была прийти с минуты на минуту.

Позавтракав, он переоделся и снова вышел к калитке.

Штерн по-прежнему смотрел в трубу. Около него было уже много народу.

– Может быть, это новая комета? – сказал кто-то.

Академик опустил трубу и пожал плечами.

– «Комета»!.. – сердито сказал он. – «Аэростат… Стратостат… Самолет»!.. Ну что глупости говорить!

Куприянов хорошо знал Штерна и видел, что старый астроном чем-то сильно взволнован.

– Что же это такое? – спросил он.

Не отвечая, академик направился к своему дому.

Куприянову совсем не хотелось уезжать, не выяснив заинтересовавшего его вопроса.

– Что это такое, Семен Борисович? – настойчиво повторил он.

– Позвоню на обсерваторию, – ответил Штерн на ходу.

Из-за угла бесшумно появился большой синий автомобиль. Мягко затормозив, он остановился у калитки; шофер отворил дверцу.

– Сегодня, – сказал Куприянов жене, – я постараюсь освободиться пораньше.

Жена улыбнулась и махнула рукой.

– Каждый день это слышу!

Прежде чем сесть в машину, профессор еще раз отыскал на небе блестящую точку. Она по-прежнему сверкала на том же месте.

Ему очень хотелось задержаться и узнать, что ответит Штерну обсерватория, но он боялся опоздать. За тридцать пять лет работы в институте Куприянов еще ни разу не опаздывал.

– Поехали! – сказал он, усаживаясь рядом с шофером.

Автомобиль плавно тронулся с места, на тихом ходу выехал из ворот в высоком заборе, окружавшем поселок, и помчался по шоссе.

Профессор закрыл глаза и стал думать о непонятном явлении на небе, которое так взволновало академика Штерна. Куприянов знал, что старый ученый не будет волноваться без серьезной причины.

– Обязательно вернусь рано, – громко сказал он.

Шофер улыбнулся. Он давно знал Куприянова и хорошо изучил его привычки и распорядок дня.

– Сегодня я поеду домой ровно в семь часов.

– Машина всегда готова, – уклончиво ответил шофер.

Профессор не знал и не мог знать, что совсем не вернется в этом году на свою дачу, не пойдет в долгожданный отпуск, и путевка, лежавшая в ящике его письменного стола, не будет использована.

Если бы ему сказали об этом и прибавили, что причиной всех этих перемен явится именно та блестящая точка, которую он первый в поселке увидел на небе и о которой все время думал, он, конечно, не поверил бы.

Он не знал и не мог знать, что эта крохотная, не имеющая видимого диаметра, золотисто сверкающая точка круто изменит его жизнь, заставит бросить работу, уехать из Москвы и испытать много такого, что ему даже не снилось.

Он не знал, что ближайшие месяцы ничем не будет заниматься, как только этой блестящей точкой, что день, когда он увидел ее на утреннем небе, запомнится ему навсегда.

Он не знал, что представляет собой эта точка, и не мог предвидеть последствий ее неожиданного появления.

НЕМЕДЛЕННО ПРИЕЗЖАЙТЕ!

– Вероятно, наш старик в кого-нибудь влюбился, – вполголоса сказал молодой лаборант девушке, сидевшей с ним рядом. Она засмеялась, но, заметив, что профессор оглянулся на них, быстро наклонилась над микроскопом.

Куприянов действительно был очень рассеян в этот день. Он часто отвечал невпопад, забыл проверить важный для него результат анализа, пока ему не на-

помнили о нем; рассматривая поданную ему мензурку, уронил и разбил ее. Это было так не похоже на обычную спокойную и четкую работу профессора, что сотрудники института экспериментальной медицины с изумлением смотрели на своего шефа, не понимая, что с ним происходит.

Куприянов очень часто подходил к окнам и подолгу смотрел куда-то вверх. Отрываясь от этих непонятных наблюдений, он хмурился, и было видно, что какая-то навязчивая мысль не дает ему покоя.

Иногда он надолго задумывался и, если ему задавали в это время какой-нибудь вопрос, вздрагивал и просил повторить. Чувствовалось, что мысли профессора находятся далеко от института и обычной работы.

– Может быть, он болен? – шептались между собой его помощники.

Петр Широков, старший ассистент и любимый ученик Куприянова, выбрал момент, когда профессор находился один в своем кабинете, и в очень осторожной форме посоветовал ему прекратить работу и уехать домой, так как профессор, по-видимому, не совсем хорошо себя чувствует.

– Я здоров, – сухо ответил Куприянов.

Молодой человек смутился.

– Я совершенно здоров, – повторил профессор. – Правда, я сегодня немного невнимателен. Меня все время занимает одна мысль. – Он задумчиво посмотрел в лицо ассистенту и вдруг спросил: – Как вы думаете, Петр Аркадьевич, есть на Марсе разумные существа?

При этом совершенно неожиданном вопросе на лице молодого ученого появилось выражение тревоги.

– Видите ли… – запинаясь ответил он. – Я, собственно… До сих пор… Я совсем не думал об этом.

– Я тоже, – сказал Куприянов. – Но сегодня этот вопрос не выходит у меня из головы. Где вы живете? – задал он опять неожиданный вопрос.

– Обычно в городе, а сейчас на даче.

– Так. А сегодня утром вы смотрели на небо?

– Нет. – Молодой ассистент всеми силами старался скрыть тревогу, которая все сильнее охватывала его. – Сегодня я как будто не смотрел на небо.

– Напрасно!

Куприянов встал и подошел к окну.

– На небе бывают интересные вещи. Вот, например, сегодня…

Он подробно рассказал о блестящей точке и о беспокойстве академика Штерна.

– Когда я ехал в Москву, – закончил он, – мне пришла в голову мысль, что этот маленький блестящий предмет, который находится, как сказал Штерн, за пределами атмосферы, может оказаться космическим кораблем, летящим на Землю с другой планеты. Я никак не могу избавиться от этой мысли.

Молодой человек успокоился и тоже подошел к окну.

– К сожалению, – сказал Куприянов, – в городе не видно этой точки. Тут воздух не так чист.

– Вы серьезно думаете, что это может быть корабль с Марса? – спросил Широков.

– А почему бы нет? Люди неосновательно думают, что непременно они первые полетят на Марс и другие планеты. Но если там есть разумные существа, то по-

чему не может случиться, что не мы, а они первыми прилетят к нам?

– Это было бы очень интересно.

– Не только интересно, но и очень, очень важно. Ведь наша техника еще не может построить космического корабля. Если на Землю прилетит такой корабль с другой планеты, люди узнают много нового и полезного. И не только в области техники, но и в других науках.

– Это было бы очень интересно, – повторил Широков.

Он высунулся в открытое окно и пристально смотрел вверх.

– Ничего не увидите, – сказал Куприянов. – Я уже десять раз пробовал. В городе мешает пыль.

– Теперь я тоже буду все время думать об этом, – сказал Широков. – Пока не узнаю, что это за точка.

– И кто-нибудь посоветует вам ехать домой, потому что вы «не совсем здоровы», – усмехнулся Куприянов.

Широков покраснел.

– Я думал…

– Что профессор Куприянов сошел с ума, – докончил за него собеседник.

– Что вы, Михаил Михайлович! Кто мог это подумать?

– Вы первый. Разве не это вы подумали, когда я спросил вас, есть ли люди на Марсе? – Куприянов рассмеялся. – Успокойтесь, – сказал он, положив руку на плечо ассистента. – Я нисколько не обиделся на вас.

Зазвонил телефон. Куприянов снял трубку.

– Слушаю!

– Кто у телефона? – услышал он голос Штерна.

Профессор внезапно почувствовал волнение. Рука с трубкой задрожала.

– Это я, Семен Борисович. Куприянов.

– Вас-то мне и надо. Немедленно бросайте все и приезжайте ко мне на обсерваторию. Только как можно скорей!

– Это касается…

– Да, да! Не теряйте ни минуты! Штерн повесил трубку.

– Ну!.. – Куприянов развел руками и тяжело сел в кресло. – Академик Штерн срочно просит меня приехать к нему. Он, по-видимому, очень взволнован.

– Вы поедете?

– Немедленно. Это явно касается нашего «космического корабля».

– Михаил Михайлович! – умоляюще сказал Широков. – Возьмите меня с собой.

– Хорошо, – сказал Куприянов. – Вызовите мою машину.

Было два часа дня.

Куприянов пригласил к себе старших сотрудников института и отдал все необходимые распоряжения.

Какое-то смутное чувство говорило ему, что сегодня он не вернется сюда.

Неотложные дела заняли много времени, и только в три часа Куприянов с Широковым сели в машину.

– Домой? – спросил шофер.

Профессор нахмурился.

– Нет, домой, как я сказал, в семь часов. Пока поезжайте на обсерваторию.

Астрономическая резиденция Штерна была расположена за городом, как и все обсерватории мира. Но машина шла быстро, и через сорок минут они уже подъезжали к ней.

Ни профессор, ни его ассистент за всю дорогу не проронили ни слова. Они были одинаково взволнованы и одинаково нетерпеливы. Что неожиданный вызов Штерна означал правильность догадки Куприянова, казалось им обоим несомненным. Но это величайшее и поразительнейшее событие, со всеми неисчислимыми последствиями, которые оно должно было повлечь за собой, совершилось так просто, что они никак не могли поверить, что оно действительно совершилось. Каждый из них старался уверить себя, что он ошибается и что вызов Штерна имеет какую-нибудь другую причину.

Ведь если правда, что на Землю прилетел космический корабль, то это должно было повлечь за собой полное крушение не только старых идеалистических взглядов на мир, но и многих научных «истин» относительно обитаемости планет солнечной системы.

Как ни далеки от астрономии были Куприянов и Широков, но и они знали, что наука считает Марс и Венеру необитаемыми, не говоря уж о других планетах.

Прилет корабля марсиан или жителей Венеры докажет, что даже в иных, нежели существующие на Земле, природных условиях разумная жизнь может развиться и даже опередить земную.

Оба молчали, погруженные в свои мысли.

У главного входа обсерватории стояло несколько ав-

томобилей. Куприянов узнал по номеру светло-серый «ЗИМ», принадлежавший профессору Лебедеву. Значит, он тоже приехал сюда.

К подъезду подошел еще один автомобиль, и из него вышел хорошо знакомый Куприянову профессор Лежнев – знаменитый лингвист, книги которого по истории языка пользовались большой известностью. Он был очень высок ростом, толст и неповоротлив. Кивнув головой, он пожал руку Куприянову и, отдуваясь, сказал:

– И вы здесь?.. Подумать только!

С ним вместе приехал китаец средних лет, в больших роговых очках. Он мельком оглядел Куприянова и Широкова и молча стал подниматься по лестнице.

– Вас тоже вызвал Штерн? – спросил Куприянов.

– Нет! Мне позвонили из Совета министров. Просили срочно приехать… в обсерваторию… не знаю зачем.

Через каждые два слова он шумно отдувался и вытирал лицо платком. Несмотря на жаркий день, на нем было пальто.

– Вам не жарко? – участливо спросил его Широков.

– Даже очень жарко… но жена… боится простуды.

– Кутаться – это самый верный путь к простуде, – заметил Широков.

– Да, так говорят… врачи. Но моя жена… им не верит.

Куприянов засмеялся, а Широков только пожал плечами.

Они вошли в обширный, отделанный белым мрамором вестибюль, вдоль стен которого стояли низкие скамьи, обитые красным бархатом.

Сотрудник обсерватории подошел к ним и пригласил

подняться на третий этаж, в кабинет директора.

– Вы можете воспользоваться лифтом, – сказал он.

Даже Лежнев отказался от этого предложения. Внутри обсерватории было прохладно, и никому не хотелось забираться в душную кабину. Они не спеша пошли наверх.

Куприянов еще ни разу не был здесь, и его на каждом шагу поражала роскошь отделки. Обсерватория походила на дворец. Она была недавно построена, и ею по праву гордилась не только Москва, но и весь Советский Союз.

– Не по монаху монастырь, – сказал Лежнев.

Куприянов вспомнил неказистую внешность Штерна и невольно улыбнулся.

– Вы посмотрели бы на телескопы, которые тут установлены, – сказал Лежнев. – Астрономы всего мира не видели ничего подобного. Это лучшая обсерватория мира.

– Вы уже были тут? – спросил Куприянов.

– Был, – ответил толстяк. – Я любитель астрономии, и Семен Борисович поощряет мои «недостатки».

Когда они вошли в огромный, отделанный мореным дубом кабинет директора, там уже находилось человек двенадцать. Они сидели вокруг стола, покрытого темно-малиновым сукном. Академик Штерн быстро ходил по кабинету, заложив руки за спину. Китаец, приехавший с Лежневым, тоже был тут.

– Ну, наконец-то все, – сказал Штерн. – Садитесь, время не терпит.

Среди присутствующих, кроме астрономов, Куприянов с удивлением увидел крупнейших ученых самых

различных специальностей, не имевших прямого отношения к науке о небе. Тут были биологи, химики, энергетики и языковеды. Был даже знакомый ему географ.

Куприянов сел на свободный стул, недоумевая, – какое заседание тут готовится. Когда Штерн вызвал его по телефону, он полагал, что астроном просто хочет показать ему в телескоп блестящую точку, которую они наблюдали утром. Если даже эта точка и в самом деле космический корабль, то зачем все-таки это собрание?..

Штерн подошел к столу и постучал карандашом. Тотчас все разговоры прекратились и все головы повернулись к нему. На молодых и старых лицах было одинаковое выражение нетерпения и любопытства.

СОГЛАСЕН!

Штерн обеими руками расправил свою могучую бороду («Нервничает старик!» – подумал Куприянов) и начал говорить.

– Сегодня утром, – сказал он, опуская всякое обращение, – случилось событие, равного которому еще не случалось за всю историю нашей планеты. Впрочем, не так! Вернее будет сказать, что такого события еще не случалось за всю историю сознательной жизни человечества на Земле. Так вот, сегодня утром на небе было замечено появление какой-то непонятной блестящей точки. Наша обсерватория выяснила природу этой точки. Оказалось, что «точка» представляет собой металлический шар, имеющий около тридцати метров в диа-

метре. С помощью одного из наших рефракторов шар был детально рассмотрен. Нет никакого сомнения, что он является искусственным и имеет внеземное происхождение. Я сам его видел. Мы имеем дело с космическим кораблем обитателей другой планеты; и корабль этот, по-видимому, намерен опуститься на поверхность нашей Земли. Этот вывод вытекает из анализа наблюдений за его движением, которые удалось провести, пока шар был виден. В шесть часов утра он находился над Москвой почти в зените. В девять корабль отклонился на восемнадцать градусов к западу и находился на высоте четырех тысяч километров. Потом он постепенно стал опускаться, одновременно двигаясь на запад. Благодаря тому, что наша Земля имеет привычку вращаться вокруг своей оси, корабль к двум часам дня исчез за горизонтом. Последнее определение его высоты показывает три тысячи километров. Это значит, что корабль опускается со скоростью почти двести шесть километров в час, или пятьдесят семь метров в секунду. Вероятно, он вполне может замедлить или, наоборот, ускорить быстроту снижения. По этому поводу мы пока не можем сказать ничего. Намерения экипажа нам неизвестны, но если корабль начал опускаться, то нет никаких оснований думать, что он прекратит спуск и улечит от Земли, не опустившись на нее. Вопрос заключается в том, где он опустится. Я обо всем сообщил президенту Академии наук, а он в свою очередь – председателю Совета Министров. Вы сами понимаете, что подобное событие требует принятия самых срочных мер. Перед нами две возможности. Или корабль опустится в пределах СССР или Китая, или в ка-

кой-нибудь капиталистической стране. Но не надо забывать, что СССР и Китай по площади, занимаемой ими, довольно заметная величина на поверхности Земли. Шансы примерно равны. Я даже думаю, что у нас больше шансов, если вспомнить скорость, с которой корабль опускается. Продолжая двигаться так же, он достигнет Земли завтра утром и как раз над нашей территорией. Время не ждет, и на предварительные разговоры этого времени у нас нет. Президент Академии Неверов был немедленно вызван в Центральный Комитет партии и получил там указание срочно собрать научною экспедицию для встречи гостей. Корабль близок к Земле и хотя летит сейчас очень медленно, но опустится не позднее ближайших двадцати часов. Список членов экспедиции был составлен мною и утвержден президентом в количестве девяти человек. Начальником экспедиции намечен член-корреспондент Академии наук, профессор Куприянов, которого вы все знаете. Он здесь присутствует.

Никак не ожидая подобного конца, Куприянов с изумлением посмотрел на Штерна. Старик усмехнулся в бороду.

– Да, да, Михаил Михайлович! Мы решили вам поручить встречу гостей, если они пожалуют к нам, и позаботиться, чтобы они сохранили хорошее воспоминание о людях Земли. А главное, – чтобы они в добром здоровье вернулись на свою родину. На разных планетах разные атмосферы, а в них могут быть разны бактерии. Первая и главная роль принадлежит медицине. Мы не должны допустить, чтобы наши гости хоть в какой степени повредили свое здоровье. Конечно, они и

сами понимают опасность и, возможно, примут свои меры, но мы все же обязаны сделать все, что в наших силах. Вот поэтому мы с президентом и решили поручить руководство всей экспедицией именно вам, как руководителю института экспериментальной медицины. Я полагаю, что, как вы, так и все остальные товарищи, занесенные в список, не откажутся от участия.

Никто ничего не ответил. Взволнованные ученые молча переглядывались. Было видно, что неожиданное и столь необычайное сообщение Штерна потрясло всех. У Лежнева лицо покрылось красными пятнами, и он нервно мял пальцами сукно на столе. Широков умоляющим взглядом смотрел на Куприянова; и, встретив этот взгляд, профессор понял, что молодой человек умирает от желания быть зачисленным в состав экспедиции. Китаец, приехавший с Лежневым, сидел неподвижно. Лебедев что-то говорил своему соседу, но сосед явно не слушал и растерянно оглядывался по сторонам.

– Так что же, товарищи? – спросил Штерн. – Давайте решать вопрос. Слово за вами, Михаил Михайлович.

Куприянов поднял голову. Он успел уже обдумать неожиданное предложение и понял, что отказываться нельзя. Задача, которую хотели возложить на него, была трудна и ответственна, но он хорошо понимал, что выбор президента был правильным.

Он встал. Все глаза устремились на него.

– Я согласен, – сказал он, – и благодарю за доверие. Участие в подобной экспедиции большая честь…

– Ближе к делу, Михаил Михайлович! – сказал Штерн.

– У меня есть несколько вопросов, – сказал Куприя-

нов. – Что будем делать, если корабль опустится не в Советском Союзе? Каким образом мы узнаем место приземления и как доберемся до этого места? Кто зачислен в состав экспедиции?

– Отвечаю по порядку вопросов, – сказал Штерн. – Как я уже говорил, вся наша подготовка должна вестись из расчета, что космический корабль приземлится в СССР или в Китайской Народной Республике. В этом, последнем, случае… – он замолчал на секунду. – По счастливой случайности, в Москве находится сейчас вице-президент китайской Академии наук – профессор Ляо Сен.

Китаец, приехавший с Лежневым, встал.

– По поручению китайского народного правительства, – сказал он на чистом русском языке, – с которым я связался сегодня утром, в случае приземления корабля на китайской территории, приглашаю вас к нам.

– Прекрасно! – сказал Штерн. – Но может, конечно, случиться, что космический корабль опустится в Африке, Америке или Австралии. Гадать тут бесполезно. Нам остается только надеяться, что случится так, как нам желательно. Шансы на это, повторяю, есть, и не малые. Если все-таки корабль опустится не у нас, тогда и будем решать, что делать. Там увидим. Отвечаю на второй вопрос: в настоящий момент по всей территории Советского Союза и Китая идет подготовка. Авиационные соединения, военные и гражданские, получили приказ: как только корабль появится, ему навстречу вылетят скоростные самолеты и проводят его до места приземления, а затем немедленно сообщат об этом в Москву. Мы с вами будем находиться здесь и сразу же

вылетим. Самолеты нас ждут. Это ответ на третий вопрос.

Он надел очки и взял со стола бумагу.

– Состав экспедиции, – он поднял очки на лоб и оглядел сидящих за столом. – Я прошу товарищей, фамилии которых я буду называть, тут же говорить, согласны они или нет. Правда, я уверен, но все-таки… Итак, начальник экспедиции – член-корреспондент Академии наук СССР, действительный член Академии медицинских наук, доктор медицины, профессор Куприянов Михаил Михайлович. Согласие уже имеется. Заместители или помощники начальника экспедиции: Штерн Семен Борисович. Согласен! – ответил он самому себе. – Вице-президент Академии наук Китая, профессор Ляо Сен.

– Согласен!

– Член-корреспондент Академии наук СССР, доктор биологических наук, профессор Лебедев Семен Павлович.

– Конечно, согласен! – сказал высокий мужчина с очень моложавым лицом и гладко зачесанными седыми волосами.

– Члены экспедиции: профессор Лежнев Анатолий Владимирович.

– Я, конечно, очень хочу, – сказал толстяк. – Но есть некоторые обстоятельства…

Штерн досадливо замахал рукой.

– Согласен! – сказал он. (Лежнев с комическим недоумением развел руками.) – Следующий: доктор химических наук, профессор Аверин Кондратий Поликарпович.

Сидевший рядом с Куприяновым худощавый человек, очень похожий лицом на Тимирязева, приподнялся и ответил:

– Согласен. Благодарю!

– Доктор технических наук, профессор Смирнов Александр Александрович.

Небольшого роста, подвижной, с тонким нервным лицом, профессор Смирнов наклонился вперед и поспешно ответил:

– Безусловно согласен!

– Член-корреспондент Академии наук УССР, доктор технических наук, профессор Манаенко Артем Григорьевич.

Манаенко, по лицу которого можно было безошибочно узнать его национальность, провел рукой по усам и пробасил:

– Согласен.

Он посмотрел на Куприянова и неизвестно зачем подмигнул ему.

– И последний, – сказал Штерн, – доктор географических наук, профессор Степаненко Владимир Петрович

– Какие могут быть разговоры! – ответил тот.

– Названные мною товарищи, – продолжал Штерн, – являются основным составом экспедиции. В случае необходимости к нам будут присоединяться ученые других специальностей. Прошу помнить, что каждый участник отвечает за работу с гостями по своей области.

– А позвольте узнать, на каком языке вы собираетесь говорить с этими самыми гостями? – спросил Лежнев. – Мы не знаем, что они собой представляют. Мо-

жет быть, эти существа не имеют с нами ничего общего.

– Подобные опасения мне кажутся необоснованными, – ответил профессор Лебедев. – Из того, что нам рассказал Семен Борисович о корабле наших гостей, очевидно, что они хорошо знакомы с геометрией (корабль имеет форму шара), металлургией (шар металлический), математикой, космографией и многими другими науками, без которых невозможно осуществить космический полет. А это доказывает, что их разум тождественен нашему разуму. Возможно, конечно, что их внешняя оболочка, тело, отличается от нашей, но мне кажется несомненным, что нам удастся найти с ними общий язык.

– Правильно! – сказал Штерн. – А задача найти этот общий язык как раз ложится на вас, Анатолий Владимирович, и на товарища Ляо Сен. Именно вам придется изучить язык гостей или научить их нашему языку. Что касается меня, то я совершенно согласен с тем, что сказал Семен Павлович.

– Мне тоже так кажется, – заметил Куприянов.

– Сдался! – шутливо сказал Лежнев.

– Есть у кого-нибудь вопросы? – спросил Штерн.

– Как не быть, – сказал Аверин. – Нас вызвали сюда, не предупреждая ни о чем. Может случиться, что через короткое время мы будем в самолете. А дома у нас ничего не знают. И, полагаю, что с этим все согласятся, надо ведь захватить с собой кое-какие вещи.

– У меня, например, при себе денег нет.

– Мне надо оставить распоряжения по институту.

– У меня срочная работа, которую нельзя так бро-

сить. Надо поручить ее кому-нибудь.

– Вы решили за меня; но хоть предупредить жену можно? – посмеиваясь сказал Лежнев.

Штерн внимательно выслушал всех.

– Все это понятно, – сказал он. – Но должно быть понятно и то, что событие произошло так внезапно. Конечно, затруднения будут. Ждать и откладывать наш вылет мы не можем. Как только будет получено известие о приземлении корабля, мы должны немедленно вылететь. Но кое-что сделано. Специальные люди уже отправлены на ваши квартиры. Они привезут то, что ваши жены пришлют вам. Вы можете позвонить по телефону. Все необходимое, что не успеем захватить сейчас, будет доставлено на место самолетом. Что касается денег, то с минуты на минуту должны быть доставлены сюда необходимые средства и документы на случай, если придется лететь в Китай. Я думаю, что Михаил Михайлович не откажется выдать необходимые суммы тем, кто в них нуждается. Наша экспедиция будет все время связана с правительством и президиумом Академии наук. Все будет в порядке. Есть еще вопросы ко мне? Нет? В таком случае моя сегодняшняя роль окончена. Прошу обращаться к начальнику экспедиции.

– Есть еще один небольшой вопрос, Семен Борисович, – сказал Куприянов. – Надо взять с собой кинооператора…

– Предусмотрено, – перебил Штерн. – ТАСС командирует с нами корреспондентов, фотографов и кинооператоров. Они все будут на аэродроме одновременно с нами.

– Я хочу взять с собой моего ассистента – Петра Аркадьевича Широкова.

– Куприянов показал на своего спутника, который радостно встрепенулся, услышав эти слова. – Возможно это?

– Это уже ваше дело, – ответил Штерн. – Позвоните президенту.

– Я могу воспользоваться вашим телефоном? – спросил Куприянов

– Конечно, но только не этим. – Штерн указал на телефон, стоявший на маленьком столике. – По нему нам будут сообщать о космическом корабле. Этот аппарат всегда должен быть свободен.

ОЖИДАНИЕ

Переговорив с президентом Академии наук, Куприянов зачислил в состав экспедиции еще двух человек, доведя, таким образом, их общее число до одиннадцати. Зачислены были: кандидат медицинских наук Широков и сотрудник обсерватории, молодой астроном Синяев, который с радостью согласился.

Из ТАСС сообщили, что работников печати будет пятеро. Куприянов позвонил на аэродром и выяснил, что для переброски шестнадцати человек к месту посадки космического корабля достаточно четырех скоростных пассажирских самолетов.

Один за другим приезжали люди, посланные на квартиры участников полета, и уже много чемоданов стояло внизу, в вестибюле. Куприянов тоже получил свои вещи и записку от жены, в которой она желала ему успеха.

Жена Лежнева приехала сама и, к удивлению всех, кто ее не видел раньше, оказалась маленькой худенькой женщиной, которую странно было видеть рядом с ее слоноподобным супругом.

Что касается Широкова и астронома Синяева, которые не были занесены в первоначальный список, то им пришлось самим съездить за своими вещами.

– Не задерживайтесь! – сказал Куприянов. – Как только будет получено известие о корабле, мы вылетим. Если вы все-таки опоздаете, то вылетайте за нами.

Но, вопреки этому распоряжению, сам же Куприянов дал Широкову дополнительное поручение. Он попросил его заехать в институт и привезти целый ряд различных медикаментов. Судя по списку, врученному им Широкову, профессор собирался открыть на месте посадки корабля полностью оборудованный медпункт.

– Захватите пару складных коек, – сказал он – Кто знает, в каких условиях придется жить, а больных, если таковые окажутся, нельзя держать на земле И, конечно, необходимое белье. Не забудьте наши халаты. По дороге сами сообразите: может, я забыл что-нибудь.

Никто не знал, сколько времени придется ждать. Штерн предоставил в распоряжение участников экспедиции несколько комфортабельно обставленных комнат, которые в обсерватории предназначались для астрономов, приезжавших сюда со всех концов Советского Союза и из-за рубежа. Но отдыхать было некогда.

Заседание, начавшееся в кабинете Штерна в четыре часа дня, без перерыва продолжалось до десяти часов вечера.

Сообщений о космическом корабле все еще не поступало, и это время нужно было использовать на то, чтобы как можно лучше подготовиться к предстоящей работе. Президент Академии сам приехал на обсерваторию и вместе с Куприяновым и Штерном помогал каждому участнику экспедиции составить план работы по его специальности.

Широков вернулся и привез столько материалов для будущего медпункта, что даже Куприянов немного поворчал на такое усердие.

Профессор Аверин настаивал на том, чтобы взять с собой целую химическую лабораторию. Смирнов и Манаенко явились на совещание с длиннейшим списком, судя по которому, на месте приземления корабля должен был появиться если не музей, то во всяком случае хорошо оборудованная выставка.

– Должны же мы познакомить гостей с техникой Земли, – отвечали они на возражения руководителей экспедиции.

– Для этого не обязательно везти с собой модели машин, – ответили им,

– достаточно фотографий, чертежей и рисунков.

Любая серьезная экспедиция всегда требует длительной подготовки, а Куприянову и его спутникам предстояло отправиться в исключительную по своему значению и ответственности поездку в «пожарном порядке». Неудивительно, что множество вопросов так и осталось неразрешенным.

– Радиосвязь экспедиции с Москвой будет поддерживаться непрерывно, – говорил Неверов. – Все, что вам понадобится, получите немедленно.

Наконец, в одиннадцатом часу, основные вопросы были согласованы, материалы для работы доставлены, личные дела участников экспедиции закончены. Президент уехал, обещав вернуться, как только будет получено известие о корабле.

– Где сейчас находится корабль? – спросил он у Штерна.

– Если продолжает двигаться так же, как утром, – сейчас он находится над Северной Америкой.

– А завтра утром?

– Окажется над Европейской частью Советского Союза. Но кто ему мешает изменить скорость снижения или направиться в другую сторону?

– Никто, конечно. Но будем надеяться, что нам повезет.

Члены экспедиции, один за другим, собрались в кабинете Штерна и расселись по креслам и диванам. Нервное состояние, в котором все находились, не давало заснуть, хотя Куприянов и рекомендовал это сделать.

Разговор, естественно, шел о корабле.

– Если он опустится в Америке, то сможем ли мы поехать туда? – спросил Синяев.

– Сможем-то сможем, – ответил Куприянов, – но там мы будем не хозяевами, а гостями.

– Не говоря уже о том, – подхватит Штерн, – что получение виз займет много времени. И не исключена возможность, что мы вообще не по пучим разрешения посетить Америку. Такие случаи, к сожалению, еще встречаются. В капиталистических странах наука не всегда встречает поддержку правящих классов. Глав-

ную роль играет выгода монополистов, а эти господа отлично сознают, какую огромную пользу они могут извлечь для себя из подобного визита. Люди, или кто бы они ни были, сумевшие построить космический корабль и осуществить межзвездный полет, безусловно, в области техники перегнали Землю.

– Да, плохо! – сказал Лебедев.

Наступило непродолжительное молчание.

– Откуда он мог прилететь? – тихо, ни к кому не обращаясь, спросил Степаненко и сам себе ответил: – С Марса.

– То есть как это с Марса? – вскинулся на него Штерн. – Ну что глупости говорить! На Марсе нет разумной жизни.

– Откуда же тогда? С Венеры?

– С Венеры?.. С Юпитера, Урана, Нептуна, Плутона. Запомните! В солнечной системе, кроме как на Земле, нет разумных существ. Корабль прилетел с другой планетной системы.

– Но в таком случае он должен был лететь…

– Не менее четырех с половиной лет, и то если он летел со скоростью света.

– Однако! – сказал Широков.

– А можно быть уверенным, что этот корабль летит на Землю не с враждебными намерениями? – неожиданно поставил вопрос Аверин.

– Уэллсовщина! – пренебрежительно ответил Штерн. – Борьба миров!

Разгорелся спор. Несколько человек стали на сторону Аверина, другие соглашались со Штерном.

Куприянов не слушал. Он сидел в глубоком кресле с

закрытыми глазами и думал. Возможность для корабля опуститься не в Советском Союзе почему-то вызывала в нем чувство досады и раздражения. «Им, – думал он, – этим существам, прилетевшим на Землю из глубин мирового пространства, совершенно безразлично, где опуститься. Они ничего не знают о Земле и о человечестве. Они опустятся там, где вздумается их начальнику, если таковой у них есть. А может быть, они и не подозревают, что Земля населена разумными существами, и, облетев ее кругом, направятся к Венере или Марсу».

Он выпрямился в кресле, пораженный неожиданной мыслью.

«Облетев ее кругом!.. Ну, конечно, это самое естественное, что должны сделать разумные существа, которые впервые подлетели к неизвестной им планете. Но тогда завтра утром корабль опять появится над Москвой, над которой он впервые так близко подошел к Земле. Зачем ему опускаться в Америке, когда, подлетая к ней, его экипаж видел только половину земного шара? Простое любопытство заставит их облететь вокруг всей Земли».

Он посмотрел на часы. Был уже двенадцатый час.

– Вот что, товарищи! – сказал он. – Если корабль опустится в Америке, то нам бесполезно сидеть тут и ждать. А у нас он не может опуститься ночью. Это может случиться только утром или днем. Поэтому я настоятельно прошу вас разойтись по своим комнатам и лечь спать.

Это требование было так логично, что никто не стал возражать. Участники экспедиции разошлись. В каби-

нете остались только Куприянов, Лебедев и Штерн.

– Я переночую здесь, – сказал Куприянов. – Лягу на диване, поближе к телефону.

– Мы тоже останемся с вами, – ответил Штерн. – Тут места хватит.

Лебедев и Куприянов долго не могли заснуть. Старый академик уже спал, а они еще лежали с открытыми глазами и разговаривали.

Куприянов рассказал о своих предположениях, и биолог вполне согласился с ним.

– Это совершенно логично, – сказал он. – Как это никто не подумал об этом!

– Случайно, – сказал Куприянов, – они подлетели к Земле с нашей стороны. Облетев ее кругом, они опустятся именно здесь, в Европейской части Союза. Мне кажется это несомненным. – Он сел на диване. – Вы помните, Семен Павлович, Штерн говорил, что корабль летит очень медленно. Его движение не зависит от движения Земли вокруг ее оси. Он просто тихо опускается, а Земля, вращаясь, проходит под ним.

– И, когда Земля сделает полный оборот, корабль опустится, – подхватил Лебедев. – Правильно, Михаил Михайлович! Вы угадали.

– И знаете, что я вам скажу, – на полном лице Куприянова появилась улыбка. – Хотите я буду пророком? Мы получим известие о корабле в шесть часов утра, когда он появится над Владивостоком.

– Ну что глупости говорить! – послышался голос, и взлохмаченная борода поднялась над диваном. – Обсерватория Петропавловска-на-Камчатке первая увидит корабль, а это будет не в шесть, а в два часа ночи

по московскому времени. При чем тут Владивосток, Хабаровск, Биробиджан, Комсомольск?..

– Мы вас разбудили, Семен Борисович?

– Я давно не сплю и слушаю вас, – ворчливым тоном ответил Штерн.

– Вы согласны со мной, Семен Борисович? – спросил Куприянов.

– Логично, – коротко ответил старик.

Он кряхтя встал с дивана и подошел к своему столу.

– Кто их знает, какая у них там погода! – проворчал он.

Куприянов и Лебедев переглянулись. Об этом они не подумали. Пасмурная погода могла испортить все. Старый астроном, привыкший всегда думать о погоде, первый вспомнил об этом. Он позвонил в институт прогнозов и долго слушал ответ, записывая что-то на бумаге.

– Слава те, природа великая! – сказал он, кладя трубку. – Нам везет. По всей трассе от Петропавловска до Москвы ясное небо.

Он подошел к дивану, на котором лежал Куприянов, и сел в стоявшее рядом кресло. Вынув из кармана гребень, тщательно расчесал волосы и бороду. Потом с довольным видом вытянул короткие ноги и скрестил руки на животе.

– Да! – сказал он. – Жалко, что при вашем разговоре не присутствовал Степаненко Владимир Петрович! То-то бы он посмеялся! Академики!.. Школьную географию забыли! Владивосток настолько южнее, что там и не увидят корабля.

Куприянов засмеялся.

– Вы, я вижу, уже выспались.

– А вы всех разогнали спать, а сами…

– Теперь, после того, что вы сказали, совсем не придется спать, – заметил Лебедев. – Без двадцати минут два.

Дверь тихо открылась, и на пороге с виноватым видом появился профессор Смирнов. За его спиной виднелись усы Манаенко.

– Вы не спите? – спросил он. – Можно?

– Входите, входите. – Куприянов скинул ноги с дивана и сел. – Где уж тут спать!

– Никак не заснуть, – извиняющимся тоном сказал Смирнов. Его тонкое нервное лицо сангвиника дышало возбуждением, глаза блестели. – Когда я думаю о тех тайнах, которые несет к нам этот корабль… технических тайнах, меня охватывает чувство, среднее между восторгом и страхом.

– Я понимаю вас, – сказал Лебедев.

– Меня глубоко поразили слова Семена Борисовича, что корабль прилетел из соседней планетной системы. Он летел почти пять лет в пустоте и мраке вселенной, с непостижимой для нас скоростью.

– Пять лет, – сказал Штерн, – это только в том случае, если он прилетел из системы ближайшей к нам звезды. Ближайшей! – повторил он, внушительно поднимая палец

– Голова кружится, когда подумаешь о тех силах, которые с такой скоростью движут этот корабль. Ведь тридцать метров! Вы так, кажется, сказали? Шар диаметром в тридцать метров. Это значит, что, когда он приземлится, его верхняя часть будет на высоте десятиэтажного дома.

– Да! – отозвался Манаенко. – Только для того, чтобы построить такой шарик, нужна фантастическая техника.

– Еще двое, – сказал Штерн.

Куприянов оглянулся и увидел, что в кабинете появились еще два члена экспедиции. – Синяев и Степаненко. Почти тотчас же за ними вошел Аверин.

– Если так будет и дальше, – смеясь сказал Лебедев, – придется сменить начальника экспедиции. Его не хотят слушаться.

– И не будут слушаться, если он сам не выполняет своих распоряжений,

– решительным шагом входя в кабинет, сказал Лежнев.

С приходом Широкова вся экспедиция, за исключением Ляо Сена, оказалась в сборе.

– Завидная выдержка, – заметил Лежнев. – Спит как ни в чем не бывало!

– Вы думаете, он спит? – спросил Лебедев.

Он вышел и через полминуты вернулся обратно.

– Заглянул в замочную скважину, – весело сказал он. – Сидит и читает. Я хотел…

Он не договорил и замер с открытым ртом. Почти все вскочили со своих мест.

Заветный телефон на маленьком столике зазвонил.

Куприянов, стараясь быть спокойным, снял трубку. Все с напряженным вниманием следили за выражением его лица.

– Космический корабль, – сказал он, – появился на горизонте Петропавловска на Камчатке (Штерн довольно хмыкнул) на высоте около пятисот километров.

НА ВОРОНЕЖ!

Никто больше не думал о сне. Нервное состояние, казалось, достигло предела. Обычно такие хладнокровные и всегда уравновешенные, ученые бестолково метались по кабинету, уходили и сейчас же возвращались обратно. Поминутно начинались короткие разговоры и прерывались на середине. Голоса звучали громче обычного, но, как только звонил телефон, наступало гробовое молчание.

Телефоны трещали почти непрерывно. Звонили из Академии наук, из Совета министров, из ЦК партии, с аэродрома, из различных институтов и научных учреждений. Казалось, что в эту ночь вся Москва не спала.

Без двадцати минут три поступило сообщение из Космодемьянска. Там видели корабль низко над северным горизонтом и определили его высоту в те же пятьсот километров.

Значило ли это, что экипаж корабля прекратил снижение? Или наблюдатели ошиблись? От ответа на этот вопрос зависело многое.

Сообщение из Космодемьянска смутило многих. Кое-кто совсем упал духом, решив, что все пропало. Куприянов, Штерн и Ляо Сен одни только сохраняли спокойствие. Китайский ученый неподвижно сидел за столом Штерна; и временами казалось, что он спит. Штерн ни разу не встал со своего кресла, сидя все в той же позе, – ноги вытянуты, руки скрещены на животе. Куприянов переходил от одного телефона к другому и в промежутках между разговорами успокаивал особен-

но нетерпеливых. Он был непоколебимо убежден, что корабль опустится.

Позвонив на аэродром, он приказал подготовить самолеты и отправил туда весь багаж.

– Если бы они не имели намерения сесть на поверхность Земли, – говорил он, – то им незачем было бы спускаться так низко.

Профессор Смирнов поддержал его.

– Надо учитывать, что для отлета космического корабля с планеты, имеющей размеры Земли и, следовательно, довольно значительную силу тяжести, требуется затратить колоссальное количество энергии. Существа, создавшие космический корабль, безусловно создали и первоклассную оптическую технику. Значит, они давно разглядели, что имеют дело с населенной планетой. Зачем же им тратить запасы энергии, если они не думают опуститься?

– С высоты четырех тысяч километров они еще не могли разглядеть, что планета населена, – отвечали ему сомневающиеся.

– Ну что глупости говорить! – вмешался Штерн. – Для любого разумного существа задача космического рейса заключается в том, чтобы найти на других планетах жизнь, подобную жизни на их собственной. Не забывайте, что корабль прилетел из другой солнечной системы. Это значит, что он летел не один год. Предпринять подобное путешествие только для того, чтобы бросить беглый взгляд на цель своего пути и сейчас же повернуть обратно, – это нелепость.

– У них может быть ограниченный запас энергии.

– Ну, разве что так! – насмешливо сказал Штерн.

– Почему же они прекратили снижение?

– Это еще не установлено. Наблюдатели могли ошибиться.

– Ну, разве что так! – в тон астроному пошутил Манаенко.

В четыре часа снова приехал президент Академии. Он рассказал, что жители Москвы действительно не спят. Уступая настойчивым требованиям, радиотрансляционная сеть начала работать в неурочное время, передавая сведения об экспедиции.

– Примерно то же происходит по всей стране, – сказал президент. – И не только в нашей стране. Половина земного шара нервничает.

– Это не удивительно, – заметил Лебедев. – Такое событие не может не волновать мыслящих людей.

– Для многих это событие означает полное крушение их мировоззрения, – сказал Куприянов.

Раздался очередной звонок, и Чита сообщила, что космический корабль находится прямо над городом, на высоте четырехсот километров.

– Корабль хорошо виден, – сообщили оттуда. – Он ярко блестит в лучах солнца, подобно звезде. Весь город на улицах.

Значит, корабль все-таки опускается!

– Они летят не совсем прямо, – сказал Степаненко, – но примерно следуют по пятьдесят второй параллели.

– Откуда можно ждать следующего сообщения? – спросил Неверов.

– Из Иркутска, – ответил географ.

– А какая там погода?

Штерн ответил, что должна быть ясная, но прези-

дент все-таки позвонил на метеорологическую станцию.

– В Иркутске безоблачное небо, – сказал он. – Погода нам благоприятствует.

На горизонте медленно разгоралась утренняя заря…

Наступил день, один из самых замечательных дней в истории Земли.

Там, за линией горизонта, окрашенного в пурпурные цвета рассвета, солнце изливало свои животворные лучи на просторы Сибири, и в этих лучах, высоко в верхних слоях атмосферы, летел корабль.

Рожденный где-то в безднах вселенной, задуманный и построенный неведомыми существами, он властно и неопровержимо доказывал, что всепобеждающий разум существует не только на Земле. Появление этого корабля наносило последний и окончательный удар тем, кто все еще пытался опровергнуть выводы современной науки и доказать исключительное положение маленькой Земли в бесконечной вселенной. В ее безграничных просторах, среди неисчислимого количества планетных систем, должны существовать миры, несущие на себе жизнь. Жизнь, а с нею и могучий, творящий разум!

Гипотеза превратилась в истину!

Космический корабль, творение чуждого Земле разума, летел над планетой, и глаза пока еще загадочных и неведомых существ смотрели из него на Землю.

Что представляют собой эти существа?.. Каков их внешний облик?.. Похожи ли они на человека?.. Удастся ли найти с ними общий язык?..

Эти вопросы оставались пока без ответа.

Но, кто бы они ни были, на что бы ни были похожи, между ними и человечеством, населяющим Землю, уже возникла и незримо крепла связь. Связь разума, объединяющая живые существа всей вселенной. Связь, которая всегда существовала и всегда будет существовать, хотя бы разумные существа, населяющие разные планеты, и не знали о ней.

Эти мысли владели всеми, кто находился в этот момент в кабинете Штерна.

С аэродрома сообщили, что работники ТАСС, корреспонденты, фотографы и кинооператоры уже прибыли и ждут у самолета.

Куприянов решил дождаться телефонограммы из Иркутска и, в зависимости от ее содержания, ждать или тоже ехать на аэродром.

Иркутск, наконец, позвонил; и сообщение, переданное оттуда, взволновало всех еще больше.

Корабль был уже на высоте двухсот километров.

– Они увеличили скорость снижения! Корабль опускается! Они приземлятся в Сибири! Надо немедленно вылетать! – раздались нетерпеливые голоса.

– Может быть, ошибка? – невозмутимо сказал Штерн.

Никто не успел ответить на это замечание, как поступило следующее сообщение.

Абакан телефонировал, что космический корабль показался на его горизонте и быстро летит на запад на высоте ста пятидесяти километров.

Сомнений больше не было. Гости из глубин вселенной решительно опускались. Было похоже, что их колебания, если таковые у них были, окончились, и они

уверенно направили свой корабль к поверхности планеты.

– На аэродром – коротко распорядился Куприянов.

– Я останусь здесь, – сказал президент Академии. – Буду принимать сообщения и немедленно передавать вам. Необходимо, хотя бы приблизительно, определить, где они приземлятся.

– Это можно будет почти точно определить, когда мы получим сообщение из Акмолинска, – сказал Степаненко. – Очень важно знать, в каком направлении и на какой высоте они пролетят над ним.

– Я вам немедленно это сообщу. Счастливого пути, товарищи!

Автомобили всю ночь стояли у подъезда. Шоферы, так же как и участники экспедиции, не смыкали глаз, каждую минуту ожидая своих пассажиров.

Все быстро расселись, и четыре машины, выехав из ворот обсерватории, помчались к аэродрому, до которого было не больше пяти километров.

Куприянов и Степаненко остались на аэровокзале, а остальные направились прямо к самолетам, моторы которых уже работали на малом газу.

Начальник аэропорта провел Куприянова и его спутника в свой кабинет.

Ожидание было непродолжительным. Президент передал телефонограмму из Акмолинска, сообщавшую, что корабль на высоте всего сорока пяти километров пролетел прямо на запад.

– Вылетайте немедленно! Счастливого пути!

Куприянов положил трубку.

– Ну, Владимир Петрович, решайте.

Географ думал недолго.

– Корабль летит вдоль пятьдесят второй параллели, – сказал он – Судя по его скорости снижения и быстроте полета, он должен опуститься по эту сторону Уральского хребта. Я думаю, что он опустится где-нибудь между Саратовом и Курском. Нам надо лететь по направлению к Воронежу.

– Так и сделаем, – сказал Куприянов.

Было уже совсем светло. Как только они вышли на бетонное поле, возле самолетов произошло движение. Летчики поспешно занимали свои места.

Равномерный рокот моторов сразу усилился, перейдя в оглушительный шум. Двухмоторные серебристые птицы нетерпеливо дрожали, удерживаемые тормозами на месте.

– Флагманский самолет второй слева! – крикнул начальник аэропорта, наклонившись к самому уху Куприянова.

– До свидания! – сказал профессор, протягивая руку.

– Счастливого пути! Желаю успеха!

Куприянов и Степаненко поднялись на борт. В самолете находились Штерн и Ляо Сен.

Штурман эскадрильи встретил начальника экспедиции у двери.

– На Воронеж! – сказал Куприянов.

Громче взревели моторы, и флагманский самолет, чуть-чуть покачнувшись, двинулся вперед. За ним тронулись с места и три остальных.

После короткого разбега машины поднялись в воздух и, не делая прощального круга над аэродромом, легли на курс.

Глава вторая

«ОН НЕ ГОЛУБОЙ, А СОВСЕМ БЕЛЫЙ!»

Предположение Степаненко, что космический корабль опустится между Саратовом и Курском, по-видимому, было правильным.

Миновав Акмолинск, он, быстро снижаясь, перелетел Уральский хребет и в шесть часов тридцать минут утра появится над Чкаловом, на высоте двух километров.

Ожидавшие его самолеты Чкаловского аэроклуба поднялись в воздух, и, приветствуя гостей, полетели с ним рядом с обеих сторон.

Учитывая, что космический корабль может двигаться по принципу реактивного движения (хотя позади него не видно было ни малейшего следа), инструктор аэроклуба рекомендовал летчикам не приближаться к его задней части, чтобы не попасть в мощную струю, которую должен был оставлять за собой этот гигантский шар.

По неизвестной причине (это навсегда осталось тайной) один самолет нарушил это указание и вошел в «кильватер» гостя.

Тысячи зрителей, наблюдавших полет корабля, а также другие летчики видели, как самолет, словно отброшенный вихрем, с огромной скоростью помчался хвостом вперед в обратном направлении, несколько раз перевернулся и со сломанными крыльями рухнул на землю.

Заметил ли экипаж корабля эту катастрофу, которой он был невольной причиной, или им не понравилось приближение непонятных машин, но шар резко увеличил скорость и в несколько секунд оставил все самолеты далеко позади себя.

Точно так же он уклонился от почетного конвоя в Саратове, а затем и в Воронеже.

К обоим этим городам он подлетел на небольшой скорости, но, как только в воздухе появлялись самолеты, корабль увеличивал скорость, упорно оставляя их позади и не подпуская к себе на близкое расстояние.

Экипаж космического корабля будто хотел этим сказать, что просит оставить его в покое и не мешать.

Боялся ли он неизвестных крылатых машин? Опасался ли с их стороны враждебных действий? Это было возможно.

– Они просто хотят, чтобы им не мешали выбрать место и произвести спуск, – сказал Куприянов. – Может быть, они опасаются, что приземление их огромного корабля повлечет за собой такие же катастрофы, как в Чкалове.

– Скорей всего так, – согласился с ним Штерн.

Эскадрилья с экспедицией Академии наук находилась в воздухе уже полтора часа. Радист непрерывно принимал и передавал Куприянову радиограммы, и флагманский самолет все время находился в курсе всего, что относилось к космическому кораблю.

Когда стало известно, что он на высоте шестисот метров пролетел мимо Воронежа, направляясь дальше на запад, эскадрилья повернула по направлению на Орел – Гомель.

Куприянов, Штерн, Ляо Сен и Степаненко внимательно перечитывали получаемые радиограммы, стараясь по неполным и отрывочным описаниям составить себе представление о внешнем виде космического корабля. Эти описания передавались со слов летчиков, которые видели его с близкого расстояния и, каждый по-своему, рассказывали о нем.

Было несомненно, что корабль представляет собой геометрически правильный шар голубоватого цвета. (В некоторых радиограммах его называли белым, в других – голубым. Было и такое описание, в котором говорилось, что шар «белый как снег при лунном свете».) Летчики сходились на том, что корабль металлический, но определить, что это за металл, никто из них не смог. Сходились также на том, что шар не окрашен. Поверхность шара покрыта небольшими черными пятнами, которых с одной стороны насчитали сорок, а с другой – сорок два.

Но, что было поразительнее всего, – это полное отсутствие чего бы то ни было, хотя бы отдаленно похожего на окна. Все наблюдатели в один голос отмечали эту подробность.

– Но должны же они видеть окружающее! – сказал Ляо Сен. – Может быть, эти черные пятна?..

– Сомнительно, – ответил Штерн. – Что они должны видеть вокруг, это несомненно, но трудно представить себе, зачем могло понадобиться такое большое число маленьких окон. Нельзя забывать, что полеты внутри планетных систем таят в себе опасность встречи с бесчисленными метеоритами, бороздящими межпланетные пространства во всех направлениях. В этом отно-

шении, чем меньше отверстии будет иметь космический корабль, тем лучше. Эти черные пятна – что-то другое.

– Бесполезно гадать, – сказал Куприянов. – Корабль построен не на Земле, и нам все равно не понять его конструкции, пока мы не познакомимся с ним вблизи.

– Может быть, стенки корабля прозрачны для его экипажа, – заметил Степаненко.

– Ну, это уж совсем невероятно, – сказал Штерн – Корабль же металлический.

– Это могло бы быть только в том случае, – ответил географу Куприянов, – если органы зрения этих существ воспринимают невидимую для нас часть спектра. Ультракороткие волны в десятые и сотые доли онгстремов[1].

– Мне кажется, что мы имеем тут дело с техникой телевидения, – сказал Ляо Сен.

– Это самое вероятное.

Радист вошел в кабину и подал Куприянову очередную радиограмму. Она была из Москвы.

Президент Академии сообщал, что правительство СССР договорилось с Польшей и Германской Демократической Республикой. Если космический корабль опустится на их территории, то экспедиция свободно может отправляться туда.

– Очевидно, в Москве считают, что корабль может

---

[1] Онгстрем (Ангстрём) – очень малая единица длины, равная 0,0000001 мм. Употребляется для измерения весьма малых расстояний, каковы, например, расстояния между атомами в веществе а также длины световых волн ультракоротковолновой части спектра.

вылететь за пределы нашей страны, – сказал Куприянов, прочитав радиограмму. – Но ведь они уже очень низко опустились.

– Очевидно, они прекратили снижение.

– Печально будет, если корабль улетит еще дальше.

– Да, в этом случае наш полет превратится в бесцельную увеселительною прогулку, – сердито подытожил Куприянов.

Пассажиры самолета молча смотрели в окна на расстилавшийся под ними пейзаж, и беспокойные мысли одинаково мучили всех. Ведь экипажу корабля совершенно безразлично, где опуститься. Они не могут знать о том глубоком различии, которое существует между двумя половинами земного шара. Они даже не подозревают, что, если их корабль пересечет двенадцатый меридиан к востоку от Гринвича, их приземление повлечет за собой совершенно иные последствия не только для людей, но и для них самих.

Что они знают о Земле и о жизни на ней? Ничего!

Но прошло минут десять – и настроение пассажиров флагманского самолета поднялось.

Радист принял следующую радиограмму. Из Тима сообщали, что корабль только что пролетел над городом по направлению на Щигры.

– Что за Щигры такие? – недовольно сказал Куприянов. – Надо попросить у летчиков карту.

– И как это вы, географ, и не взяли с собой карты? – ворчливо заметил Штерн, обращаясь к Степаненко.

– Ничего! – ответил тот. – Разберемся и так. Щигры находятся в тридцати километрах от Тима, на северо-запад. Выходит, что корабль круто изменил направ-

ление, уклонившись от пятьдесят второй параллели на юг, а потом опять повернул к северу.

– Это верно? – с надеждой в голосе спросил просиявший Штерн.

– Вы не ошибаетесь, голубчик? – сказал Куприянов.

Надежда оживила всех.

– Для нас это очень хороший признак, – сказал Ляо Сен. – Раз корабль начал менять направление полета, – это может означать только одно: они выбирают место для посадки.

– Курская область, – продолжал Степаненко, – подходящее место для приземления такого огромного корабля. Там местность равнинная. А лесистость всего около восьми процентов.

Куприянов попросил штурмана повернуть больше к югу. Распоряжение было передано по радио другим самолетам, и эскадрилья изменила курс.

Вскоре поступило еще более интересное сообщение. Курск радировал, что из районного центра Золотухино, находящегося в сорока километрах на север, поступила телефонограмма о том, что корабль вот уже минут десять медленно кружится над городом на высоте в двести метров. Вокруг Золотухино поднялась настоящая буря. Ураганный ветер, идущий от корабля прямо вниз, поднял тучи земли и пыли, которые закрыли весь горизонт так, что город находится в полумраке. Жители попрятались, и жизнь замерла. Ветер валит телеграфные столбы, срывает крыши с окраинных домов. С Курского аэродрома вылетели самолеты, так как телефонная связь с Золотухино внезапно прервалась.

– Все столбы повалили! – сказал Штерн. – Веселенькая история.

Становилось очевидным, что дело идет к концу. Космический корабль решил опуститься. Но зачем он кружится над этим небольшим городком? Неужели его экипаж не понимает или не желает обратить внимание на то, что под ними населенный пункт? С высоты двухсот метров они не могут не видеть домов и улиц.

– Чуждая психология… Чуждый разум, – проворчал Штерн, яростно расправляя бороду обеими руками.

– Вокруг города пшеничные, картофельные и конопляные поля… – сказал Степаненко.

Никто не отозвался на его замечание. Взволнованные и мучимые нетерпением, ученые не отрывались от окон.

С высоты, на которой они находились, местность очень медленно, как им казалось, уходила назад. Самолеты пролетали мимо Орла, окраины которого смутно виднелись на горизонте. До Золотухино оставалось около ста километров.

С борта самолета, вылетевшего из Курска, передали через Москву длинную радиограмму, в которой сообщалось, что космический корабль опустился на землю в десяти километрах к югу от Золотухино и в пяти километрах от линии железной дороги Орел – Курск. Он сел на конопляное поле и при этом поднял такую громадную тучу земли, смешанной с вырванными кустами, что она поднялась на километр вверх.

Зная, что к месту приземления летит эскадрилья с научной экспедицией, летчик дополнительно сообщил, что рядом с полотном железной дороги, с западной

стороны, имеется хорошее ровное поле, пригодное для посадки, и что он и три другие самолета сейчас опустятся там и встретят эскадрилью.

– Молодец! – сказал штурман, когда Куприянов показал ему эту радиограмму. – Видно, что опытный летчик. Золотухино! – сообщил он, заглянув в окно.

Все бросились к левым окнам. Самолеты начали снижаться, и небольшой город был виден как на ладони. Левее города медленно оседала на землю громадная черная туча.

– Передайте на самолет ТАСС, чтобы они засняли эту тучу, – сказал Куприянов.

– Снимаем! – ответили оттуда.

Четверо ученых напряженно вглядывались, стараясь найти корабль. Когда самолеты немного повернули в сторону, направляясь к месту посадки, они увидели его. Небольшой, как им в первую минуту показалось, белый шар резко выделялся на зеленом поле. Поднятую им тучу уже отнесло в сторону ветром.

– Он не голубой, а совсем белый, – сказал Куприянов.

– По-моему, чуть-чуть голубоватый, – ответил Штерн Машины разворачивались. Внизу были видны четыре самолета, стоявшие по углам обширного четырехугольника. В центре этого поля четко выделялось посадочное «Т».

– Быстро они управились, – сказал штурман – Все как полагается.

Флагманский самолет первым пошел на посадку. Едва не коснувшись посадочного знака, он мягко пробежал по полю и отрулил в сторону, давая место следующему. Один за другим сели остальные.

Открылись двери, и на землю начали выскакивать члены экспедиции. Как по команде, все побежали к полотну железной дороги. Убеленные сединами академики наравне с молодежью, как дети, бежали по полю. Вместе с ними туда же устремились и экипажи самолетов.

Высокая насыпь закрывала горизонт – и корабля не было видно. Только добежав до насыпи, Куприянов вспомнил, что корабль опустился в пяти километрах от железной дороги. И действительно, когда задыхающиеся люди взобрались на полотно, они были разочарованы. Белый шар был еле виден почти на самом горизонте. Но все же они долго стояли и молча смотрели на маленький шарик, на поверхности которого солнце зажгло нестерпимо блестевшую точку.

«НИКТО НЕ БУДЕТ ПРОПУЩЕН!»

Больше получаса участники экспедиции, корреспонденты и летчики простояли на насыпи, молча всматри-

ваясь в маленький белый шар, заключавший в себе великую тайну, принесенную на Землю силой разума неведомого мира.

Молодые ученые Широков, Синяев и некоторые из корреспондентов выразили желание немедленно идти к кораблю. Куприянов категорически запретил подобную экскурсию.

– Все в свое время, – сказал он.

Вернувшись в самолет, он послал длинную радиограмму президенту Академии наук, в Москву.

Было только восемь часов утра, но солнце стояло уже высоко и было жарко. Члены экспедиции расселись прямо на траве, и Куприянов обратился к ним с маленькой речью. Он просил воздержаться от необдуманных действий, вроде предложенного похода к кораблю, и рассказал содержание полученных им во время полета радиограмм.

– Прибытие этого корабля, – сказал он, – уже стоило жизни одному человеку и нанесло большой вред горо-

ду и населению Золотухино. Мы не знаем, каков моральный облик наших гостей и как они собираются относиться к нам. Я верю, что существа, сумевшие построить такой корабль и осуществить межпланетый полет…

– Межзвездный, – поправил Штерн.

– Межзвездный полет, должны стоять на высокой ступени развития. Возможно, что все несчастья произошли случайно и наши гости в них не виноваты, но все же соблюдать элементарную осторожность мне кажется необходимым. Я прошу всех не покидать этого аэродрома и терпеливо ждать. Самолеты, – обратился он к летчикам, – пока останутся здесь. Не как руководитель экспедиции, а как врач, я настоятельно рекомендую всем немного соснуть после бессонной ночи. Это будет самое лучшее.

Никаких возражений не последовало. Большинство ученых забрались обратно в самолеты. Некоторые улеглись в тени крыльев, прямо на земле.

Нервное состояние, в котором все находились так долго, естественно сменилось усталостью, и вскоре со всех сторон послышался храп.

Куприянов тоже устал, но считал себя не вправе последовать примеру своих товарищей. Он уже в полной мере чувствовал ту ответственность, которая так тяжело ложится на руководителей. Он знал, что все равно не заснет, пока не убедится, что сделано все, что нужно, чтобы участники экспедиции могли спокойно и по возможности удобно устроиться на новом месте.

Он решил слетать к кораблю и посмотреть, что происходит около него. Военные самолеты, встретившие

экспедицию, еще не улетели, и Куприянов обратился к летчикам со своей просьбой.

– Пожалуйста, товарищ профессор, – ответил ему молодой краснощекий летчик с погонами старшего лейтенанта. – Мой самолет двухместный.

Куприянов с трудом втиснул свое солидное брюшко в узкую кабину военного самолета. Летчик с невозмутимо серьезным лицом (только глаза его озорно смеялись) помог профессору устроиться на сидении и, чуть коснувшись ногой крыла, впрыгнул на свое место.

– На какой высоте прикажете вести машину? – спросил он.

– Мне бы хотелось облететь шар кругом, сначала сверху, потом внизу, – ответил Куприянов. – Если это можно. И поближе.

– Слушаюсь! – ответил летчик.

Винт бешено завертелся. Машина дрогнула и, сорвавшись с места, как показалось профессору, без разбега, оторвалась от земли.

Куприянову никогда не приходилось летать на военных самолетах, а на современных скоростных – тем более. Он не успел сообразить, что произошло, как увидел, что белый шар, быстро увеличиваясь в размерах, вплотную приблизился к самолету, на мгновение куда-то исчез и вдруг оказался над головой. Земля очутилась не внизу, где ей полагалось находиться, а сбоку. Все смешалось в какой-то бешеной карусели. Самолет, описав вокруг шара круг (одно крыло к земле, второе к небу), пошел на второй, опустившись почти до земли. Не в силах что-либо рассмотреть в этом сплошном круговороте, где невозможно было понять, где небо,

где земля и где шар, Куприянов закрыл глаза и, махнув на все рукой, ждал конца этого сумасшедшего полета. Почувствовав, что самолет летит горизонтально, он открыл глаза и увидел, что они уже опускаются на аэродром. Он был ошеломлен и раздосадован на неуместную шутку, которую (как он думал) сыграли с ним. Но, пока самолет отруливал к месту стоянки, он сообразил, что не летчик, а он сам виноват во всем, когда попросился на военный самолет, не подумав о его скорости. Он понял и оценил замечательное искусство пилотирования, которое продемонстрировал ему этот молодой парень, буквально выполнивший его легкомысленную просьбу облететь шар «поближе». Чувство досады сменилось в нем восхищением перед мастерством летчика.

– Спасибо! – сказал он, когда мотор был выключен и наступила тишина.

– Правда, я ничего не видел, но зато я знаю теперь, что такое военный самолет.

– Это истребитель, товарищ профессор, – извиняющимся тоном сказал старший лейтенант. Он чувствовал себя виноватым, что не предупредил профессора перед стартом. – Он не может лететь медленнее. Я не подумал, что вы, может быть, не привыкли ориентироваться в воздухе. Я прошу вас не сердиться на меня.

– Нисколько не сержусь, – сказал Куприянов. – Мне только досадно, что я не видел то, что хотел увидеть.

– Шар лежит неподвижно, – сказал летчик, – и около него никого нет. Эта махина не имеет ни одной двери и ни одного окна. Я его очень внимательно рассмотрел. Сплошной металлический шар. Но в километре от него

я видел большую толпу, которая, по-видимому, направляется из Золотухино.

– И вы успели все это увидеть? – сказал Куприянов.

Он вылез из машины и тут только заметил, что рядом с летчиками на траве сидит академик Штерн.

– Ну, как прошла разведка? – спросил старик и, не выдержав, громко расхохотался. – Много видели?

Куприянов улыбнулся и, заметив, как старший лейтенант подмигнул ему, серьезно ответил:

– Достаточно. Возле шара нет никого. Экипаж еще не выходил. Меня беспокоит другое. К кораблю подходят жители Золотухино. Их нельзя туда допускать.

– Вот как! – удивился Штерн. – Вы, оказывается, опытный летчик.

Куприянов посмотрел на своего пилота, и оба рассмеялись.

– Нет, Семен Борисович, я не опытный летчик и ничего не видел. Все это мне рассказал товарищ старший лейтенант. Но что нам делать с этими людьми?

– Остановить.

– Разрешите выполнить? – сказал старший лейтенант.

– Ах, голубчик, пожалуйста! – обрадованно сказал Куприянов. – Но как вы это сделаете?

– Посажу машину на дорогу и остановлю их. Мы слетаем вдвоем, – прибавил он.

– Буду вам очень благодарен. Скажите им, что приближаться к шару опасно.

Через несколько секунд два самолета поднялись в воздух и исчезли за высокой насыпью железной дороги.

– Поезд идет, – сказал Штерн.

Куприянов обернулся и увидел длинный товарный состав. Поравнявшись с аэродромом, поезд остановился, и из вагонов, как из мешка, посыпались солдаты. В одну минуту состав опустел и возле насыпи выстроилась воинская часть. Два человека отделились от нее (Куприянов догадался, что это командиры) и направились к самолетам. Шедший впереди пожилой подполковник, увидев кучку людей, среди которых бросалась в глаза огромная борода Штерна, повернул к ним.

– Вы начальник экспедиции? – обратился он к Штерну.

– Нет, это я, – сказал Куприянов.

Подполковник четко взял под козырек. Стоявший на полшага позади него капитан сделал то же. Куприянов, не зная, как отвечать на такое официальное приветствие, тоже поднял руку и приложил ее к своей мягкой шляпе. За его спиной послышался смех летчиков. (Эти молодые, здоровые ребята смеялись по всякому поводу.)

– По приказу министра обороны, – сказал подполковник, – стрелковый полк прибыл в ваше распоряжение, товарищ начальник экспедиции. Командир полка, подполковник Черепанов.

– Это очень, очень хорошо, – сказал Куприянов. – Вы нам до зарезу нужны. Необходимо организовать охрану корабля. Сделать так, чтобы к нему никто не мог подойти. Окружить его кольцом.

– Понимаю!

– Но будьте и сами осторожны. Не ставьте людей близко к кораблю. Метров за двести, я думаю, и лучше, чтобы люди не стояли, а сидели или лежали.

– Вы ожидаете от этого корабля враждебных действий?

– Нет, я не думаю этого, но на всякий случай…

– Ясно, – сказал подполковник. – Товарищ капитан, ведите полк! – повернулся он к своему спутнику.

– Слушаюсь!

Капитан повернулся и пошел обратно к насыпи.

Паровоз дал свисток, и поезд тронулся. Стрелковый полк длинной лентой стал переходить полотно железной дороги. Куприянов заметил, что кинооператор тоже пошел с полком.

– Только бы он не сунулся к кораблю! – сказал он озабоченно.

– Без вашего разрешения, – сказал подполковник, – никто не будет пропущен через цепь.

БЕЛЫЙ ШАР

Недалеко от импровизированного аэродрома проходило шоссе, и на нем вскоре показалась длинная автоколонна. Впереди шло несколько легковых автомобилей. Поравнявшись с аэродромом, машины остановились. Несколько человек подошли к самолетам.

– Кто из вас профессор Куприянов? – спросил высокий, плотный мужчина, в легком сером костюме. – Ах, это вы! Здравствуйте, профессор! Я секретарь Курского областного комитета партии, Козловский Николай Николаевич, – отрекомендовался он. – Ну, как дела? А, вы уже здесь! – обратился он к командиру полка. – А люди где?

– Направлены на охрану космического корабля.

– Хорошо! – Козловский повернулся к военным летчикам. – А вы что тут делаете?

– Были направлены командованием на разведку места приземления космического корабля, – ответил старший из летчиков. – Потом нашли площадку для посадки самолетов эскадрильи и встретили ее.

– Молодцы! – сказал секретарь обкома. – Ну, а вы, профессор? Что вы думаете делать? Так и будете стоять посреди поля? А если дождь пойдет?

Он быстро задавал вопросы, внимательно слушал ответы, глядя прямо в лицо говорившего и одновременно зорко оглядывая все вокруг. (Посмотрев на бороду Штерна, он чуть заметно улыбнулся.) Было видно, что он очень доволен прекрасным днем, прилетом экспедиции и тем, что все так хорошо и быстро делается. Куприянову очень понравился этот энергичный человек.

– Я ожидаю ответа от президента Академии наук на мою радиограмму, – ответил он.

– Этот ответ вместо вас получил я, – сказал Козловский. – Вот, – он указал на автоколонну. – Мы привезли вам все, что необходимо для устройства лагеря. Вы только покажите место, а мы вам быстро все сделаем. У вас утомленный вид, товарищ Куприянов, – прибавил он.

– Что ж тут удивительного! Не спал со вчерашнего дня. Ну, да это не так важно.

– Как не важно? Все важно, дорогой товарищ. Впрочем, все мы тоже не спали сегодня ночью. Какой уж тут сон! Где же будем разбивать лагерь? Здесь?

– Нет. Лагерь надо поставить ближе к кораблю.

– В таком случае поехали! Самолеты отправляйте обратно в Москву. Вы,

– повернулся он к военным летчикам, – возвращайтесь в свою часть. Вам тут больше нечего делать. Ваши машины, товарищ подполковник, пришли с нами. Вон они, в конце колонны. Кто у вас заведует хозяйством, товарищ Куприянов?

– Пока еще никто.

– Назначьте кого-нибудь. А где члены экспедиции? Сколько их?

Слушая эти градом сыпавшиеся вопросы и распоряжения, Куприянов, Штерн, корреспонденты и летчики повеселели. Секретарь всем понравился. Люди, приехавшие с ним, стояли с серьезными лицами и ждали приказаний. Они, видимо, уже привыкли к характеру своего руководителя.

– Члены экспедиции спят, товарищ Козловский, – ответил Куприянов. – Нас одиннадцать человек. И пятеро корреспондентов.

– Всего шестнадцать. Хорошо! Багажа у вас, вероятно, не много? Мы довезем вас на машинах. Так кто же все-таки будет завхозом?

– Лучше назвать комендантом, товарищ секретарь, – сказал подполковник.

– Ладно, пусть будет комендант. Так кто же?

Куприянов вспомнил о своем ассистенте.

– Широков Петр Аркадьевич, – сказал он.

– Давайте его сюда.

Куприянов обратился к корреспондентам и попросил их разбудить членов экспедиции.

– Когда улетят самолеты, – сказал он Козловскому, –

мы потеряем возможность радиосвязи с Москвой.

– С нами передвижная радиостанция, – ответил секретарь.

Участники экспедиции один за другим подходили к ним. Куприянов называл их фамилии, и Козловский со всеми здоровался за руку.

Два самолета, поднявшиеся в воздух, чтобы остановить жителей Золотухино, вернулись обратно, и старший лейтенант доложил Куприянову, что задание выполнено.

– Полк уже на дороге, – сказал он. – К кораблю никто не подойдет.

– От любопытных вам не будет отбоя, – сказал Козловский – Все жители Курска, Золотухино, Свободы, Фатежа, Щигров побывают здесь. Да из Орла будут приезжать. И из других мест. Придется построить тут полустанок. А это вы, товарищ Широков? – сказал он, когда Куприянов представил ему молодого ассистента. – Вы назначены комендантом лагеря. Самый лагерь мы вам построим, а вам надо позаботиться об остальном. Охрана, пропускной режим, – говорил он, не обращая внимания на ошеломленный вид Широкова, – распорядок дня, размещение членов экспедиции. Кухни и продукты на машинах. Повара тоже. Вы кто по специальности?

– Врач. Кандидат медицинских наук.

– Очень хорошо! Удачный выбор, – кивнул секретарь Куприянову. – Прежде всего позаботьтесь о питании. Уверен, что все ходят голодные. Василий Семенович, – обратился он к одному из своих спутников, – помогите молодому человеку на первых порах. Он ско-

ро освоится. А вы, – обратился он к другому, – освободите все легковые машины для научных работников. До места лагеря поедете на грузовых.

– Зачем же? – сказал Куприянов. – Мы отлично доедем на чем угодно. Тут недалеко.

– Мы хозяева, вы гости, а гость хозяину не указчик. Машины не могут переехать через насыпь железной дороги, переезд же находится в шести километрах отсюда. Так что не так уж близко. Молодежь, вроде вашего коменданта, поедет на грузовиках, остальные – на легковых. У нас всего-то пять легковых машин.

Военные самолеты уже улетели, а те, которые привезли экспедицию, разворачивались на старт. Штурман флагманского самолета подошел к Куприянову и от имени личного состава эскадрильи пожелал ему удачи.

– Прощайте, голубчик! – сказал профессор. – Большое вам спасибо!

– Передайте привет Москве, – сказал Козловский.

Двухмоторные серебристые красавцы один за другим поднялись в воздух и, сделав круг над аэродромом, влетели на север. Поле опустело.

– Первый этап вашей экспедиции закончен, – сказал Козловский.

* * *

Машины медленно продвигались по узкой и извилистой проселочной дороге между двумя высокими стенами созревающей пшеницы. Тяжелые колосья бились о борта, и позади колонны дорога была усеяна сочными, крупными зернами.

– Каков урожай? А? Вы только посмотрите на эту красоту! – говорил Козловский.

Широким жестом он показывал на бесконечные просторы колхозных полей.

– Это колхоз-миллионер «Путь к коммунизму». В нем одних только Героев Социалистического Труда восемнадцать человек.

Машину отчаянно качало на ухабах и колдобинах Куприянов, Штерн и Ляо Сен поминутно валились друг на друга и потому не могли с должным энтузиазмом отнестись к словам секретаря обкома.

– Этому колхозу-миллионеру следовало бы хоть дорогу починить, – сердито говорил Штерн.

Козловский весело рассмеялся.

– Назвался груздем, – сказал он, – полезай в кузов! Ваш корабль мог опуститься в таком месте, где дорог вообще нет. Скажите спасибо, что едете в машине, а не идете пешком.

– Чем так трястись, лучше… о черт! – выругался Штерн, когда при очередном толчке Куприянов и Ляо Сен одновременно навалились на него.

– Здесь автомашины не ходят, – сказал шофер. – Тут есть другая дорога, параллельная этой.

– Так почему же поехали именно по этой?

– Потому что космический корабль опустился как раз на эту дорогу, – ответил Козловский. – Она нас прямо к нему выведет.

Пшеничному полю не было конца. Автомобили, как лодки, плыли по желтым волнам.

– Хорошо, что хоть здесь посевы не пострадали, – сказал Козловский.

– Ближе к городу совершенно уничтожено свыше тысячи га.

В его голосе прозвучала такая искренняя грусть, как будто он сам был председателем того колхоза, которому принадлежали погибшие посевы.

Внезапно, вслед за крутым поворотам, желтые стены раздвинулись и словно разбежались в обе стороны, открыв взору широкий простор равнины. Прямо впереди, в километре расстояния, четко вырисовывался на фоне неба исполинский белый шар, с едва заметной голубизной, ярко освещенный солнцем. Непонятным и загадочным выглядел он среди этой обычной русской равнины.

Шофер остановил машину.

– Мм-да! – сказал Козловский после нескольких минут молчания.

Сзади послышались нетерпеливые гудки.

– Ну, ладно, поехали! – секретарь обкома с шумом выдохнул воздух и покачал головой. – Такое только во сне может присниться.

Одна за другой выходили машины из моря пшеницы, и каждая, словно в изумлении, останавливалась на несколько секунд. Люди молча смотрели на шар, потом переводили глаза на засеянные поля, словно хотели убедиться, что родная природа по-прежнему окружает их.

Белый шар был реальной действительностью, но каждый невольно задавал себе вопрос, – не во сне ли он видит эту картину?

В передней машине первым нарушил молчание Ляо Сен.

– Вы обратили внимание, – сказал он, – что корабль опустился в таком месте, где до самого горизонта не видно ни одного населенного пункта?

– Да, место выбрано далеко не случайно, – сказал Куприянов.

Дорога стала гораздо лучше, но колонна все так же медленно, словно крадучись, приближалась к шару. С этого расстояния уже отчетливо были видны те черные пятна, о которых говорили радиограммы. Они были расположены по поверхности шара не как попало, а в строгом порядке. Слово «пятно» не подходило к их внешнему виду. Они были правильной круглой формы и совершенно черные, что резко подчеркивалось белым корпусом корабля. Каждое «пятно», насколько можно было судить на расстоянии, имело около метра в диаметре.

Когда колонна приблизилась на пятьсот метров, стало видно, что чудовищный мяч на одну десятую часть корпуса погрузился в землю. Было ли это следствием его тяжести или выходящий из него с огромной силой поток неизвестного газа (тот ураганный ветер, который произвел опустошения в Золотухино), удерживая корабль от падения, вырыл под ним этот котлован, сказать было нельзя. Может быть, действовали обе причины.

– Остановимся вот здесь, – почему-то вполголоса сказал Козловский. – Место вполне подходящее.

Он указал на пять или шесть берез, одиноко стоявших среди конопляного поля.

– Хорошо, – ответил Куприянов.

И вдруг из зеленой конопли появились сотни людей.

Это было так неожиданно, что натянутые нервы выдержали не у всех. В колонне послышались крики. Некоторые судорожно закрыли лицо руками.

Куприянов вздрогнул, но сразу понял, что это не существа, вышедшие из космического корабля, как в первую секунду подумали многие и он сам, а просто солдаты полка, который расположился на этом месте. Люди лежали на земле, и конопля скрывала их. Когда подошли машины, они поднялись по команде, которую не слышали в колонне, и одновременным движением создали этот театральный эффект.

Место действительно было удобное. Корабль был виден отсюда как на ладони. Конопляное поле кончалось у берез, а дальше тянулась незасеянная, поросшая травой полоса невспаханной земли. Метрах в двухстах от деревьев протекал ручей с чистой прозрачной водой, берега которого заросли кустами малины.

– Место для лагеря идеальное! – сказал Козловский и, подозвав своих помощников, дал приказание разгружать машины и начинать работу. – К семи часам вечера все должно быть закончено.

Подполковник Черепанов предложил помощь своих людей. У корабля находился в карауле всего один батальон.

– Очень хорошо! – сказал Козловский.

– Ну, как там? – спросил Куприянов у знакомого уже капитана, кивнув на шар.

– Никакого движения. Можно подумать, что в нем никого нет, – ответил офицер.

При таком количестве работников дело пошло быстро. До срока оставалось еще два часа, а уже на травя-

ном поле вырос целый полотняный город. Просторные палатки экспедиции стояли ближе к шару, а за ними ровными рядами выстроились палатки военного лагеря. На берегу ручья задымили походные кухни полка и заканчивалась постройкой кухня экспедиции.

Привычные к лагерной жизни офицеры быстро навели воинский порядок. У традиционных «грибов» встали часовые. Всюду мелькала озабоченная фигура дежурного по полку с красной повязкой на рукаве.

ЧТО ЭТО БЫЛО?

Пока строился лагерь, Куприянов, посоветовавшись со своими заместителями, решился на то, чего настойчиво требовали от него корреспонденты и многие члены экспедиции, – подойти к шару и осмотреть его с близкого расстояния. Он решился на это скрепя сердце. Какое-то смутное чувство, в котором он сам не мог разобраться, предостерегало его от этого. То был не страх, а какое-то другое, более сложное чувство.

С ним пошли Лебедев, Ляо Сен, Аверин, Смирнов и Манаенко. Кинооператор и один корреспондент присоединились к ним. Штерн не пожелал участвовать в экскурсии.

– Мне трудно идти, – сказал он. – Устал.

Куприянову показалось, что старый астроном сказал это только для того, чтобы найти какой-нибудь предлог, но что у него есть другая, более серьезная причина. В нем опять проснулись сомнения, но ему не хотелось менять принятого решения.

– Идите. Никакой опасности нет, – сказал Штерн, словно угадав его мысли.

Маленькая группа вышла на дорогу и направилась к шару. В двухстах метрах от цели они были остановлены часовым, который неожиданно вырос на их пути. Он категорически отказался пропустить их. Пришлось остановиться и послать за караульным начальником.

Офицер проверил документы Куприянова и, только убедившись, что перед ним действительно начальник экспедиции, приказал часовому дать дорогу.

– Когда вам надо пройти к кораблю, – сказал он, – берите пропуск, товарищ профессор.

– Хорошо! – сказал Куприянов.

Ему нравилось, что эти люди так строго выполняют его просьбу никого не допускать к шару.

Часовой отошел в сторону и снова спустился в маленький, недавно вырытый окопчик. Куприянов знал, что часовые стоят вокруг всего шара на расстоянии двадцати шагов друг от друга, но, сколько ни смотрел по сторонам, никого не видел. Офицер повернулся и, даже не посмотрев на корабль, пошел обратно, к лагерю. Было очевидно, что за те несколько часов, которые они провели здесь, солдаты и офицеры успели наглядеться на космический корабль и теперь он уже не вызывал у них интереса. Это был обычный, правда не совсем понятный, военный объект, который им было приказано охранять, и они делали это с привычной добросовестностью.

Пока ожидали офицера, кинооператор установил свой аппарат и снимал шар. Проверку документов он тоже запечатлел на пленку. Некоторое время он снимал вслед группе ученых, потом вскинул аппарат на плечо и бегом догнал их.

По мере того, как они подходили все ближе и ближе, корабль словно вырастал вверх, закрывая собой небо. На его гладкой, точно отполированной, поверхности не заметно было ни одного шва. Словно на чудовищной величины токарном станке из одного куска белого металла выточили исполинское ядро и бросили его на Землю.

Черные пятна вблизи оказались круглыми отверстиями, закрытыми толстой решеткой. За ее прутьями была тьма. Кроме этих отверстий, не видно было никаких других: ни окон, ни дверей.

Куприянов и его спутники остановились в двадцати метрах от шара и молча смотрели на него. Кругом стояла полная тишина. Сколько они ни прислушивались, ни единого звука не слышно было из-за металлических стенок. Эти стенки безусловно были металлические, но такого металла на Земле не существовало.

– Сплав, – тихо сказал Смирнов.

– Что? – спросил не расслышавший Куприянов.

– Я говорю, что это какой-то сплав.

– Возможно.

И опять все замолчали.

Громадный шар был неподвижен и казался безжизненным. Но не мог же он прилететь на Землю один, без живых существ. Кто-то находился в нем! Что они делают сейчас и что намерены предпринять дальше? Может быть, существа, находящиеся внутри, и не собираются выходить из своего корабля, и он вдруг поднимется и улетит с Земли, продолжая свой путь по дорогам вселенной?

Невозможно было сомневаться, что экипаж корабля как-то видит то, что его окружает. Все его поведение при спуске на Землю доказывало это. Может быть, и сейчас чьи-то глаза (или что бы это ни было) внимательно наблюдают за людьми, подошедшими к шару?

При этой мысли Куприянов почувствовал себя неуютно. Он ясно представил себе, что произойдет, если кораблю вздумается именно сейчас подняться, и понял, что это подсознательное опасение и было причиной его колебаний, – подходить к шару или нет.

Экипаж корабля безусловно видит, что около него собралось много людей. Если им это не нравится и они решат перелететь на другое место, то обратят ли они внимание на то, что рядом, с кораблем стоят восемь человек? Может быть, подобная мысль и не придет им в голову («Если у них есть голова», – подумал Куприянов) и они просто поднимут шар в воздух, не заботясь о том, что будет с хозяевами этого места. Исполинский корабль весит, вероятно, сотни тонн, и, чтобы поднять его, нужна чудовищная сила. Люди, неосторожно подошедшие к кораблю, будут сметены этой силой.

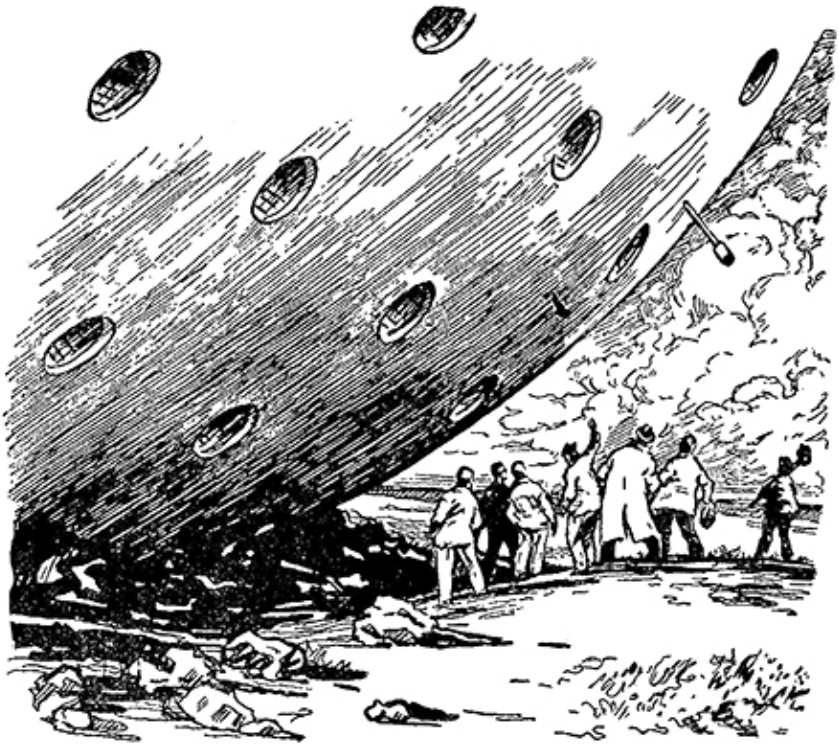
Профессору захотелось немедленно уйти отсюда, даже убежать со всех ног, но вместо этого он спокойно сказал:

– Надо обойти шар кругом.

– От же бисова дитына! – вдруг сказал Манаенко. – Страшно!

Он рассмеялся и пошел вперед. Остальные двинулись за ним.

Они не прошли и тридцати шагов, как профессор Смирнов вдруг приглушенно вскрикнул и остановился.



– Смотрите! – прошептал он.

Но все уже увидели…

Замерев на месте, люди не спускали глаз с того, что происходило перед ними…

На высоте шести – семи метров от земли часть поверхности шара сдвинулась с места и сначала медленно отошла внутрь, а затем скользнула в сторону. Образовалось темное круглое отверстие не более тридцати сантиметров в диаметре.

– Щоб я вмер… – прошептал Манаенко. (Он всегда говорил по-русски, но в эту минуту крайнего напряжения невольно перешел на родной язык).

Несколько секунд отверстие в оболочке шара зияло чернотой. Потом в нем что-то показалось. Медленно выдвинулся длинный тонкий стержень. На его конце был какой-то предмет, похожий формой на цилиндр. Послышалось металлическое пощелкивание. Потом что-то громко стукнуло и стержень с цилиндром также медленно стал уходить обратно. Опять появилась круглая крышка и закрыла отверстие.

Все приняло прежний вид, но люди все так же стояли и молча смотрели на гладкую оболочку шара. Они не знали, что произошло, не знали, что представляет собой виденный ими цилиндр, но самый факт несомненно разумного действия, первое проявление жизни внутри корабля глубоко потрясло их.

Только через несколько минут они почувствовали себя в силах продолжить обход шара. Корреспондент с киноаппаратом вдруг начал ругаться и ударил самого себя кулаком по лбу.

– Шляпа! – бормотал он.

– В чем дело? – спросил Куприянов.

– Зазевался, как болван, и не заснял этого… ну, как его?..

– Это дело поправимое, – утешил его Куприянов..

Хотя то, что он сказал, было бессмысленно, но корреспондента почему-то успокоили его слова.

Обойдя шар кругом, они вернулись на то место, откуда видели появление цилиндра, и около получаса стояли там в ожидании, не повторится ли то же явление. Но ничего больше не случилось.

– Пошли! – сказал, наконец, Куприянов По мере того, как они удалялись от шара, их волнение проходило и разговоры становились оживленнее.

Куприянова неотвязно мучил нерешенный (и пока явно неразрешимый) вопрос о том, было появление цилиндра каким-нибудь сигналом, адресованным к ним или нет? Случайно ли он появился именно тогда, когда они проходили мимо? Или экипаж корабля намеренно сделал это, желая показать, что внутри находятся разумные существа? Если это был сигнал, то что он означает?..

Погруженный в эти мысли, он не слушал, что говорили между собой его спутники, как вдруг слова профессора Аверина дошли до его сознания.

– …взятие проб воздуха, конечно, обязательно для них, – говорил химик – Они не могут выйти из шара, не зная состава нашей атмосферы.

Куприянов даже остановился

– Ну, хорошо! – сказал он – Я согласен с вами, что это было взятие пробы воздуха. Но почему они сделали это именно тогда, когда мы были рядом?

Аверин удивленно посмотрел на него.

– Мне не пришло в голову, – сказал он, – что этот цилиндр и был как раз аппаратом для взятия пробы. Я говорил вообще. Пожалуй, вы правы, Михаил Михайлович.

– Они видели, что мы рядом, и сделали это. Почему?

– Может быть, сигнал…

– Вот именно, – сказал Куприянов. – Может быть, они хотели подать нам сигнал.

– Если так, – сказал Смирнов, – то у них должно было остаться плохое мнение о нас. Мы стояли разиня рот…

Манаенко засмеялся. Куприянов недовольно по-

смотрел на него. Привычка этого человека смеяться, когда не следовало, раздражала его. Он ничего не ответил Смирнову и быстрым шагом пошел к лагерю.

Широков встретил их у первой палатки.

– Ну что? – спросил он. – Как?

Куприянов махнул рукой и нахмурился. Широков хорошо знал все оттенки выражения его лица и сразу понял, что профессор чем-то очень недоволен и что сейчас лучше ни о чем его не спрашивать.

– Обед готов, товарищи! – Широков хозяйским жестом показал на большую палатку, стоявшею поодаль. – Прошу вас!

– Где Штерн? – спросил Куприянов.

– В вашей палатке. Но я посоветовал бы вам пообедать, Михаил Михайлович.

По многолетнему опыту совместной работы с Куприяновым он знал, что, когда профессор бывает в таком состоянии, как сейчас, то самое лучшее делать вид, что не замечаешь этого. Нужно только не затрагивать тех вопросов, которые испортили ему настроение, и тогда это быстро пройдет.

– Прошу вас, – повторил он еще раз.

Куприянов молча повернул к указанной палатке.

По дороге в столовую Широков подробно расспросил Ляо Сена обо всем, что они видели у шара. Китайский ученый спокойно и обстоятельно удовлетворил его любопытство. Он говорил ровным голосом на чистом, даже чересчур чистом, русском языке. (Этот выдающийся лингвист свободно владел восемнадцатью языками.) Но из его рассказа Широков так и не понял, почему начальник экспедиции вернулся в таком дурном настроении.

Между тем профессор вошел в палатку и свободно вздохнул, когда увидел, что, кроме Штерна, там никого не было. Просторная палатка казалась очень уютной. Посередине стоял хороший стол и мягкие стулья. Возле четырех кроватей были тумбочки. Над столом висела электрическая лампа под абажуром… (Подходя к палатке, Куприянов видел, как связисты полка тянули провода.) Штерн сидел у стола и при входе Куприянова поднял голову от книги.

– Ну что?

Куприянов волнуясь рассказал про все, что они видели, и о своих мыслях на обратном пути. Штерн внимательно слушал.

– Вы хорошо слышали это пощелкивание? – спросил он. – Может быть, это был голос живого существа?

– Нет. На голос этот звук был совсем не похож. Если бы вы были с нами…

– Но я не был с вами, – поспешно перебил Штерн. – Так вы думаете, что это был сигнал? А может быть, просто взятие пробы воздуха?

– Кондратий Поликарпович тоже высказал такое предположение. Но почему они сделали это именно при нас? Ведь они наверняка нас видели!

– Да, – сказал Штерн. – Это серьезный довод. Ну что ж, когда они выйдут из корабля, мы это узнаем.

– Так вы не думаете, что они улетят, не выходя к нам? Ведь мы никак не реагировали на их сигнал. Ни одним движением! Стояли и смотрели… как баран на ворота.

– Я думаю одно, – сказал Штерн. – Существа, построившие подобный корабль, в умственном отноше-

нии не ниже нас с вами. А если так, то они должны были понять ваше состояние. Они опустились и выйдут. Они вас видели

– это несомненно, – и доказали вам это. С их точки зрения появление цилиндра вполне достаточное доказательство.

– Если бы так, – сказал Куприянов. – Почему вы не пошли с нами, Семен Борисович?

– А может быть, это был фотоаппарат? – не отвечая на вопрос, сказал Штерн. – Может быть, они вас просто сфотографировали?

– Это тоже возможно. Мне кажется, что если бы вы были с нами, то поняли бы больше, чем мы.

Куприянов с удивлением увидел, что старый астроном вдруг покраснел.

– Вы трижды спросили меня об одном и том же, – сказал он спокойно. – Думаю, что мне следует объясниться, иначе вы можете подумать, что старик струсил. Видите ли, я был уверен, что они вас увидят. Вы были первые люди, которых они увидели вблизи. Мне казалось, что не следует… Я не хотел показывать им такой образец человеческой расы, как я.

– О господи! – вырвалось у Куприянова. – Что за дикая мысль!

– Каждому следует правильно оценивать себя, – сказал Штерн. – Они должны были увидеть таких людей, каких большинство на Земле. А я… не совсем обычная фигура… Несколько анахроничен.

Куприянов невольно рассмеялся.

– Чудите, Семен Борисович! Они все равно вас увидят.

– Потом не важно, – улыбнулся астроном. – Первое впечатление много значит.

Куприянов замолчал. Объяснение старого академика показалось ему и смешным и трогательным.

– Идите обедать! – сказал Штерн. – И не волнуйтесь! Они выйдут из корабля!

Он сказал это так спокойно, что Куприянов не мог не поверить ему.

ДВА ПЛЮС ДВА – ЧЕТЫРЕ

Секретарь Курского обкома партии уехал из лагеря поздно вечером. С ним вместе ушли и машины, доставившие палатки и все остальное. Военные автомобили остались в лагере. Их разместили позади линии палаток, и около них ходил часовой; две легковые машины тоже остались. Козловский предоставил их в распоряжение Куприянова.

– Мало ли что может случиться, – сказал он.

Куприянов поблагодарил его, тронутый вниманием и предусмотрительностью, которой окружали их экспедицию. Он еще не представлял себе тот огромный резонанс, который вызвал космический корабль во всем мире. Сегодняшних газет в лагере еще не видели.

– До свиданья, товарищи! – сказал Козловский, садясь в машину. – Да, чуть не забыл. Комендант! – он подозвал к себе Широкова. – Опросите всех членов экспедиции и узнайте, что кому нужно. Учтите, что, если ученые будут испытывать в чем-нибудь недостаток, вам не избежать партийного взыскания. (Он уже знал, кто из приехавших является членом партии и кто нет.) Обращайтесь прямо ко мне.

– Ну и человек! – сказал Широков, когда машина исчезла в наступающих сумерках. – Что за энергия!

– Хватит на троих обыкновенных людей, – отозвался Лебедев. – Я никак не думал, что мы устроимся здесь с таким комфортом.

– Подумайте только! – с восхищением сказал Лежнев. – В этакой глуши мягкие кровати. Не койки, а настоящие кровати. Пружинные. И одеяла, и постельное белье.

– Самое важное! – насмешливо сказал Смирнов. – Пошлите телеграмму жене, чтобы не волновалась.

– Лагерь действительно организован образцово, – сказал Куприянов. – Я не думал, что удастся сделать все так быстро.

– В Москве не дремали, пока мы гонялись за кораблем, – заметил кто-то.

Сумерки быстро переходили в ночь. Алмазная россыпь звезд покрыла все небо. Запахи конопли, пшеницы и свежего сена, накошенного солдатами полка, смешивались с чуть слышным нежным ароматом каких-то цветов. Было очень тепло.

– Продолжение дачной жизни, – сказал Штерн.

К Куприянову подошел подполковник Черепанов.

– Что будем делать, товарищ начальник? – спросил он. – Наступает темнота. Часовые ночью не смогут наблюдать за кораблем. Разрешите зажечь прожекторы.

– Прожекторы?.. – удивился Куприянов.

– У нас двенадцать автомашин с прожекторными установками, – ответил Черепанов. – Я поставил их вокруг корабля.

Куприянов задумался.

Боязнь, что шар улетит, если его экипажу надоест такое непрерывное наблюдение за ними, подсказывало решение отказаться от прожекторов, но он вспомнил все, что говорил ему Штерн. Если эти существа действительно имеют намерение выйти из своего корабля, то они поймут и то, зачем их освещают, а если они намерены вообще не выходить, то улетят и без света. Кроме того, наблюдать за шаром было необходимо.

– Хорошо, – сказал он. – Зажигайте!

– Пойдемте посмотрим, – предложил Лебедев. – Это, наверное, интересное зрелище.

Члены экспедиции собрались возле крайней палатки, от которой днем хорошо был виден космический гость. Стемнело так, что шар был едва различим. Его огромный темный силуэт смутно угадывался на юго-востоке.

Подполковник поднял руку, в которой была ракетница…

И вдруг вспыхнул свет.

Это не был свет прожекторов. Они должны были загореться только по сигналу.

Свет шел от корабля.

Яркий луч появился сначала в стороне от лагеря, потом быстро пробежал по полю, и палатки словно вспыхнули, освещенные сильным белым светом.

Луч медленно передвигался по лагерю, будто ощупывая его. Было ясно, что за ним неотступно следуют глаза тех, кто направлял его.

Что он означал? Что хотели сказать обитателям Земли пришельцы из глубин вселенной этим лучом света?.. Или они зажгли его только для того, чтобы увидеть лагерь?.. Но они его хорошо могли рассмотреть

днем. Свет был зажжен с какой-то другой целью, но с какой?..

Луч медленно приближался к стоявшей неподвижно группе людей.

Никто из них не пытался уйти с этого места, которое, как они хорошо понимали, через несколько секунд будет ярко освещено. С глубоким волнением они следили за приближением луча…

Вот он уже совсем рядом!

И вдруг луч подскочил вверх, пронесся над головами и погас.

Прошло несколько секунд, и он появился снова, погас, опять появился и снова погас.

Два раза!

Это было явно не случайно. Экипаж корабля адресовал эти две вспышки света людям.

Зачем? Что, что они хотели этим сказать?..

– Скорее! – сдавленным голосом сказал Штерн. – Где ближайший прожектор?

– Тут, рядом, – ответил подполковник.

Штерн и понявший его намерение Куприянов побежали за Черепановым. Следом бросились остальные.

– Зажгите прожектор и осветите корабль, – сказал Штерн. – Только одним этим прожектором. Ощупайте лучом весь шар и погасите. А затем два раза подряд зажгите на две – три секунды.

Космический корабль был слишком близко расположен и слишком велик, чтобы прожектор мог осветить его целиком. Белый круг света лег на поверхность шара и медленно обошел ее.

Ученые, стоявшие у автомашины, с пристальным вниманием следили за лучом.

Все одновременно заметили, как на поверхности шара блеснуло стекло, но луч только скользнул по нему на какую-то долю секунды.

Подполковник Черепанов поднял руку, но Штерн удержал его.

– Не надо! – сказал он.

Было ли это окно или стекло их прожектора?..

Свет погас – и все погрузилось в темноту. Потом он снова вспыхнул на секунду… И еще раз. Два раза!

Все молча ждали. Ответит ли экипаж корабля?.. Понял ли он?

Мгновения показались им очень длинными…

Все в один голос вскрикнули, когда то, чего они так желали, на что так надеялись, совершилось.

Космический корабль ответил! С короткими промежутками замигал ответный луч. Четыре раза!

Два плюс два – четыре! Два, помноженное на два, – четыре! Два, возведенное во вторую степень, – четыре!

Единственное и неповторимое ни с каким другим числом тождество результата.

Трудно было ответить яснее.

Свет погас – и снова наступила темнота. Люди ждали. Космический корабль ответил Земле. Теперь он сам должен был задать вопрос.

– Зажгите три раза, – сказал Штерн.

Его приказание было исполнено – и через несколько секунд пришел ответ:

Четыре!

В этом ответе был и вопрос. Все хорошо это пони-

мали. Гости из глубин вселенной ждали ответа!

– Я думал, что они ответят пятью, – сказал Штерн.

– Тогда бы мы ответили: семь и одиннадцать, – отозвался Степаненко.

– Ряд простых чисел. Чего же они хотят теперь?

– Пять, – сказал Штерн. – Соотношение сторон прямоугольного треугольника. А еще лучше ответить двадцатью пятью. Это будет яснее.

– Отвечайте! – сказал Куприянов Черепанову.

Двадцать пять раз зажегся и погас прожектор. Двадцать пять коротких вспышек света послали ответ: сумма квадратов катетов равна квадрату гипотенузы.

И снова мрак окутал Землю и космический корабль, прилетевший с другой Земли.

Свершилось!

Разум неведомой планеты и разум Земли обменялись первыми словами.

Эти слова были сказаны на том единственном языке, который должен быть понятен любому высокоразумному существу, в какой бы точке безграничной вселенной он ни жыл! На языке математики!

Долго, очень долго стояли участники экспедиции у потухшего прожектора. Но луч корабля больше не загорался. Его экипаж был, по-видимому, вполне удовлетворен достигнутым результатом.

– Будем освещать корабль? – первый нарушил молчание подполковник Черепанов.

– Нет, нет! – ответил Куприянов. – Зажгите прожекторы, но не направляйте их на корабль. Осветите местность вокруг так, чтобы люди, находящиеся в нем, могли видеть вокруг себя так же, как и мы.

«Люди, находящиеся внутри корабля»…

Теперь, когда был достигнут первый успех, когда стала реальной действительностью вековая мечта, у него не повернулся язык назвать посланцев другого мира «существами».

Глава третья

КОГДА ЖЕ ОНИ ВЫЙДУТ?

Лучшие умы человечества много размышляли над проблемами жизни на других мирах. Обветшалая гипотеза о Земле – единственной носительнице разумной жизни во вселенной –давно уже была отброшена наукой. Идея множественности обитаемых миров постепенно завоевывала всеобщее признание. Но, как ни привлекательна была эта идея, сама по себе, она оставалась только гипотезой, требующей доказательства.

И вот прилет на Землю космического корабля принес, наконец, бесспорное доказательство.

Корабль стал виден на небе утром 27 июля в виде маленькой блестящей точки. В этот момент он был на высоте свыше четырех тысяч километров и находился далеко за пределами атмосферы.

Замедлив космическую скорость, с которой он летел в межзвездном пространстве, корабль в течение двадцати шести часов все ближе и ближе приближался к поверхности планеты. В семь часов сорок минут утра 28 июля (по московскому времени) он совершил посадку почти в центре Европейской части СССР, то есть в том месте, над которым впервые появился накануне.

Движение корабля совершалось независимо от движения Земли вокруг ее оси, и за эти двадцать шесть часов его экипаж мог рассмотреть неизвестную ему планету по всей длине пятьдесят второй параллели, над которой он находился. По счастливой для гостей слу-

чайности, на всем этом пространстве совершенно не было облаков, и Земля предстала глазам звездоплавателей во всем разнообразии своей природы.

Увлекаемые вращением Земли, под кораблем медленно проплыли равнины, леса и реки, города, деревни и села СССР, Польши, Германии и Голландии. Если гости наблюдали Землю с помощью мощных оптических приборов, то они могли заметить Лондон в южной части Британского острова, который был им виден весь с такой высоты. Панорамы европейского материка сменились просторами Атлантического океана. Экипаж корабля мог видеть на юге безграничную водную равнину, а на севере – льды Арктики и Гренландию. Затем полуостровом Лабрадор открылся материк Северной Америки. Корабль был уже настолько близок к земле, что экипаж мог ясно различить Кордильеры и вершину горы Колумбия, поднимающуюся на 4300 метров, прямо над которой они пролетели. Тихий океан мог показаться им не особенно большим, так как они пересекли его в северной части над Алеутскими островами. Оказавшись над Камчаткой, они, не зная этого, снова вернулись в ту страну, от которой начали свой путь над Землей. И вот, пролетев всю Сибирь, миновав Уральские горы и пройдя над Волгой, корабль закончил свой полет в равнинной части Среднерусской возвышенности.

Было несомненно, что экипаж космического корабля понял, что на их пути попалась густо населенная, освоенная разумными существами планета. Приняв решение опуститься, они выбрали место, где не было поблизости ни одного населенного пункта. Возможно,

что это было сделано для того, чтобы приземление их огромного корабля не повлекло за собой новых жертв (Они не могли не заметить катастрофы самолета под Чкаловом.) 28 июля все утренние газеты мира были полны сообщениями о космическом корабле и его посадке. Сообщение ТАСС о приземлении корабля к северу от Курска, о его внешнем виде и об экспедиции Академии наук СССР печаталось самым крупным шрифтом на первых страницах. В газетах Советского Союза и Китая были помещены портреты участников экспедиции и приводились рассказы очевидцев полета корабля, главным образом летчиков.

Небольшой районный центр Золотухино, о существовании которого мало кто знал даже в СССР, за один день прославился на весь мир. Многие западные газеты поместили на своих страницах карту Курской области с обозначением места, где опустился корабль. Приводились подробные сведения о городе Золотухино и окружающей его местности, зачастую совершенно не соответствовавшие действительности.

Краткое упоминание ТАСС об урагане, сопровождавшем посадку корабля, превратилось под пером бойких журналистов в страшную катастрофу, при которой якобы погибли тысячи жителей.

«ГОРОД ЗОЛОТУХИНО ИСЧЕЗ С ЛИЦА ЗЕМЛИ!»

«ПОСАДКА КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ ПОВЛЕКЛА ЗА СОБОЙ СМЕРТЬ НЕСКОЛЬКИХ ТЫСЯЧ ЧЕЛОВЕК!»

«ВЕЛИКОЕ СЧАСТЬЕ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ, ЧТО КОРАБЛЬ НЕ ОПУСТИЛСЯ У НАС!»

«ПРИЛЕТ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ ПРИЧИНИЛ СССР СТРАШНЫЕ ОПУСТОШЕНИЯ!»

Такими заголовками пестрели в этот день страницы европейских и американских газет. За всей этой шумихой ясно сквозило желание скрыть глубокое разочарование, вызванное посадкой корабля не там, где хотелось бы авторам.

Дневные газеты вышли со статьями, посвященными тому же событию. Содержание этих статей было самым разнообразным – от теории звездоплавания до новых видов оружия, которые могли бы появиться в результате знакомства советских ученых с техникой гостей из глубин вселенной.

В последующие дни посольства СССР были засыпаны бесчисленным количеством просьб о визах. Эти просьбы исходили от отдельных ученых, научных учреждений, обсерваторий, редакций газет и журналов, киностудий и просто частных лиц. Удовлетворить все эти просьбы было явно невозможно, но в отношении крупных ученых, обсерваторий и некоторых научных журналов посольства запросили Москву.

Тысячи людей, которым было отказано в визах, подняли шум, обвиняя СССР в желании монополизировать космический корабль, скрыть его от других стран. Снова зазвучала во весь голос старая сказка о «железном занавесе». Пытаясь успокоить общественное мнение, крупнейшие газеты выразили уверенность, что по-

сетив СССР, экипаж космического корабля, несомненно, захочет ознакомиться и с другими странами Земли. «Потерпите! – писали эти газеты. – После СССР корабль прилетит к нам. Незачем ехать для его осмотра в Советский Союз».

Миллионы людей собирались у радиоприемников, слушая передачи московских станций о космическом корабле, которые транслировались через каждые три часа на разных языках. Фамилии Куприянова, Штерна, Лебедева и Ляо Сена были у всех на устах. Всюду были известны все подробности прилета экспедиции, устройства лагеря, первой попытки разговора с помощью прожектора.

«КОГДА ЖЕ ОНИ ВЫЙДУТ ИЗ КОРАБЛЯ?»

«НА ЧТО ОКАЖУТСЯ ПОХОЖИ ЭТИ СУЩЕСТВА?»

«КАК УДАСТСЯ НАЙТИ С НИМИ ОБЩИЙ ЯЗЫК?»

Эти вопросы одинаково интересовали все население земного шара.

По мере того как шло время, волнение усиливалось. Были забыты повседневные заботы и интересы. Никто не читал в газетах политических новостей. Спортивные соревнования проходили на пустых стадионах. Театры и концертные залы собирали едва четверть обычного числа зрителей. Зато аудитории и лекционные залы ломились от желающих прослушать лекцию по астрономии. У кинотеатров, в которых демонстрировались научно-популярные фильмы о вселенной, выстраива-

лись гигантские очереди. В магазинах невозможно было достать книгу, имеющую хотя бы отдаленное отношение к науке о небесных телах. Люди, никогда не интересовавшиеся небом (разве только с точки зрения хорошей или плохой погоды), жадно вчитывались в астрономические книги, пытаясь разгадать, откуда прилетел корабль. За всю историю астрономии эта прекрасная наука никогда не имела столько поклонников и усердных учеников, как в эти дни. Словно человечество впервые заметило небо над головой, и миллионы людей, с наступлением вечера, подолгу простаивали на улицах и площадях, глядя на звезды. Плохая погода расценивалась как величайшее несчастье, и люди проклинали облака, закрывавшие от их глаз блистательную красоту вселенной, на которую они раньше так редко обращали внимание.

Интерес к кораблю и нетерпеливое ожидание выхода его экипажа усиливались все больше и больше.

В лагере экспедиции на весь этот шум не обращали никакого внимания. Ученые деятельно готовились к предстоящей работе. Считалось вполне вероятным, что корабль за все время своего пребывания на Земле не переменит места стоянки, так как трудно было предположить, что его запасы энергии не ограничены, а для того, чтобы оторваться от земли, требовалось чудовищное количество этой энергии. Исходя из этого соображения, на совете руководящего состава было решено подготовить все материалы для работы на месте, которая мыслилась как ознакомление гостей с жизнью Земли во всех ее проявлениях. Предполагалось, что в составе экипажа находятся ученые различных специ-

альностей и что их будут интересовать все области человеческой деятельности. По мнению Ляо Сена и Лежнева, на изучение языка гостей или на изучение ими одного из языков Земли (в зависимости от того, который окажется для них легче) потребуется не менее двух месяцев, и то, если такая задача окажется вообще осуществимой. Последнее особо подчеркивалось Лежневым, который мало верил в успех.

– Может случиться, – говорил он, – что, как мы, так и они, не сможем воспроизвести звуки языка друг друга.

Мало кто разделял это мнение, но среди скептиков были и такие авторитетные лица, как Штерн и Манаенко. Старый академик напоминал об эпизоде с появлением цилиндра во время первого осмотра корабля и был непоколебимо убежден, что металлическое пощелкивание было звуком голоса кого-то из членов экипажа. «Они приветствовали вас на своем языке», – говорил он. Профессор Манаенко соглашался с ним. Если это действительно было так, то приходилось согласиться с мнением Лежнева. Для человеческого голоса такие звуки были недоступны, а для существ, говорящих при помощи «птичьих» звуков, будут недоступными звуки человеческого языка. В этом случае остается единственный способ общения – рисунок. Никто не сомневался, что экипаж звездолета привез с собой книги, атласы, наглядные пособия и цветные рисунки (или, может быть, фотографии), по которым можно будет увидеть природу, население и культуру неизвестной планеты, с которой он прилетел. Казалось немыслимым, чтобы разумные существа не позаботились об

этом, отправляясь в межзвездный рейс. Они должны были рассчитывать встретить на своем пути населенною планету, иначе их путешествие теряло всякий смысл.

В лагере с утра и до позднего вечера кипела работа. Независимо от специальности, все члены экспедиции принимали участие в подготовке, заключалась ли она в устройстве химической лаборатории для Аверина или технического «музея» Смирнова и Манаенко. В палатке Куприянова по нескольку раз в день собирались совещания, на которых обсуждались все новые и новые способы демонстрации гостям достижений Земли в науке, искусстве и культуре. Не только ученые, но и многие офицеры и солдаты полка горячо включились в общую работу.

Ежедневно в лагерь приходили сотни писем со всех концов Советского Союза и из-за рубежа. Космический корабль и предстоящая встреча с его экипажем были в центре внимания миллионов людей, и неудивительно, что у экспедиции нашлись тысячи добровольных помощников. Много раз в этих письмах встречались ценные мысли, которые, по заведенному порядку, сейчас же подвергались обсуждению.

Конечно, ни Куприянов, ни весь состав экспедиции в целом не смог бы прочитывать всю эту массу писем. На помощь пришли корреспонденты ТАСС. Они были относительно свободны и добровольно взяли на себя разбор корреспонденции, что было очень нелегким делом. Благодаря им ни одно письмо не осталось непрочитанным.

Два раза в день Куприянов или Штерн выступали

перед микрофоном передвижной радиостанции, всегда в одно и то же время. Их сообщения принимались московской станцией и транслировались по всей Земле. Сотни миллионов человек с волнением ждали этих сообщений.

Массовых экскурсий к космическому кораблю не было, но все же каждый день в лагере появлялись сотни людей. Большинство приходило только для того, чтобы посмотреть на звездолет, но многие являлись с какой-нибудь идеей и настойчиво требовали, чтобы их выслушал начальник экспедиции. Куприянов хорошо понимал, что этими людьми движет искреннее желание оказать помощь, но был физически не в состоянии говорить со всеми. Эту обязанность взяли на себя Широков и Синяев.

Все человечество нетерпеливо ждало знаменательного события – выхода экипажа корабля. Но после светового разговора в вечер прибытия экспедиции в лагерь космический корабль не обнаруживал никаких признаков жизни. Луч не появлялся, а наблюдатели, не спускавшие глаз с корабля, не замечали в нем никаких признаков и внутренней жизни. Шар казался мертвым.

Что делал экипаж корабля? Если гости имели намерение совсем не выходить, то зачем им было оставаться так долго на одном месте? А если они хотели выйти, то почему откладывали свое намерение? Было вполне вероятно, что звездоплаватели с таким же нетерпением хотели познакомиться с Землей, с каким обитатели Земли хотели познакомиться с ними.

Экипаж не выходил из шара, и эти вопросы оставались без ответа.

В первые дни Куприянова осаждали требованиями хотя бы приблизительно, в порядке предположения, ответить на этот вопрос, но профессор отказался заниматься досужими вымыслами.

– Я к этому не привык, – отвечал он.

За него это делали другие. Тысячи предположений ежедневно печатались в заграничных газетах. В Англии даже был открыт своеобразный «тотализатор», в котором могли участвовать за определенный взнос все желающие. Угадавший день, когда выйдет экипаж, мог рассчитывать на крупный выигрыш.

В научных кругах мира придерживались мнения, заключавшегося в том, что экипаж выйдет тогда, когда тщательно изучит состав атмосферы. Без этой предосторожности звездоплавателям грозила опасность заразиться неизвестным на их планете микробом.

По мнению Куприянова, на такой процесс «акклиматизации» могло потребоваться не менее месяца.

ВТОРОЙ РАЗГОВОР

Все таинственное, загадочное, непонятное имеет какую-то притягательную силу для людей мыслящих. Ученый любой специальности прежде всего любопытен. Это хорошее, благородное любопытство, достойное человека. Оно источник радости, но и причина искренних и глубоких страданий, когда загадка не скоро поддается усилиям пытливой мысли. Ученые по самой своей природе активны. Неудивительно поэтому, что ожидание, когда же, наконец, раскроется тайна корабля, по мере того как шло время, начинала все больше и

больше раздражать участников экспедиции. Самый вид звездолета, неподвижный и загадочный, вызывал в них чувство досады, и люди становились с каждым днем все больше молчаливыми и хмурыми.

«Когда они выйдут?» – этот навязчивый вопрос не давал покоя не только участникам экспедиции, но и всем офицерам и солдатам полка, несшего охрану шара.

С момента приземления корабля прошло уже шесть дней, но он по-прежнему не подавал никаких признаков жизни.

Никто не знал, сколько времени пробудет на Земле космический корабль. Полгода? Год? Ведь для того, чтобы одолеть расстояние от ближайшей планетной системы до солнечной, звездолету потребовалось не меньше четырех – пяти лет, и то если он летел со скоростью света. (Штерн и Смирнов, не допускали такой возможности.) На обратный путь требовалось такое же время. Казалось невероятным, что экипаж корабля, совершив такой длительный путь, в скором времени покинет Землю. Звездоплаватели безусловно захотят хорошо ознакомиться с населенной планетой, встретившейся на их пути.

Зимовать в наскоро оборудованном лагере было невозможно. Но захочет ли экипаж звездолета покинуть свой корабль? Это было сомнительно.

Все должно было выясниться тогда, когда экипаж выйдет и будет достигнут успех в деле нахождения общего языка.

Но звездоплаватели не выходили, и это делало всю подготовительную работу, проводимую в лагере, ка-

кой-то «теоретической», лишенной ясной цели.

Штерн и Синяев затратили много труда и времени на подготовку чертежей и схем, которые должны были рассказать гостям о солнечной системе и истории планеты Земли. Даже если гости не найдут с хозяевами общего языка, эти материалы должны быть им понятны, так как было несомненно, что они хорошо знают математику.

Профессор Лебедев взял на себя познакомить звездоплавателей с историей животной жизни на Земле, а Степаненко готовил материалы этнографического характера.

Аверин и Лебедев много усилий приложили к тому, чтобы оборудовать в лагере хорошую химическую и биологическую лаборатории.

Медики – Куприянов и Широков – помимо оборудованного ими медпункта, который слился с медицинской службой полка, были заняты подготовкой к изучению организма жителей другой планеты. Для этой цели Куприянов установил в лагере даже рентгеновский аппарат.

Вечером третьего августа Широков зашел в палатку, занятую Куприяновым, Штерном, Лебедевым и Ляо Сеном, и застал всех четверых в сборе.

– Садитесь, Петр Аркадьевич, – приветствовал молодого коменданта Штерн. – Что новенького?

– Когда же они, наконец, выйдут? – спросил Широков вместо ответа.

– Свеженький вопрос! – раздраженно сказал Лебедев

– Я не понимаю, – продолжал Широков, не обращая внимания на насмешку.

– Почему не спросить об этом экипаж корабля?

– Спросите, – пожав плечами, сказал Ляо Сен. – Если имеете возможность. Будем вам очень благодарны за такую услугу.

Подобная реплика со стороны всегда спокойного и невозмутимого китайского ученого ясно показывала, до какой степени у всех были напряжены нервы.

– Я считаю, что это вполне можно сделать, – сказал Широков

– Тем лучше! – буркнул Лебедев.

– Что вы придумали, Петр Аркадьевич? – спросил Куприянов.

В его голосе прозвучало волнение. Все уже серьезно смотрели на Широкова, ожидая ответа.

– Очень простую вещь. Надо спросить их лучом прожектора. Как в первый вечер. Они не могут не понимать, что мы с нетерпением ожидаем их выхода. Надо послать семь вспышек по числу прошедших суток. Они обязательно поймут, что это вопрос и ответят.

Несколько секунд все молчали.

– Что ж, это идея! – сказал Лебедев.

– И весьма неплохая! – сказал Штерн. – Молодец, Петр Аркадьевич!

Куприянов ласково посмотрел на своего любимого ученика. Профессор был рад, что эта удачная мысль пришла именно ему.

– Найдите подполковника и позовите сюда! – сказал он.

Обрадованный Широков бегом бросился за Черепановым.

Мысль использовать прожектор, чтобы задать эки-

пажа звездолета мучивший всех вопрос, пришла ему в голову часа два назад. Он тщательно обдумал ее и только тогда решился предложить эту идею профессорам, не опасаясь с их стороны насмешливого отказа. Широков был очень самолюбив и избегал высказывать незрелые мысли.

Космический корабль и заключенные в нем тайны с непреодолимой силой влекли к себе воображение молодого ученого. Вероятно, больше всех в лагере он мучился нетерпением и старался найти способ как-нибудь узнать время выхода из корабля его экипажа.

Часами смотрел он на загадочный шар, и смелые мысли теснились в его голове. Суживатись темно-синие глаза, словно стремясь проникнуть взглядом сквозь металлическую оболочку звездолета. Он сам боялся тех мыслей, которые возникали все чаще и чаще, но упорно возвращался к ним, и они начали казаться ему осуществимыми. Сердце билось радостно и тревожно, нетерпение становилось сильнее, неизвестность мучительнее.

Постоянно думая об одном и том же, он, наконец, нашел, как ему казалось, верный способ решить загадку.

Получив одобрение старших товарищей, он, как мальчик, бежал по лагерю, отыскивая командира полка.

Остроумная мысль Широкова понравилась всем.

– Молодец! – еще раз сказал Штерн.

Десять минут, в течение которых ученые ожидали подполковника, показались им очень длинными.

– Вот ведь никому не пришла в голову такая простая

мысль, – заметил Лебедев.

– Простые мысли часто оказываются самыми трудными, – сказал Ляо Сен.

Очевидно, Широков успел по пути рассказать о предстоящей попытке, так как участники экспедиции, один за другим, поспешно подходили к палатке Куприянова.

Вскоре явился и командир полка.

– Прожекторная установка всегда готова, – ответил он на вопрос профессора.

– В таком случае пошли.

Как и в первый вечер, все столпились вокруг машины.

Было еще совсем светло, но Куприянов и Штерн рассчитывали, что экипаж звездолета все-таки заметит луч прожектора. Ожидать, пока наступит полная темнота, у них не хватало терпения.

– Может быть, они спят, – сказал кто-то.

– Или не смотрят в нашу сторону!

– Сейчас узнаем, – сказал Куприянов. – Начинайте!

Вспыхнул прожектор – и семь коротких лучей ударились в белый корпус корабля.

Все молча ждали. Слышалось только взволнованное дыхание людей. Минута шла за минутой, но ответного луча не появлялось.

– Не заметили, – сказал Штерн. – Надо повторить.

Едва он это сказал, как от корабля пришел ответ. Вспыхнул свет его прожектора и погас.

– Один! – сказал Куприянов. – Неужели завтра?

– Мне кажется, что это только просьба повторить, – сказал Широков. – Они не успели сосчитать.

– Да, пожалуй, – сказал Штерн. – Для них это было неожиданно.

– Повторите, – обратился Куприянов к подполковнику.

Снова семь раз появился и погас луч прожектора. И тотчас же космический корабль ответил.

Двенадцать раз!

– Значит ли это, что они выйдут через двенадцать дней после посадки на Землю, или через двенадцать дней, считая от сегодня? – спросил Лебедев.

И, будто услышав его вопрос, луч замигал опять.

Девятнадцать раз!

– Ясно! – сказал Куприянов. – Пошлите им одну вспышку в знак того, что мы поняли.

Прожектор поставил короткую точку.

– Весь земной шар должен быть глубоко благодарен вам, Петр Аркадьевич,

– сказал Штерн.

– Они выйдут пятнадцатого августа. Надо немедленно сообщить об этом всему миру, – сказал Куприянов.

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Четвертого августа днем в лагере появилась машина секретаря обкома. Козловский приезжал часто, и каждый его приезд вносил что-то новое в жизнь участников экспедиции.

Секретаря обкома очень полюбили все за его заботу, любовь к людям и добрый, отзывчивый характер и радовались, когда видели его в лагере. Один только Широков с тревожным чувством встречал появление зна-

комой серой машины. Козловский безжалостно ругал его за малейшее упущение. Комендант хорошо помнил угрозу секретаря и не сомневался, что если не будет добросовестно исполнять возложенные на него обязанности, то тот приведет ее в исполнение.

Увидя въезжавшею в лагерь машину, Широков поспешил к ней навстречу, озабоченно проверяя на ходу, нет ли где-нибудь беспорядка. Но лагерь блистал чистотой.

С другой стороны к автомобилю подбегал дежурный по полку, так же, как и Широков, внимательно и беспокойно осматриваясь. Он по-военному четко отдал рапорт.

– Хорошо! – сказал Козловский, узнав, что все благополучно и в лагере нет больных. – Ну, а у вас? – обратился он к Широкову.

– Все в порядке, Николай Николаевич.

– Вот как? Значит, подготовка к работе с гостями закончена?

– Нет еще.

– А вы говорите, что все в порядке, – улыбнулся Козловский. – А вы молодец! – неожиданно сказал он, крепко пожимая руку коменданта. – Как это вам пришло в голову?

Широков понял, что секретарь обкома говорит о вчерашнем разговоре с кораблем.

Увидев Куприянова, Козловский быстро направился к нему.

– Профессор, – сказал он, здороваясь, – я очень сердит на вас. Почему вы мне не позвонили, получив такую важную телеграмму?

– Какую важную телеграмму? – удивился Куприянов.

– О приезде в лагерь иностранцев.

– Такой телеграммы я не получал.

– Тогда другое дело. Считайте себя оправданным. А я уже получил.

Козловский вынул из кармана и протянул Куприянову телеграфный бланк. В этот момент появился дежурный радист и подал профессору только что полученную радиограмму.

– Вот она, – сказал Козловский.

Так и оказалось. Радиограмма извещала о скором приезде трех западных ученых и пяти журналистов, из числа тех, кому правительство СССР разрешило посетить лагерь. Иностранцы должны были приехать двенадцатого числа, и начальнику экспедиции предписывалось встретить их, устроить и обеспечить всем необходимым.

Озабоченный этим известием, Куприянов молча посмотрел на Козловского.

– Встретить, устроить и обеспечить нетрудно, – сказал секретарь обкома. – Поставим еще две палатки – и все! Труднее будет другое…

Он взял листок из рук Куприянова и внимательно прочитал его.

– В полученной мною телеграмме нет фамилий, – сказал он, – а здесь есть. Директор Кэмбриджской обсерватории Чарльз О'Келли; действительный член французской академии наук, профессор биологии Линьелль; профессор Стокгольмского университета Густав Маттисен…

– Тоже биолог, – вставил Куприянов.

– И пять корреспондентов: агенства «Франс-пресс» – Лемарж, агенства Рейтер – Дюпон, агенства «Юнайтед пресс» – Браунэлл, агенства «АДН» – Гельбах и агенства «Синьхуа» – Ю Син-чжоу. Это все первые ласточки. Будут и другие. Ю Син-чжоу, конечно, не в счет, – добавил Козловский. – А с остальными придется держать ухо востро.

– Вы чего-нибудь опасаетесь, Николай Николаевич?

– А вы нет? – Козловский поднял глаза на профессора. Их выражение было жестко и холодно. – Почему эту телеграмму сочли нужным прислать не только вам, но и мне, и мне даже раньше, чем вам?

– Эти люди, вероятно, проверены.

– Кем и как проверены?

– Зачем же им тогда разрешили приехать?

Козловский досадливо пожал плечами.

– Вы что-нибудь слышали о «железном занавесе», профессор? – ответил он. – Неужели вы не понимаете, что нельзя закрывать двери? Предоставьте гостей мне, и я о них позабочусь со всех точек зрения.

Он захватил с собой радиограмму и ушел. Куприянов видел, как он окликнул Черепанова и долго о чем-то говорил с ним.

Встретившись со Штерном, Куприянов рассказал ему все. Старый астроном отнесся очень серьезно к его сообщению.

– Николай Николаевич, конечно, прав. Мы часто забываем, что живем в капиталистическом окружении.

– Неужели можно дойти до такой низости, чтобы покуситься на звездолет и его экипаж? – печально сказал Куприянов.

– Вы помните, почему именно вас назначили начальником экспедиции? – вместо ответа спросил Штерн. – Вот то-то и оно! Мы думаем о здоровье наших гостей, а кое-кто, может быть, думает прямо о противоположном.

Куприянов сел к столу и подпер голову рукой.

– Дикая мысль! – сказал он.

– Дикая, Михаил Михайлович, очень дикая. Но, к сожалению… Что поделаешь? Когда-нибудь подобные мысли никому не будут приходить в голову.

– Мерзость! Они прилетели к нам, как к братьям, а мы…

– Положим не «мы», а «они». К чему так обобщать понятия? Да вы не волнуйтесь, Михаил Михайлович! Козловский сделает все, что нужно. Он человек деятельный и умный. Все будет в порядке.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь. Меня огорчает самая возможность…

– Что поделаешь! – повторил Штерн.

В палатку заглянул Широков.

– В восемь часов вечера закрытое партийное собрание, – сказал он. – В палатке красного уголка. Повестка дня – бдительность в научной работе. Докладчик – товарищ Козловский.

Куприянов и Штерн молча переглянулись.

* * *

Два часа продолжался доклад секретаря обкома. Сто тридцать коммунистов полка и экспедиции с напряженным вниманием слушали его. Многим этот доклад

открыл глаза на опасность, угрожающую космическому кораблю со стороны тех, кто опасался его пребывания на советской земле, готов был на все, лишь бы советские ученые не узнали технических тайн, которые привез он с собой на Землю. Люди поняли, какая ответственность перед наукой и человечеством легла на них.

Козловский закончил так:

– Я не сомневаюсь, что межзвездный полет, осуществленный прилетевшими к нам людьми (он подчеркнул это слово), был предпринят ими с единственной целью – расширить научный кругозор, обогатить сокровищницу знания, разрешить ряд вопросов, стоящих перед их наукой. А это доказывает, что наука на их планете сильна и что человечество этой планеты не боится трудностей. Грандиозное создание их техники, которое находится перед нашими глазами, достаточное доказательство этому. Я не верю, что такое исполинское предприятие, как межзвездный полет, может быть осуществлено в условиях вражды народов, в условиях классовой борьбы, в условиях капитализма. Я верю, что члены экипажа корабля не только такие же люди, как мы, но что они наши товарищи по мировоззрению. Для меня кажется очевидным, что на их планете нет вражды народов, нет классовой борьбы, нет капитализма. Может быть, это такая счастливая планета, обитатели которой никогда и не знали этих зол. Но тогда им не известно, что такое вражда, ненависть, диверсия. Сами себя они не защитят. Это дело нас с вами. В корабле, прилетевшем к нам, мы видим осуществление нашей собственной технической мечты, доказательство

того, что эта мечта не утопия, не фантазия. Люди, прилетевшие к нам, опередили нас. Они уже достигли того, о чем мы пока только мечтаем. Их прилет сыграет огромную роль в деле звездоплавания у нас на Земле, поможет нам приблизить день, когда первый межпланетный рейс станет действительностью. В этом мы видим огромное значение прилета к нам космического корабля с другой планеты. Досужие измышления западноевропейских писак и их американских коллег, которые мы с вами ежедневно читаем в газетах, оставим на их совести. Дикая мысль использовать знания наших гостей для увеличения военной мощи чужда советскому человеку. Мы радуемся прилету этого корабля и приветствуем отважных звездоплавателей во имя науки, единой для всех населенных миров, для всех разумных существ во вселенной.

Сто тридцать человек дружными аплодисментами встретили эти слова. Собрание коммунистов лагеря закончилось в первом часу. Люди разошлись в твердой уверенности, что сумеют защитить звездолет от любого покушения на его безопасность.

Козловский не уехал в город, а остался ночевать в лагере. После собрания он долго стоял с Куприяновым и Лебедевым возле их палатки, откуда хорошо был виден космический корабль. Всем троим не хотелось спать.

Ночь уже давно вступила в свои права. Широко раскинулся над лагерем звездный купол, и низко над горизонтом висел широкий серп месяца. В его тусклом свете матово блестела поверхность шара. Ночной ветер дышал приятной прохладой после жаркого дня.

– Долго ли продержится такая хорошая погода? – задумчиво сказал Куприянов. – А что, если начнутся дожди?

– Это мало вероятно, – ответил Козловский. – В это время года у нас дожди редкость. Метеорологическая станция предсказывает, что хорошая погода продержится весь август.

– Можно подумать, что экипаж корабля намеренно выбрал именно это место для посадки, – сказал Лебедев.

– Может быть, они хорошо изучили нашу Землю? – сказал Козловский. – Может быть, давно знают о ней и наблюдают ее в свои телескопы?

– Ну что глупости говорить! – раздался голос Штерна, и сам астроном показался из палатки. – Как можно разглядеть такую маленькую планету на таком исполинском расстоянии? Это совершенно невозможно. Удачный выбор места просто случайность.

– Невольно начнешь фантазировать, – засмеялся Козловский.

– То-то что фантазировать! – усмехнулся Штерн. – Между прочим, пора спать, – прибавил он.

– В последнее время я совсем потерял сон, – со вздохом сказал Куприянов. – Скорей бы…

– Ждать поезда самое скучное занятие, – сказал Козловский, – а наше положение ничуть не лучше. Раньше, когда мы еще не знали день выхода, было как-то легче. Все думали, а вдруг завтра! Теперь же остается только считать дни…

– Почему они не выходят пока в каких-нибудь герметических костюмах?

– На это могу ответить словами Широкова, с которым я говорил недавно на эту тему. Он думает так: или у них нет таких костюмов, или они не выходят, боясь пропустить в свой корабль воздух Земли.

– Логичное соображение, – заметил Штерн.

– Хочется не хочется, а ждать надо, – сказал Куприянов. – Мы тут ничего не можем сделать.

Торопливым шагом к ним подошел Широков.

– Михаил Михайлович, – взволнованно сказал он, – остановите их. Запретите им это делать.

– Кого остановить? Что запретить?

– Аверина, Смирнова и Манаенко. Они собираются пойти к кораблю и отколоть кусочек металла, из которого он сделан, чтобы подвергнуть его анализу. Я случайно слышал их разговор.

– Что за безобразие! – рассердился Куприянов. – Словно маленькие дети. Я им скажу завтра же утром.

– Как утром? Они собираются идти сейчас.

– Сейчас? Ночью?..

– Я слышал, как Манаенко говорил, что вы ни за что не позволите, но что это необходимо сделать и лучше всего ночью. Их интересует, что это за металл.

– Возмутительно! – сказал Куприянов.

– Результат ненасытного любопытства ученых, – сказал Козловский. – Но я их понимаю. Куда вы? – спросил он, видя, что Куприянов повернул к лагерю.

– К ним, конечно!

– Не мешайте им, Михаил Михайлович. Из этого все равно ничего не выйдет. Вы забыли об охране.

– Ваша правда. Ну что ж! Это послужит им уроком. Пойдем в караульное помещение.

Дежурный офицер встал при входе начальника экспедиции и его спутников.

– Товарищ лейтенант, – обратился к нему Куприянов, – вы уверены, что никто не сможет пройти к кораблю через цепь?

– Безусловно, товарищ Куприянов.

– А что сделает часовой, если увидит, что кто-то хочет приблизиться к шару?

– Остановит и даст световой сигнал, – ответил лейтенант.

Он никак не мог догадаться, что послужило поводом к этому «экзамену», но считал себя обязанным отвечать на вопросы профессора.

– А часовой не пустит в ход оружие? – продолжал Куприянов.

– Нет, зачем же! Конечно, если его не послушаются…

– Не волнуйтесь, Михаил Михайлович! – сказал Козловский, увидя на лице Куприянова явное беспокойство – Они же не маленькие.

– Нет, нет! Лучше не допускать, Петр Аркадьевич, – обратился Куприянов к своему ассистенту, – сбегайте, голубчик, к ним в палатку и скажите, что я запрещаю. Слышите? Запрещаю! Категорически!

Через пять минут Широков вернулся. За это время Козловский рассказал лейтенанту, что они решили с целью проверки бдительности караула послать к кораблю трех человек.

Офицер молча усмехнулся.

– Аверина и Смирнова в палатке нет, – сказал Широков. – Манаенко не знает, где они находятся. Когда я

передал ему ваш приказ, он ответил, что и не собирался ходить к кораблю. А те двое уже ушли.

Куприянов выбежал из палатки.

Луна скрылась, и кругом была непроглядная тьма. Профессор и его товарищи напряженно прислушивались, но кругом стояла ничем не возмущаемая тишина.

– Я никогда не прощу себе, что вовремя не удержал их, – сказал Куприянов.

– Ничего не случится, – успокоил его лейтенант, вышедший вслед за ними. – Их остановят, вот и все. Придется только постоять с поднятыми руками.

– Хотел бы я видеть эту картину, – засмеялся Штерн.

Прошло минут десять – и в стороне от дороги красной искрой замелькал огонек.

– Сигнал, товарищ лейтенант! – доложил часовой, стоявший у палатки.

– Вижу, – ответил офицер. – Иду!

– Мы с вами, – сказал Куприянов.

– Нет! – резко ответил лейтенант. – Не разрешаю!

Он исчез в темноте.

– Обиделся, – тихо шепнул Козловский Штерну, – за то, что мы усомнились в их бдительности.

– Почему же вы не сказали правду?

– Почему? – пожал плечами Козловский. – Сами можете понять! Все-таки это не солидное предприятие. Два профессора…

Минут через пятнадцать лейтенант вернулся с обоими «диверсантами», у которых был чрезвычайно обескураженный вид. Опасаясь, что Куприянов начнет выговаривать им и этим выдаст офицеру его хитрость, Козловский громко и весело сказал:

– Ну вот! Я же говорил вам. Конечно, сразу задержали. Благодарю вас, товарищ лейтенант! Караульная служба поставлена образцово. Пошли спать!

– А они? – спросил Куприянов, указывая на Аверина и Смирнова.

– Задержанные останутся здесь до утра, – сухо ответил офицер.

Козловский хохотал до слез, когда они возвращались обратно.

– Я не могу этого допустить, – сказал Куприянов.

– Освободить их может только Черепанов, – сказал Козловский.

– В таком случае идемте к нему. Это вы виноваты! – неожиданно рассердился Куприянов. – Зачем было говорить, что мы хотим проверить охрану? Такие шутки до добра не доводят.

– Вот тебе раз! – смеющимся голосом сказал Козловский. – Я же и виноват оказался. Защищай после этого честь науки.

– Не сердитесь, голубчик! – сказал профессор. – Меня расстроила эта история. Петр Аркадьевич, где палатка?..

Но молодого коменданта не было. Он куда-то исчез.

– Я не знаю, где палатка командира полка.

– Зато я знаю, – сказал Козловский. – Идемте! Но едва они прошли несколько шагов, как встретили Широкова.

– Все в порядке, Михаил Михайлович, – сказал он. – Вот записка начальника штаба.

– Ну и отлично, – обрадовался Куприянов. – Тащите сюда наших энтузиастов.

ЭТО ЗАСЛУЖИВАЕТ ВНИМАНИЯ!

Через два дня в лагере появились новые палатки: две были рассчитаны на троих человек и одна – на четверых.

– Здесь будут жить корреспонденты, – сказал Козловский.

– Но ведь корреспондентов пятеро, а не четверо, – заметил Куприянов.

– Это верно, что пятеро, но Ю Син-чжоу мы поселим с двумя московскими журналистами, которые приедут вместе с ними. Иначе иностранные, корреспонденты, чего доброго, смогут заподозрить, что Ю Син-чжоу следит за ними. Они, конечно, знают, что он коммунист. Не следует давать им повод так думать.

– Да! – вздохнул Куприянов. – Не следует!

Со времени памятного ему разговора со Штерном профессор все время находился в тоскливом и одновременно раздраженном состоянии. Мысль, что жизнь гостей Земли, которых он еще не видел, находится в опасности, что их чудесный корабль может стать жертвой диверсии, действовала на него угнетающе. Он хорошо понимал, что Козловский прав, но никак не мог примириться с возможностью такой безмерной подлости.

– Ни один из приезжающих не говорит по-русски, – продолжал Козловский. – Какими языками владеет Широков?

– Английским и немецким, – ответил Куприянов. – Немного понимает французский.

– Хорошо. Ну, а вы, например?

– Я хорошо говорю на французском, английском и немецком. Знаю латинский и немного греческий.

– Другие участники экспедиции тоже, вероятно, владеют языками?

– Да, все. Либо тем, либо другим. Что касается Лежнева…

– Ну, это ясно, – перебил Козловский. – О нем и Ляо Сене говорить нечего. – Он помолчал немного. – Я думаю, не надо приставлять к ним переводчиков. Разве что к трем ученым, если они этого пожелают. Корреспонденты пусть чувствуют себя свободно. Это будет самое лучшее. Вы верите, Михал Михайлович, что они действительно не знают русского языка?

– Ах, не знаю! – Куприянов махнул рукой. – Меня все это так расстраивает.

Утром, в день приезда иностранцев, Козловский вызвал к себе Черепанова и парторга полка – капитана Васильева.

– Сегодня, – сказал он им, – в лагерь приезжают иностранные ученые и журналисты. Не исключено, что под видом журналиста к нам может проникнуть человек, подосланный враждебными Советскому Союзу кругами. Опасаясь усиления военной мощи СССР, эти люди готовы на все. Кое-какие сведения о готовящейся диверсии против корабля и его экипажа уже стали известны. Можно ожидать попытки уничтожить корабль и его экипаж, прежде чем мы найдем общий язык с нашими гостями. Правительство СССР учитывает эту опасность. Те, кто приедут сегодня, только первая группа. За ней будут приезжать другие. Мы не хотим

закрывать двери перед учеными других стран. Прилет космического корабля касается не только нас, но всего человечества. Задача наша в том, чтобы не спускать глаз с приезжих, но только так, чтобы они этого не замечали. Конечно, охрана гостей будет осуществляться не нами. Приедут еще два «корреспондента».

Черепанов и Васильев молча кивнули.

– Нам надо им помочь, – продолжал Козловский. – Я настоятельно прошу вас скрыть знание иностранных языков. Вы оба владеете английским. Я хорошо знаю французский. Итак, товарищи, внимание, внимание и еще раз внимание. Прислушивайтесь к каждому слову. Старайтесь уловить тайный смысл самой незначительной фразы. Во что бы то ни стало надо предупредить злодейский замысел, если он действительно существует. Не дать совершиться несчастью. Это наш партийный долг. Весь этот разговор, разумеется, никому не должен быть известен.

Куприянов, Штерн, Козловский и Лебедев поехали встречать гостей. Поле, на котором когда-то опустились самолеты экспедиции, превратилось за эти дни в настоящий оборудованный аэродром. У полотна железной дороги была построена платформа и возле нее – дом для обслуживающего персонала. Был и небольшой домик начальника аэропорта и помещение караула. Поле было ограждено, на высокой вышке развевался флаг.

Козловский только посмеивался, видя изумление своих спутников.

– Это место историческое, – сказал он. – Оно известно всей Земле. Значит, надо привести его в соответст-

вующий вид. А когда корабль улетит, мы поставим на его месте памятник.

– И, когда сами построим звездолет, он отправится в первый рейс с этого места, – подхватил Штерн.

– Вот именно. Здесь будет ракетодром.

В начальнике аэропорта, вышедшем им навстречу, они с удивлением узнали штурмана эскадрильи, который доставил их сюда.

– Вы как сюда попали, голубчик? – спросил Куприянов.

Летчик радостно приветствовал профессора и его спутников.

– Сам попросился, – сказал он, – чтобы быть поближе к космическому кораблю.

– Почему же вы не приехали к нам?

– Не было времени. Но теперь, когда аэродром готов, обязательно приеду. Очень хочется увидеть корабль.

Ожидать пришлось недолго. Минут через двадцать над полем появились два самолета и один за другим опустились на аэродроме. Первым вышел академик Неверов.

– Не вытерпел! – сказал он, здороваясь с Куприяновым. – Прошу меня приютить. У вас все готово для приема гостей? – озабоченно спросил он.

– По мере возможности, Александр Николаевич. Наш лагерь не курорт Кроме президента, из самолетов вышли еще тринадцать человек. Куприянов нахмурился.

– Мне сообщили только о восьми.

– Семеро корреспондентов. Трое ученых и их секретари.

Астроном Чарльз О'Келли оказался человеком высокого роста. Его лицо и фигура производили впечатление юности, но длинные совершенно седые волосы говорили о другом. Серые глаза были умны и проницательны. Здороваясь со Штерном, он сказал ему несколько любезных слов.

Жорж Линьелль, маленький, неряшливо одетый старик, с чисто выбритым морщинистым лицом, радостно приветствовал профессора Лебедева и тотчас же вступил с ним в оживленный разговор. Они встречались раньше и знали друг друга.

Профессор Маттисен был типичным шведом. Огромного роста, розовощекий, белокурый, с трубкой в крепких белых зубах. Он с силой пожимал всем руку и радостно улыбался.

Четыре корреспондента – Лемарж, Гельбах, Дюпон и Браунелл – были молодые энергичные люди, которых на первых порах было трудно отличить друг от друга. Они немедленно взялись за фотоаппараты и сфотографировали все, что было на аэродроме.

Ю Син-чжоу скромно стоял в стороне рядом с двумя московскими корреспондентами. Поздоровавшись, он тотчас же опять отошел. Его узкие глаза внимательно наблюдали за всеми.

Из самолетов выгрузили багаж, оказавшийся довольно объемистым.

– Я вызвал две машины, – сказал Козловский. – Оставьте на аэродроме трех секретарей и наших корреспондентов, а с остальными поезжайте в лагерь. Я еще задержусь здесь.

– Где мы поместим президента? – спросил Куприянов.

– В нашей палатке. Она достаточно просторна. Я сказал Широкову, чтобы он все приготовил. Запасные кровати у него есть.

– Обратите внимание на Семена Борисовича, – сказал Куприянов.

– Я давно заметил, – ответил Козловский.

Он обернулся и вдруг перехватил устремленный на него взгляд Дюпона. Англичанин сейчас же отвернулся, но Козловский мог поклясться, что корреспондент прислушивался к их разговору.

Со старым астрономом действительно творилось что-то неладное. Он сердито хмурился, бормотал что-то и обеими руками расправлял бороду, что у него всегда служило признаком волнения.

Куприянов пригласил гостей сесть в машины.

Козловский внимательно следил за Штерном. Он видел, как, направившись к машине, астроном вдруг передумал и сел в другую. В автомобиле, в котором он не пожелал ехать, находились: Куприянов, О'Келли, Маттисен и Ю Син-чжоу.

«Так! – подумал Козловский. – Это заслуживает внимания».

Он прошел в кабинет начальника порта.

Через две минуты туда же зашел один из прибывших московских корреспондентов.

– Вы товарищ Козловский? – спросит он.

– Да. Вот мой паспорт. А вы полковник Артемьев?

– Совершенно верно. Разрешите представить мой документ.

Козловский прочитал бумагу.

– Идите! – сказал он. – Не надо, чтобы нас видели вместе.

Полковник повернулся и вышел.

В ожидании машин Козловский ходил по кабинету, от двери к окну и обратно. Его походка была чуть торопливее, чем обычно.

«Итак, – думал он, – борьба началась. Кто же является главным врагом? Один из ученых? Вряд ли. Они слишком известны. Кто-нибудь из их секретарей? Тоже вряд ли. Значит, корреспонденты. Но кто? Если Дюпон, то выбор слаб. Он слишком неопытен. Сразу попался в подслушивании, обнаружил знание русского языка. Если он и является врагом, то вторым, а не первым. Кто же главный? Браунелл, Лемарж или Гельбах? Ю Син-чжоу вне подозрений. Он старый член партии, участник гражданской войны в Китае, пользуется доверием. Значит, все внимание на этих трех корреспондентов. И особенно на Браунелле».

Все было как будто ясно, но смутное беспокойство не покидало Козловского Он старался понять, что его тревожит, и вдруг вспомнил, – Штерн.

«Что означало его поведение? Почему он так разволновался? Почему не сел в ту машину, в которую хотел сначала? Такой умный человек не будет волноваться без серьезной причины. Кто был в машине? Куприянов. В сторону! Ю Син-чжоу? В сторону! О'Келли и Маттисен… Да, причина кроется в одном из них. Надо сегодня же поговорить со Штерном».

Но за весь день Козловскому так и не удалось исполнить свое намерение. Старый академик ни минуты не оставался один. Несколько раз секретарь обкома замечал, что Штерн опять начинал волноваться. Это всегда было в присутствии иностранных ученых, и Коз-

ловский окончательно убедился, что именно в одном из них была причина этого необъяснимого волнения. Но в ком и почему? Это оставалось тайной.

Он уже три дня как окончательно перебрался в лагерь, объясняя это тем, что ушел в отпуск и хочет провести его здесь. Все были рады этому. Члены экспедиции с удовольствием включили его в свой коллектив, и Козловский неизменно присутствовал на всех совещаниях, деятельно помогая в подготовке к будущей работе. Он не был ученым, но обладал организаторским талантом и в высшей степени практической жилкой, которой не хватало многим профессорам и академикам. Все признавали, что без него многие вопросы были бы не предусмотрены.

В действительности он жил в лагере по распоряжению ЦК партии, но не считал нужным распространяться об этом. Версия об отпуске ни в ком не вызывала сомнения. Было вполне естественно, что человек, так близко соприкоснувшийся с космическим кораблем, хотел до конца присутствовать здесь. Никому не приходила в голову мысль, что может быть другая, неизмеримо более серьезная причина.

Он поселился в маленькой палатке, в которой жил один, расположенной в центре военного лагеря, рядом с палаткой Черепанова. «Поближе к массам», – говорил он. Это место имело то преимущество, что рядом стоял часовой у знамени и, следовательно, никто не мог подойти незамеченным.

В день прилета иностранцев Козловский рано ушел к себе. Он сел к столу, написал несколько писем и, не раздеваясь, лег на кровать.

Он ждал.

«Если мои предположения правильны, – думал он. – Штерн обязательно придет ко мне».

Как опытный охотник, не видя зверя, чувствует его приближение по едва уловимым признакам, так он чувствовал, что поведение старого астронома имеет какое-то отношение к тому «зверю», которого он хотел выследить. Подозрения были туманны и неясны ему самому, но он был убежден, что не ошибался.

И он не ошибся.

Часы показывали без четверти одиннадцать, когда Козловский услышал грузные шаги астронома. Штерн вошел в палатку и извинился за позднее вторжение.

– Входите, входите, Семен Борисович! – сказал Козловский, вставая с кровати и подвигая кресло. – Садитесь! Очень рад, что вы пришли. Спать не хочется, лежу и скучаю.

– Почему же вы ушли так рано?

– Устал.

Штерн сел и рассеянно стал перебирать лежавшие на столе книги. Козловский, внимательно наблюдавший за ним, заметил, что руки астронома дрожат.

– Вам холодно, Семен Борисович? – в упор спросил он.

Старик вздрогнул.

– Холодно? Нет, почему же!

– У вас руки дрожат. – Козловский обошел стол и сел напротив гостя.

– Я все хотел спросить вас, – почему вы так волновались на аэродроме, в лагере, да и сейчас тоже волнуетесь?

– Я не волнуюсь… – начал Штерн, но сразу же перебил сам себя: – Нет, волнуюсь, даже очень волнуюсь. – Он поднял на Козловского глаза, добрые усталые глаза много пожившего человека. – Такой странный случай! Совершенно непонятный… Я никак не могу понять, в чем тут дело. И боюсь чего-то… Вы секретарь областного комитета партии. Я должен вам сказать… Вы поможете мне разобраться. Я не знаю, в чем тут дело, но чувствую что-то нехорошее. Мне почему-то кажется, что это имеет отношение к тому, о чем вы нам говорили на собрании.

Во время этой сбивчивой и путаной речи Козловский внимательно и серьезно смотрел прямо в глаза астронома.

– Вы хорошо сделали, что пришли ко мне, – сказал он. – Я ждал вас. Я не устал, а нарочно ушел, чтобы дать вам возможность прийти ко мне. Говорите! Здесь нас никто не услышит.

– Вы ждали меня? Значит, вы тоже заметили?

– Я заметил ваше волнение, и этого для меня достаточно.

– Это очень странный случай. И совершенно непонятный. Они должны были значь… Впрочем, этот очень похож на него…

– Дорогой Семен Борисович! – сказал Козловский. – Перестаньте говорить загадками.

– Да очень просто. – Голос Штерна внезапно окреп. – Этот О'Келли совсем не О'Келли.

– То есть как? – Козловский не ожидал такого оборота.

– А вот так! Он, может быть, действительно носит

фамилию О'Келли, но он не директор Кэмбриджской обсерватории, не тот О'Келли, о котором нас предупреждали. Чарльза О'Келли я хорошо знаю. Этот человек очень похож на него, но это не он.

– Вы в этом уверены? – тихо спросил Козловский.

Штерн вдруг рассердился.

– Ну что глупости говорить! Извините! – спохватился он. – Конечно уверен. Они, вероятно, думают, что я от старости совсем одурел. У меня есть портрет Чарльза О'Келли, и я встречался с ним лично.

Его рука опять задрожала.

– Но что это может значить, Николай Николаевич? Зачем этот обман? Что нужно тут этому человеку? Неужели правда, что они хотят причинить зло кораблю и его экипажу? Недавно я сам говорил об этом Куприянову, а вот теперь спрашиваю вас.

– Говорить о возможности зла, – сказал Козловский, – это одно, а столкнуться с ним лицом к лицу – это другое. Я понимаю вас, Семен Борисович, и уважаю за ваше волнение. Этим О'Келли я займусь. Прошу вас никому не говорить ни слова, ни одному человеку, даже президенту или Куприянову. Это исключительно важно. Держитесь с О'Келли так, как будто вы ничего не заметили.

Штерн молча пожал руку Козловского и вышел из палатки.

По его уходе секретарь обкома немедленно отправился к Артемьеву и рассказал ему все.

– Если Дюпон и О'Келли те люди, которых мы опасаемся, – ответил полковник, – то они уже не опасны. Но я боюсь, что это только разведка. Во всяком случае

ясно, что наши подозрения имеют основание. Кто-то хочет помешать нам. Это несомненно. Но в чем заключается план врага? Вот что надо разгадать, во что бы то ни стало.

Глава четвертая

ПЯТНАДЦАТОЕ АВГУСТА

День пятнадцатого августа выдался на редкость хорошим. Рано утром прошел небольшой дождь, но к восьми часам небо совершенно очистилось и омытая от пыли земля нежилась под жаркими лучами солнца. Палатки лагеря быстро просохли и казались особенно чистыми и нарядными. Листья берез еще блестели влажным блеском и тоже казались нарядными. Словно сама природа хотела принять участие в празднике.

Наступил решающий день. Его с волнением и трепетом ждало все население земного шара. Если световой разговор третьего августа был правильно понят, то именно сегодня экипаж космического корабля должен был, наконец, показаться людям.

Специально приехавший из Москвы радиокомментатор с помощью радистов лагеря налаживал и испытывал переносной микрофон, готовясь к репортажу. Его рассказ о встрече будет транслироваться по всей Земле. Корреспонденты с особым вниманием проверяли кино– и фотоаппараты.

Никто не знал часа, в котором произойдет долгожданное событие. Люди торопились. В лагере ожидали выхода экипажа в полдень. Это мнение было высказано Штерном и казалось наиболее правильным. В составе гостей безусловно были астрономы, и за прошедшие девятнадцать дней они должны были определить время прохождения солнца через меридиан дан-

ного места. Они не могли не понимать, что им готовится торжественная встреча и, не имея возможности договориться о времени, логически должны были остановиться на полдне.

Церемониал встречи послужил предметом долгих и горячих споров. Не только обычаи, но даже восприятие гостей были совершенно неизвестны. Как сделать, чтобы они поняли смысл встречи? Известна ли им, например, музыка? Нашлись горячие головы, придумавшие сложный церемониал с живыми картинами, пантомимами и даже танцами – чуть ли не целое цирковое представление. Кто-то вполне серьезно предложил обсудить – надо ли поднести гостям хлеб-соль по русскому обычаю? В конце концов было решено не мудрить, а встретить так, как обычно встречают на Земле гостей другой страны.

– Не мы одни волнуемся и ждем, – говорил Козловский. – Они с таким же нетерпением ждали этого дня. Они тоже готовятся к встрече с нами и, может быть, тоже обсуждали, как сделать, чтобы мы их поняли.

– Им гораздо легче, – говорил Штерн. – Они видят нас и все время наблюдали за нами, а мы даже не представляем себе, что они такое.

Почти в последний момент возник вопрос, с какой стороны находится выход из корабля. Кроме того отверстия, которое появилось в первый день и за это время еще четыре раза открывалось, в корпусе звездолета не обнаруживалось никаких других.

– Будем ожидать со стороны лагеря, – сказал Куприянов. – Все равно мы не можем угадать, где у них выход.

К половине двенадцатого все было готово к встрече. В ста метрах от шара ровными рядами выстроились батальоны полка. Ближе расположился оркестр и почетный караул. В пятидесяти метрах от корабля стоял микрофон, и возле него собрались все члены научной экспедиции и иностранные гости. Корреспонденты со своими аппаратами были тут же.

В радиусе пятисот метров корабль плотной стеной окружали несметные толпы народа. Никакие запрещения не смогли удержать жителей окрестных городов и сел, и они со вчерашнего вечера непрерывно подходили и подъезжали к лагерю. Больше половины этих людей провели здесь всю ночь и стоически мокли под утренним дождем. По любопытному совпадению, день пятнадцатого августа пришелся как раз на воскресенье, и это обстоятельство в сильной степени способствовало увеличению числа зрителей.

Караульная цепь была отодвинута от шара на полкиометра, и люди послушно остановились у этой границы, не пытаясь подойти ближе.

Куприянов сердился, что допустили «такое безобразие», ворчал на Черепанова, но втайне был доволен и одобрял поведение жителей.

– На их месте я сделал бы то же, – говорил он Козловскому.

– Иначе и не могло быть, – отвечал секретарь обкома.

День был очень жарким. Ни малейшего дуновения ветра не чувствовалось в неподвижном горячем воздухе. Высоко поднявшееся солнце ослепительным блеском отражалось в металлических стенках космическо-

го корабля, трубах оркестра и огненными искрами вспыхивало на штыках войск.

Шар был неподвижен и загадочен, как всегда. В его внешнем виде ничто не изменилось. Белый корпус по-прежнему скрывал от людей то, что находилось внутри его. Видит ли экипаж корабля все эти приготовления? Понимает ли он, что это означает? Или звездоплаватели занимаются своим делом, не обращая внимания на поступки людей, которые им непонятны и чужды? Может быть, они и не думают о выходе из своего корабля, и все эти приготовления были проделаны впустую?

– Этого не может быть, – сказал Неверов, когда Куприянов, стоявший с ним рядом, высказал эти мысли. – Они выйдут!

Президент Академии наук, начальник экспедиции и Козловский стояли отдельно, немного впереди остальных.

По мере того как шли минуты, усиливалось волнение. Люди не спускали глаз с корабля. Они не замечали зноя, готовые ждать и ждать. Время остановилось для них.

Но ждать пришлось недолго.

Вероятно, экипаж космического корабля сам мучился нетерпением и следил за тем моментом, когда подготовка будет закончена.

Гости из другого мира так же, как и люди, приготовились к встрече и выработали свой церемониал.

Опасения, что они не поймут смысла того, что делалось у корабля, оказались напрасными. Они хорошо поняли и доказали это торжественно и просто.

Со стороны корабля внезапно раздался громкий звук. Как будто тяжелый молот с силой ударился о звонкий металл. Мелодичный вибрирующий аккорд пронесся над полем и смолк.

Его слышали все. Огромное кольцо толпы всколыхнулось одновременным движением подавшихся вперед людей.

В тишине отчетливо прозвучала короткая команда Черепанова.

Полк вздрогнул и замер. Офицеры приложили руку к козырьку фуражек.

Над лагерем, над полем, над притихшей толпой медленно и величаво поплыли звуки неведомой мелодии. Они исходили сверху, с вершины шара. Какой-то очень мощный инструмент чистым металлическим звуком играл несомненно гимн, гимн неизвестного народа, неизвестной планеты. Эти звуки не напоминали ни один из музыкальных инструментов Земли. Словно громадный хор людей с металлическими голосами пел на неведомом языке неведомую песню.

Она звучала с какой-то необычайно мягкой силой, и ее было хорошо слышно на много километров вокруг.

Люди стояли, глубоко потрясенные этой музыкой, впервые раздавшейся на их планете. Это было создание неведомого композитора, близкое и дорогое тем существам, которые прилетели на Землю, иначе они не взяли бы его с собой. Они показывали людям Земли лучшее произведение своей музыкальной культуры, зародившейся бесконечно далеко и силой разума принесенной сюда, на Землю.

Смолкла песня, и опять над полем пронесся тяжелый

удар молота о звонкий металл.

Наступила тишина.

Оркестр полка молчал. Было неизвестно, услышат ли обитатели корабля сквозь стенки своего шара ответную музыку. Когда они выйдут, Земля ответит им.

Сейчас они должны выйти!

Напряжение достигло предела. Вот сейчас, в каком-то, пока неизвестном, месте откроется дверь, может быть на землю упадет лестница, и появится… Кто? Какие существа выйдут к людям?..

Дыхание спиралось в груди, сердце билось неровно и часто, нервная дрожь трясла людей. Всюду виднелись бледные, напряженные лица с глазами, устремленными к кораблю…

Сейчас выйдут… Кто?

Уродливые пауки с мохнатыми телами и неподвижным жестоким взглядом огромных глаз, глаз спрута?..

Подобия людей, с шестью руками и хоботом на лице?..

Исполинские жуки с жесткими перепончатыми крыльями и человеческими головами?..

Или вся фантазия Земли не в силах предвидеть их внешний облик?

Сейчас откроется дверь…

Их ждали… ждали с напряженным вниманием, не спуская глаз с корабля, но они появились неожиданно. Того, что произошло в действительности, никто не ожидал.

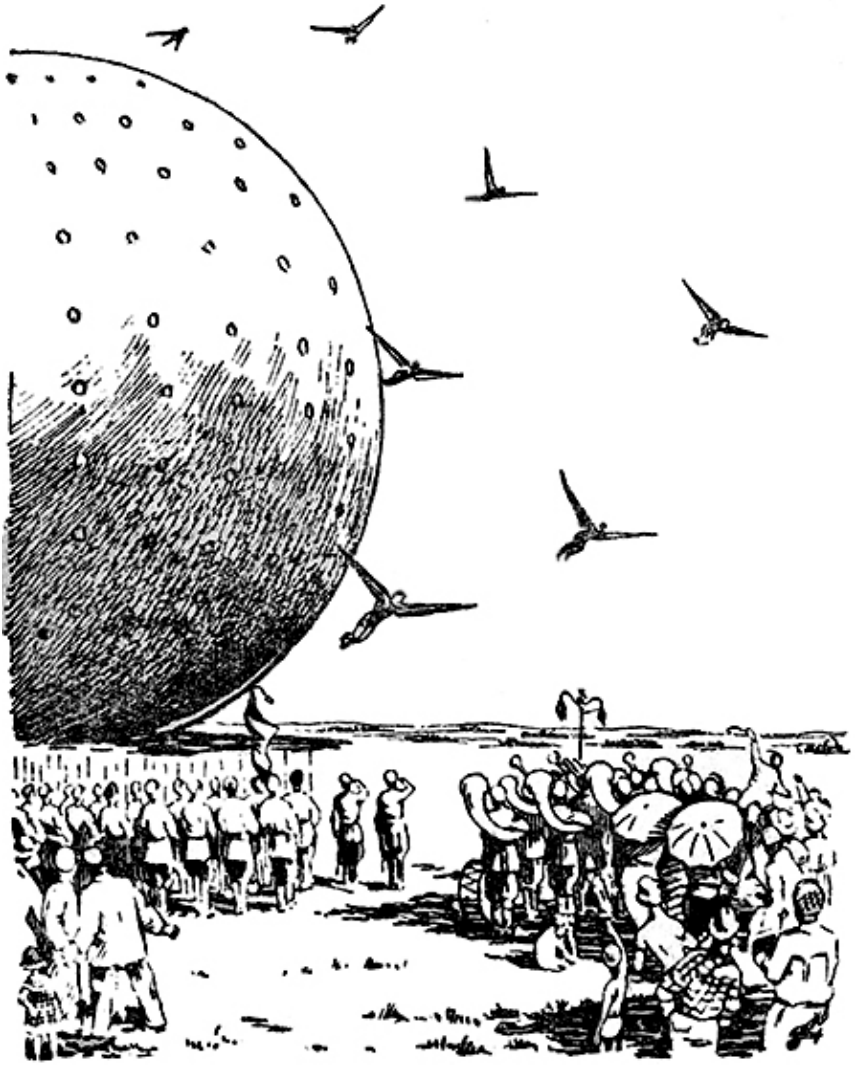
Внезапно со всех сторон одновременно раздался тысячеголосый крик…

На самой вершине шара показалось живое существо.

Несколько секунд оно неподвижно стояло, четко вырисовываясь на голубом фоне неба.

Потом рядом с ним появились еще семеро.

Они казались совсем маленькими на такой высоте, в сравнении с исполинским размером их звездолета. Контуры их фигур были похожи на людей, одетых в



длинные мягкие одежды. Отчетливо виднелись головы.

Почему они вышли наверху? Или, показавшись людям, они снова исчезнут внутри корабля, не ступая на землю? Может быть, они опасаются приближаться к неизвестным им существам?..

И вдруг складки «одежд» зашевелились, распахнулись, и восемь крылатых фигур поднялись в воздух…

Птицы!.. Птицы с человеческими головами!

Они плавно, свободно и красиво опускались вниз. Крылья не шевелились. Они управляли своим полетом, как делают это орлы или ястребы, наклоняя тело и слегка покачиваясь.

Подняв головы, застыв от изумления, люди следили за полетом своих гостей.

Птицы…

Разумные птицы населяли неведомую планету, откуда прилетел этот корабль.

И этот гигантский шар был сделан птицами. И музыка, прекрасная мелодия гимна-песни была создана птицей… С этими пернатыми звездоплавателями говорили люди на языке математики… И птицы осуществили великую мечту человечества – межзвездный полет!

Люди ждали, но того, что они увидели, никто не мог предвидеть.

Тишину нарушил голос профессора Лебедева.

– Этого не может быть! – сказал он.

– Значит, может, – печально отозвался Штерн.

В пяти шагах от группы ученых птицы легко и плавно опустились на землю, сложили крылья, и встали на ноги… на обыкновенные человеческие ноги… на две ноги!

Одновременным движением они что-то сделали у груди, и крылья вдруг отделились от тела и легли на землю. Освободились руки… две! Летательные аппараты лежали у ног своих хозяев.

Это были не птицы, а люди!

Все восемь были одинаково одеты в светло-серую одежду, похожую на лётный комбинезон, с красными меховыми воротниками и такими же манжетами на запястьях. На каждой руке было пять пальцев, только значительно более длинных, чем у людей.

И они были черные!

Все – руки, шеи, лица, были черными, черными, как китайская тушь.

Черты их продолговатых лиц были такие же, как у людей белой расы, и красивы, красивы с земной точки

зрения. Светлые золотистые волосы лежали мягкими волнами. Головы были ничем не покрыты. Ростом они были около двух метров, и их широкие плечи указывали на физическую силу. По первому впечатлению, они казались молодыми. Их глаза (два глаза) были очень длинны и узки, так что казались прищуренными. Ресницы были золотисты, как и волосы. Никаких признаков бороды или усов не было заметно.

Освободившись от своих крыльев, они сдвинулись теснее, ближе друг к другу, подняли головы и прямо взглянули своими узкими глазами в глаза людей.

Несколько минут представители двух миров неподвижно стояли друг против друга.

Люди Земли испытывали такое мучительное волнение, что, казалось, продлись оно еще немного – и обезумевшее сердце не выдержит и разорвется. Они были не в силах сделать хотя бы одно движение.

Что испытывали пришельцы из глубин вселенной, было трудно сказать, но их неподвижность говорила о многом.

Стояла такая тишина, что ясно слышалось учащенное дыхание… дыхание обеих групп.

И вдруг пришелец, стоявший прямо напротив Куприянова, сделал несколько шагов вперед и обнят его. Обнял так, как сделал бы это человек Земли, встретивший друга после долгой разлуки.

И ученый Земли ответил ученому другой планеты крепким объятием.

Тишина взорвалась.

Запоздало грянул оркестр. (От волнения музыканты бессовестно фальшивили.) Нарушая дисциплину, по-

четный караул бросился вперед. Пришельцев подняли на руки.

И они улыбались.

* * *

Радиокомментатор опомнился и бросился к забытому микрофону. Корреспонденты, с расстроенными лицами, взялись за свои аппараты Они тоже забыли о своих обязанностях и не засняли появления гостей. Все смешалось в волнующуюся, гудящую толпу.

Несколько минут у корабля творилось что-то безумное. Звездоплавателям не давали ступить на землю. Они переходили с рук на руки. Каждый хотел хотя бы притронуться к ним.

Первым пришел в себя Черепанов. Он что-то сказал стоявшему рядом с ним офицеру. Раздалась громкая команда, перекрывшая шум. Со смущенными, виноватыми лицами солдаты бегом вернулись на прежнее место и с молниеносной быстротой выстроились.

Гости получили свободу.

Все это время Куприянов стоял рядом с человеком, обнявшим его, держа его за руку. Они часто смотрели друг на друга и улыбались.

Радиокомментатор подошел к ним и попросил профессора выступить у микрофона.

– Я передал все, что произошло, – смущенно сказал он. – Теперь нужно, чтобы вы сказали несколько слой. Ох! И достанется мне! – вздохнул он.

Куприянов подошел к микрофону. Он знал, что вся Земля будет слушать его, но был совершенно спокоен.

Пережитые волнения были так сильны, что для новых не хватало сил.

Командир звездолета (это, вероятно, был командир) последовал за ним. Он внимательно и серьезно наблюдал за всем, что происходило перед его глазами.

Теперь, в более спокойной обстановке, Куприянов лучше рассмотрел его и убедился, что этот человек далеко не молод. На его лице были глубокие морщины и в волосах проступала седина. Его мощный лоб, энергичная складка губ, развитый подбородок выражали сильный, властный характер и глубокий ум. Глаза, губы (серого цвета), пальцы рук были не похожи на человеческие глаза, губы и пальцы, и все же это был самый настоящий «человек», только черного цвета, такого черного, какими никогда не бывают даже негры.

Окончив свою краткую речь, Куприянов на секунду задумался и чуть дрогнувшим голосом сказал в микрофон:

– А теперь мы попросим командира звездолета сказать нам несколько слов.

Он отступил на шаг и жестом пригласил гостя подойти к микрофону.

Он не мог бы объяснить, что побудило его сделать это. Он не знал, может ли это существо говорить, не знал, поймет ли он, что от него хотят. Но, произнося свою ответственную фразу и хорошо зная, какое волнение он вызывает на всей планете, он был глубоко убежден, что не делает ошибки.

Члены научной экспедиций, стоявшие вокруг микрофона, с изумлением посмотрели на своего руково-

дителя. Лебедев даже крякнул с досадой. Один Козловский одобрительно улыбнулся.

И вдруг в наступившей тишине раздался мягкий голос. Говорил звездоплаватель Звуки неизвестного языка понеслись в эфир. Странные, чуждые земному слуху, с отчетливыми промежутками между словами, они поражали какой-то необычайной мягкостью. Как будто после каждой согласной буквы стоял мягкий знак, независимо от гласной, следующей за нею.

Он говорил не больше минуты. Закончив, повернулся к Куприянову и улыбнулся, словно этой улыбкой спрашивая «Довольно ли?»

Лежнев и Ляо Сен с особым вниманием прислушивались к языку гостя. Оба с удовлетворением отметили, что в этом языке не было ни одного звука, который был бы непроизносим для людей. Наибольшая трудность, несомненно, заключалась в мягкости согласных букв, которая не была свойственна земным языкам, но эта трудность не казалась им непреодолимой. Изучить этот язык, получить возможность говорить с этими обитателями другой планеты было трудно, но они решили, что эта задача им по силам.

Оба запомнили последнее слово в речи гостя.

Если написать это слово русскими буквами, то получалось странное созвучие: «КЬАЛЬИСЬТЬО».

Они не знали, что означало это слово, но оно врезалось им в память, с таким глубоким чувством оно было произнесено.

КРЫЛЬЯ

– Кялистье, – повторил Ляо Сен, стараясь произносить звуки как можно мягче.

Звездоплаватель отрицательно покачал головой.

Это движение, столь понятное и привычное людям, было с удовольствием воспринято всеми. Между гостями и хозяевами обнаруживалось все большее и большее сходство.

– Кьальисьтьо, – сказал он медленно и отчетливо.

Ляо Сен повторил, тщательно выговаривая «а» вместо «я» и «о» вместо «ё». Получилось гораздо лучше.

Серые губы улыбнулись одобрительно. Звездоплаватель показал рукой на корабль, потом на себя и своих спутников и, наконец, на небо.

– Кьальисьтьо! – повторил он еще раз.

– Это название планеты, с которой они прилетели, – сказал Козловский

– Странное совпадение! – заметил Штерн. – У нас тоже есть Каллисто. Это один из крупных спутников Юпитера, вторая по величине «луна» солнечной системы.

– Может быть, они с нее и прилетели? – спросил кто-то

– Ну что глупости говорить! Во-первых, наша Каллисто совершенно непригодна для жизни, а во-вторых, никак не могло так случиться, что и мы и они назвали небесное тело одинаковым именем. Звездолет прилетел с другой планетной системы. Запомните это раз навсегда.

– Такое предположение действительно не выдерживает критики, – сказал Неверов. Он обвел рукой вокруг, показал вниз и раздельно произнес. – Земля.

– Зьемьлья, – повторил гость Он опять указал на корабль и своих спутников, потом на людей и, подняв руку к небу, быстро опустил ее вниз, указывая на землю.

– Кьальисьтьо – Зьемьлья! – сказал он.

Смысл этого места и слов был совершенно ясен. Корабль прилетел на Землю с планеты Каллисто.

Ляо Сен указал пальцем себе на грудь и сказал:

– Человек!

Потом указал на Куприянова, Козловского, каждый раз повторяя: «Человек».

Звездоплаватель отлично понял его. Он повторил ту же операцию, указывая на себя и своих товарищей, каждый раз произнося:

– Мьенькь!

Лежнев решил расширить ассортимент слов. Он указал на командира звездолета и повторил «Меньк». Потом обвел рукой всех звездоплавателей и спросил:

– Менькн?

– Дье! – ответил командир. Он явно понял и это. – Мьенькькь!

– Дье значит нет! – сказал Ляо Сен. – У них множественное число произносится с прибавлением последней буквы слова.

– Очевидно! – ответил Лежнев.

Звездоплаватель, видимо, тоже решил узнать, как произносится множественное число. Он указал на Лежнева и сказал:

– Чьельовьекь!

Потом, так же как Ляо Сен, обвел рукой группу людей и сказал:

– Чьельовьекькь?

– Нет! – ответил Лежнев. – Люди!

По движению головы было похоже, что звездоплаватель удивился. Он показал на Лежнева и спросил:

– Льюдь?

– Нет! – ответил Лежнев. – Человек! – он опять указал на всех и повторил:

– Люди!

Звездоплаватели о чем-то заговорили между собой. Было ясно, что это странное расхождение в словах было им непонятно.

– У них, – сказал Ляо Сен, – язык проще, чем у нас.

– Это еще не известно, – сказал Лежнев. – По двум словам нельзя судить обо всем языке.

Было очевидно, что предстоящая работа по изучению языка увенчается успехом. Начало было все-таки положено, и достаточно успешно.

Еще несколько слов, обозначающих нос, губы, волосы, руки и ноги, было названо с обеих сторон. Широков вынул блокнот и тщательно записывал каждое слово. Звездоплаватели обходились без записей. Они или запоминали, или решили, что этот первый разговор не стоит записывать.

Каждое название произносилось в единственном и множественном числе. Стало совершенно очевидно, что в языке гостей множественное число обозначалось тем же самым словом, но с повторением последней буквы.

Хозяева остались вполне довольны этим первым разговором. Насколько они понимали выражение лиц своих гостей, те тоже были удовлетворены.

Командир корабля показал рукой на темное кольцо толпы, все еще стоявшей на том же месте и не расходившейся.

– Люди! – сказал Лежнев.

– Льюдьи! – кивнул головой звездоплаватель. Он указал на своих товарищей, потом на толпу и изобразил руками крылья.

– Они хотят полететь к народу, – сказал Козловский. Посмотреть или показать им себя.

– Это очень хорошо! – сказал президент.

Куприянов жестами показал, что желание гостей понято и не встречает возражений.

Семеро из них, в том числе и командир, подошли к своим крыльям, лежащим на земле. Быстро и, видимо, привычно, они надели на себя что-то похожее на длинную мягкую одежду. Теперь все заметили, что на спине помещался продолговатый ящик, сделанный из темного металла. Крылья прикреплялись к телу при помощи гибких металлических «ремней». Руки вошли в «рукава», вделанные с внутренней стороны крыльев.

Звездоплаватель, не присоединившийся к своим товарищам, поднял с земли свои крылья и подошел к людям. Семеро других, уже готовые к полету, стояли не трогаясь с места и ждали чего-то.

Звездоплаватель медленно надел на себя летательный аппарат. Он явно хотел показать людям, как это надо делать. Продев руки, он глазами указал на маленький ящичек, прикрепленный под левым крылом.

На крышке ящичка было четыре кнопки. Он положил на них пальцы и нажал на первую кнопку, справа. С тихим шуршащим звуком крылья распахнулись. Их размах достигал четырех метров. На вид они были жестки и упруги. Каркас, на котором они держались, был, очевидно, вделан внутри. Формой крылья напоминали крылья орла. Переждав минуту, чтобы дать возможность людям осмотреть их, он кивком головы снова обратил внимание на кнопки и нажал вторую. Столб пыли поднялся с земли за его спиной. Но он не двигался с места. Показав, опять-таки глазами, на правую руку, он как бы попросил обратить внимание на второй такой же ящичек, на крышке которого находилась маленькая рукоятка. Он чуть-чуть, едва коснувшись, повернул и сейчас же поставил ее в прежнее положение. Несмотря на молниеносную быстроту его движения, он поднялся на метр от земли и опустился обратно. Пыль вихрем кружилась позади этой крылатой фигуры. Нажав третью кнопку, он остановил двигатель. (Ящик на спине был несомненно двигатель.) Нажал четвертую – и крылья сложились.

Все с волнением и интересом следили за этой демонстрацией.

– Ясно и, кажется, очень просто! – сказал Широков.

Звездоплаватель снял с себя летательный аппарат и протянул его Куприянову. Он явно приглашал его лететь вместе со своими товарищами, которые по-прежнему ждали.

– Ну, нет! Это не для меня! – сказал профессор.

Корреспондент агентства Рейтер, Дюпон с решительным видом выступил вперед. Казалось, он хотел принять это предложение.

Широков перехватил тревожный взгляд Козловского. Поборов невольный страх, он, опережая англичанина, громко сказал:

– Я полечу!

– Упадете и разобьетесь, – сказал Штерн.

Дюпон с недовольным лицом чуть насмешливо поклонился и отошел. По лицу Козловского скользнула улыбка. Корреспондент вторично обнаружил понимание русского языка.

– Конечно, упадете, – поддержал Штерна Куприянов.

– Я этого не думаю, – сказал президент. – Эти люди очень разумны и не стали бы предлагать лететь, если бы не были уверены в устойчивости аппарата. Они должны понимать, что у нас нет и не может быть опыта.

– Я полечу! – повторил Широков. – Когда-то я мечтал стать планеристом. Я убежден, что они не дадут мне упасть.

Он решительно протянул руку к крыльям.

Звездоплаватель улыбкой выразил свое одобрение. Его узкие глаза смотрели прямо в глаза молодого медика, и Широкову показалось в этих необычайно длинных черных глазах выражение ласки.

– Вьельи! – сказал гость.

По интонации это слово, вероятно, означало – «смелее!»

Широков с удивлением заметил, что совсем не волнуется. Он надел на себя аппарат, оказавшийся очень легким, и продел руки в «рукава». Кнопки и рукоятка оказались как раз под пальцами. Звездоплаватель за-

ботливо помогал ему. Он еще раз показал на каждую кнопку и жестами объяснил, для чего они служат.

Широков кивнул головой, показывая этим, что понял.

– Петр Аркадьевич! – взволнованно сказал Куприянов. – Может быть, лучше не надо?

– Нет, – ответил Широков. – Теперь уже поздно!

Он осторожно, стараясь не запутаться в концах крыльев, подошел к семерым звездоплавателям, которые встретили его ласковыми, одобрительными улыбками.

Командир сказал что-то, и его товарищи раздвинулись, освобождая место друг другу, чтобы иметь возможность свободно раскрыть свои крылья. Широков стоял рядом с командиром.

Ему еще как-то не верилось, что через несколько секунд он действительно превратится в птицу и полетит по воздуху на этом непонятном аппарате. Он стоял и улыбался.

Раздался сильный шорох, и семь пар крыльев раскрылись рядом и позади него.

Широков стиснул зубы и нажал кнопку. Аппарат раскрылся с такой силой, что его руки поднялись сами собой.

Командир повернул к нему голову и кивнул.

Широков нажал вторую кнопку. Он ничего не почувствовал. Увидел только, как у ног командира вихрем поднялась пыль. Из ящика, расположенного на спине, очевидно, била сильная струя воздуха или какого-нибудь газа.

Он знал, что рукоятка, расположенная справа, слу-

жит для усиления этой струи, и понимал, что надо повернуть ее, но не мог сделать этого. Его пальцы вдруг онемели.

Он увидел, как Куприянов быстро направился к нему, понял, что его учитель и друг хочет запретить ему лететь. С энергией отчаяния, поборов слабость, он резко повернул ручку.

Земля провалилась вниз. Он почувствовал упругое сопротивление воздуха. Мощная сила несла его вперед. Тело само собой приняло горизонтальное положение. Рядом висел в воздухе командир звездолета, внимательно наблюдая за ним. Широков увидел внизу дорогу и понял, что летит к лагерю. Командир наклонил тело и повернул влево. Широков поднял правую руку и опустил левую. Его тело послушно повернуло в нужном направлении. Он чуть повернул ручку и полетел быстрее, догоняя командира. За ними летели остальные шестеро.

Чувство страха совсем исчезло. Аппарат был послушен, и Широков больше не боялся, что упадет. Он целиком отдался необычайному и приятному ощущению этого свободного полета. Он наклонялся вправо и влево, опускался вниз и снова поднимался. Его спутники повторяли все его движения, очевидно не решаясь оставить его одного. Они держались близко к нему и, казалось, были готовы в любого секунду прийти на помощь.

Прошло не более двух минут, и Широков почувствовал себя так, словно десятки раз летал на этих чудесных крыльях.

Они летели к кольцу толпы и, очутившись над нею,

опустились совсем низко. Широков намеренно отстал, пропустив своих спутников вперед. Они не возражали против этого, убедившись, что их земной товарищ чувствовал себя свободно.

Широков видел внизу, на расстоянии всего трех – четырех метров, поднятые к ним бесчисленные лица, слышал оглушительный шум приветственных криков. Шапки летели вверх, едва не задевая крылатых звездоплавателей. Несколько кепок и фуражек, брошенные слишком высоко, были далеко отброшены струей от двигателей. Широков вспомнил при этом катастрофу под Чкаловом и понял, что эти аппараты двигались по тому же принципу, что и весь космический корабль. Это был принцип реактивного движения.

Его спутники описывали в воздухе широкий круг. Они явно хотели облететь все кольцо толпы.

Широков внезапно почувствовал, что его руки устали, они начали болеть все сильнее и сильнее…

Группа ученых, корреспонденты и несколько офицеров полка стояли на том же месте, наблюдая за полетом. Куприянов очень волновался за своего ассистента, но, увидя, как легко и свободно он летит, успокоился.

– Молодец! – повторял Штерн

– Жаль, что я уступил ему место, – шутливо сказал Козловский.

– Ну, вот и состоялось это знаменательное событие, – говорил президент. – И они оказались обыкновенными людьми! А сколько было фантазий!

– Я сразу не поверил, что это птицы, – сказал Лебедев. – Организм высокоразумных существ формируется трудом. Для труда необходимы соответствующие

органы тела – руки или что-нибудь подобное рукам, но не крылья. Вы заметили, какие у них длинные и гибкие пальцы? Рука не только орган труда, она также его продукт, как говорил Фридрих Энгельс.

– Это верно, – сказал Аверин. – Их руки свидетельствуют, что на их планете, так же как на Земле, царит труд.

– Без труда не построишь такой корабль, – заметил Неверов.

– Меня интересует, – сможем ли мы осмотреть корабль внутри? – сказал Куприянов. – А почему же нет?

– Не знаю, согласятся ли они на это.

– Не только согласятся, но и сами пригласят нас, – уверенно сказал Козловский.

– А если так, то каким способом мы проникнем в него? Пользоваться их крыльями я решительно отказываюсь.

– Может быть, есть другой выход, внизу, а если нет, то можно затребовать вертолет, – ответил Неверов.

– Это удачная мысль, – подхватил Штерн. – Если Михаил Михайлович не хочет уподобляться птице, то мне это и подавно не удастся.

Звездоплаватель, молча стоявший рядом с ними, тронул Куприянова за плечо и показал рукой налево.

Группа крылатых фигур несколько минут тому назад скрылась позади шара. Все видели, что Широков летел сзади, и понимали, чем это вызвано. Теперь, когда они появились с другой стороны, их было только семеро.

Несколько секунд люди еще не понимали, что это означало. Семь фигур летели вперед. Восьмая не появлялась.

Но вдруг спокойное течение полета нарушилось. Семь «птиц» резко повернули обратно. Очевидно, они заметили исчезновение своего спутника.

– Это Широков! – испуганно сказал Куприянов. – Он упал!

Все побежали, огибая шар. Они увидели, как звездоплаватели опустились на землю и окружили что-то. Но толпа стояла спокойно. Если бы Широков действительно упал, этого не могло быть.

Потом одна фигура поднялась в воздух и быстро полетела прямо к шару. Пять других тоже поднялись и продолжали полет по прежнему направлению.

– Кажется, все благополучно, – облегченно сказал Неверов. – Один из них остался с Широковым. Наверное, сломалось что-нибудь.

Направившийся к кораблю звездоплаватель быстро подлетел к ним и опустился на землю. Он кивал головой и улыбался, словно хотел сказать: «Все в порядке!»

– Они поняли, что мы будем волноваться, и послали его успокоить нас,

– сказал Козловский. – Это не только люди, – это очень хорошие люди! – прибавил он.

Приблизительно минут через десять пятеро звездоплавателей вернулись, закончив облет толпы. Они сняли свои аппараты и тоже старались успокоить людей. Они указывали на руки, выше локтя, и трясли ими. Что это должно было означать, никто догадаться не мог, но все совсем успокоились. Очевидно, с Широковым ничего плохого не случилось.

Еще через несколько минут они увидели, как поднялись в воздух две отставшие фигуры.

Широков и командир звездолета, целые и невредимые, опустились у корабля.

– Что случилось, Петр Аркадьевич? – спросил Куприянов.

– Устал, – ответил молодой человек. – Почувствовал такую боль в руках, что был вынужден опуститься на землю. К этому аппарату нужно привыкнуть.

– Напугали вы нас, – сказал президент.

– Ну, как впечатление? – спросил Козловский.

– Замечательно! – ответил Широков. – Если удастся изготовить такой аппарат, он произведет целую революцию в спорте и военном деле.

Козловский стремительно обернулся и в упор посмотрел на Дюпона. Застигнутый врасплох журналист не успел принять равнодушный вид.

– Вас интересует такое использование крыльев, мистер Дюпон? – по-русски спросил секретарь обкома.

– Интересует! – вызывающий тоном ответил корреспондент. (Он понял, что разоблачен и нет смысла упорствовать.) – Не меньше, чем вас.

– Вы хорошо говорите по-русски, – с усмешкой похвалил Козловский. – Сегодня побеседуем с вами.

– С большим удовольствием! – Дюпон поклонился и отошел в сторону.

Куприянов, Штерн и Широков не слышали этого короткого разговора, а те, кто слышали, не придали ему никакого значения.

«Один обезврежен, – подумал Козловский. – Но он что-то подозрительно легко попался».

Между тем командир звездолета настойчиво приглашал посетить корабль. Он указывал на крылья, по-

том на Широкова, улыбался, жестами приглашая надеть аппарат и подняться наверх. Его мимика была так выразительна, что иногда казалось, что он просит словами.

«Ваш товарищ летал, – будто говорил он, – и с ним ничего не случилось. Наденьте крылья, и я покажу вам наш корабль».

Куприянов всеми силами старался объяснить ему, что завтра прилетит вертолет и тогда они примут приглашение, но из его объяснений ничего не выходило. Звездоплаватель не понимал.

Широков взял карандаш и нарисовал на листке из блокнота шар, затем поставил девятнадцать черточек и опять нарисовал шар и на нем – крылатую фигуру. Указывая на последнюю, девятнадцатую, черточку, он затем указал на солнце.

Звездоплаватель внимательно рассмотрел рисунок и вернул его, кивнув головой. Казалось, что он понял.

Тогда Широков поставил еще одну черточку и снова нарисовал шар, старательно изобразив над ним вертолет с опущенной лестницей и фигурками людей. Командир корабля закивал головой. Он хорошо все понял.

– Кьатьрьи! – сказал он.

– Кятьри! – ответил Широков, решив, что это слово означает «завтра».

После этого графического объяснения командир оставил в покое Куприянова и все свое внимание перенес на Широкова, приглашая его одного посетить корабль сегодня.

Предложение было очень заманчиво, и Широков

спросил профессора, не будет ли тот возражать против этого.

– Нисколько! – ответил Куприянов. – Могу только позавидовать вам.

– Скажите ему, что я тоже хочу с вами, – сказал Синяев, обращаясь к Широкову, как к испытанному уже переводчику.

– Если можно, то и меня возьмите, – сказал Ляо Сен.

– И меня! И меня! – послышались со всех сторон просьбы корреспондентов.

Широков обратился к командиру звездолета. Тот, очевидно, догадался, о чем идет речь, и показал два пальца. Это означало, что посетить корабль могут одновременно два человека.

– Пусть на корабль отправятся товарищи Ляо Сен и Широков, – сказал Куприянов. – Остальные подождут до завтра. А двух человек, которые отдадут вам свои аппараты, мы отведем в лагерь и покажем им нашу жизнь. Скажите им, Петр Аркадьевич!

Такому понятливому человеку, как командир звездолета, было нетрудно передать жестами слова Куприянова. Два звездоплавателя отдали свои аппараты двум людям и помогли надеть их.

Подъем на корабль не доставил никаких затруднений.

Когда восемь человек скрылись внутри шара, Куприянов пригласил оставшихся пройти в лагерь. Они, видимо, охотно приняли это приглашение. Группа ученых, их гости и корреспонденты ушли. За ними ушел и полк.

Толпа, видя, что все кончилось, стала постепенно расходиться.

ЗВЕЗДОЛЕТ

Очутившись на вершине шара, Ляо Сен и его спутник увидели, что находятся на небольшой плоской площадке. На ее середине было круглое отверстие диаметром около полутора метров. Оно напоминало колодец или шахту с металлическими стенками.

Широков заглянул туда. Труба уходила глубоко вниз. Ее дно скрывалось во мраке.

Командир корабля снял с себя крылья. Все сделали то же. Он наклонился и нажал маленькую кнопку у края трубы.

Прошло несколько секунд, и снизу беззвучно поднялась круглая плоская крышка. Она остановилась как раз у края колодца и так плотно закрыла отверстие, что неразличимо слилась с поверхностью шара. Если бы не узкая синяя полоса, идущая по краю крышки, было бы невозможно найти ее.

Трое звездоплавателей стали на эту крышку и жестами пригласили Широкова присоединиться к ним. Очевидно, подъемная машина могла поднять только четырех человек сразу. Три их товарища и Ляо Сен остались наверху.

Крышка дрогнула и быстро, плавно опустилась вниз.

Кругом было совершенно темно. Высоко над головой виднелся светлый круг выхода. По его видимой величине Широков определил, что они опустились не меньше как на десять метров. Это было уже близко к центру шара.

Машина остановилась без малейшего толчка. Раз-

дался слабый свист, потом металлический звук – и темная заслонка, как показалось Широкову, над самой их головой закрыла колодец. Кусочек неба, видимый наверху, исчез.

Мрак еще больше сгустился. До сих пор Широков слабо, но все же различал черные тени своих спутников. Теперь и эти тени исчезли. Их окружала полная темнота.

Внезапно он почувствовал резкий и неприятный запах. Замкнутая со всех сторон кабина наполнялась каким-то газом. Стало трудно дышать.

Был ли это воздух Каллисто?..

Он не знал, что подумать. Мелькнула тревожная мысль: «Может быть, эти существа не понимают, что мы не можем дышать таким воздухом, привычным для них».

Рука звездоплавателя коснулась его руки и сжала ее нежно, ласково, успокаивая…

И вдруг запах исчез. Воздух снова стал чистым.

Раздался мелодичный звон. Стенки кабины раздвинулись, и яркий свет на мгновение ослепил его.

Открылась внутренность корабля.

Первое, что почему-то пришло в голову Широкову, было сознание, что он дышит воздухом чужой планеты. Вся процедура спуска доказывала, что звездоплаватели не допускали в свой корабль воздух Земли. Может быть, газ наполнивший кабину, как раз и предназначался для того, чтобы каким-то образом уничтожить в ней земной воздух и заменись его своим?

«Но если это так, – подумал он, – мы можем заразиться неизвестной на Земле болезнью, вдохнуть в себя

неизвестный нам микроб, с которым наш организм не сумеет справиться».

Эта мысль мелькнула и тотчас же исчезла. Он чувствовал доверие к этим обитателям другого мира и подумал, что если бы существовала такая опасность, то они не допустили бы их на корабль.

Он с любопытством осмотрелся.

Помещение, в котором он находился, представляло собой как бы внутренность граненого шара, перерезанного внизу плоскостью пола. Стенки этого шара состояли из правильной формы восьмиугольных панелей, сделанных из чего-то, похожего на молочное стекло. Сходство со стеклом усиливалось тонкой металлической рамой или оправой, в которую были вделаны эти панели. Помещение имело пять или шесть метров в диаметре. Пол был сплошь металлический и состоял из ясно видимых отдельных плит. В середине, на длинных и тонких металлических стержнях, уходящих в стены, висело что-то, похожее на большой щит управления, какие Широкову приходилось видеть на электростанциях, сплошь заполненный странной формы приборами, трубками, кнопками и рукоятками. Перед ним, соединенное со стержнями, поддерживающими самый щит, находилось мягкое кресло совершенно «земного вида». Пол проходил как раз под щитом, но, очевидно, не служил ему опорой. Никаких дверей или люков (через которые можно было бы попасть в другие помещения), не было видно. Кроме пульта и кресла, никакой другой меблировки в помещении не было. Оно было совершенно пусто.

В нескольких местах, наверху и почти у самого пола,

были расположены источники света, закрытые выпуклыми матовыми стеклами или чем-то, очень похожим на стекло.

Выйдя из кабины, они оказались на небольшой площадке с перилами. Вниз вела металлическая лестница. Прямо напротив Широков увидел вторую, такую же площадку и лестницу. Там, очевидно, была расположена другая подъемная машина, ведущая на поверхность шара.

Командир корабля жестом указал вниз. Широков спустился по лестнице. За ним последовали хозяева.

Они сняли с себя свои меховые комбинезоны и оказались в легких одеждах, сквозь которые просвечивали их черные тела.

Только сейчас Широков заметил, что внутри корабля было очень жарко. Он вспомнил обстоятельство, ускользнувшее раньше от его внимания. Несмотря на знойный августовский день, звездоплаватели вышли очень тепло одетыми. Сопоставив это с черным цветом их кожи, он пришел к выводу, что неизвестная планета – Каллисто, с которой прилетели эти люди, обладает неизмеримо более жарким климатом, чем Земля. (Это предположение впоследствии оказалось правильным.) Он услышал, как снова опустилась подъемная машина и появились Ляо Сен и трое оставшихся с ним наверху звездоплавателей.

Профессор без приглашения спустился по лестнице к Широкову.

– Что это за газ? – спросил он, кивнув головой назад, в сторону подъемной машины.

– Сам этого не знаю, – ответил Широков.

Три спутника Ляо Сена тоже сняли свои теплые одежды.

На них всех были мягкие брюки, похожие на те, которые носят лыжники, с широкими поясами и легкие, почти прозрачные, рубашки. Покрой был одинаков, но цвет различным. Командир и еще двое были в синих костюмах, один в темно-сером и двое – в красных.

Как уже упоминалось, помещение было шарообразным, но пол проходил гораздо ниже центра этого граненого шара, и боковые стенки подходили к нему наклонно, под очень тупым углом.

Неожиданно один из восьмиугольников, примыкавших к полу, сдвинулся с места, отошел назад, затем скользнул в сторону. Образовался люк. Снизу поднялись еще двое звездоплавателей, одетых в такие же костюмы; один – в сером, другой – в зеленом.

Значит, экипаж корабля не ограничивался первыми восьмью звездоплавателями, вышедшими наверх. Сколько еще могло быть скрыто в огромном корпусе звездолета?..

Тот, кого принимали за командира, указал на одного из них и сказал:

– Дьень Сьиньгь!

Потом протянул руку к другому, в зеленом костюме, и представил его:

– Рьигь Дьиегьонь!

Он обвел рукой окружающее пространство, словно охватывая весь корабль, потом опять указал на того же человека и снова повторил:

– Рьигь Дьиегьонь!

Широков и Ляо Сен поняли, что человек в зеленом

был или командиром звездолета или его конструктором.

Они поклонились и назвали свои имена. Китайский лингвист произнес свое имя на манер гостей – «Льао Сьень», – желая облегчить им его произношение.

Широков, назвавшись, протянул руку. Он сделал это инстинктивно и сразу понял, что этот обычай был не известен этим людям.

Ригь Диегонь улыбнулся и, не беря руки, обнял сначала Широкова, потом Ляо Сена. То же сделал его товарищ в сером костюме.

Они были немолоды, с совершенно седыми волосами, – явно старше остальных. Широков подумал, что им, вероятно, трудно пользоваться крыльями и что именно поэтому они не вышли из корабля.

Ригь Диегонь что-то сказал, и пятеро звездоплавателей один за другим спустились в люк и исчезли. Остались два старика и тот, которого принимали за командира.

Широкову захотелось узнать его имя. Он по очереди указал на вновь пришедших и повторил их имена. Потом указал на него и вопросительно замолчал.

Звездоплаватель понял. Приложив руку к груди, он сказал:

– Дьень Бьяининь!

Первое слово, очевидно, означало имя. Оно было тем же, что и у старика в сером костюме.

– У них имена и фамилии, – сказал Ляо Сен.

Диегонь обратился к Широкову и, погладив его по плечу, руками изобразил крылья. Молодой ученый понял, что командир звездолета видел его полет и хвалит

его за смелость. При этом он вспомнил, что эти люди каким-то образом видят сквозь стенки своего корабля, и ему захотелось узнать, как это делается. Но он не мог придумать способа сообщить им о своем желании. Несколько раз он показывал на свои глаза и затем на стены, но звездоплаватели не понимали. Они внимательно и серьезно наблюдали за его мимикой, но, очевидно, не могли догадаться, чего хочет от них человек Земли.

Ляо Сен в свою очередь попытался объяснить, что они просят показать, как звездоплаватели видят то, что окружает корабль, но и его старания не увенчались успехом.

На черных лицах хозяев появилось выражение, которое нельзя было понять иначе, как сожаление. Они о чем-то поговорили между собой, и Диегонь жестами пригласил Широкова и Ляо Сена идти за ним. Приходилось временно оставить вопрос о «глазах» звездолета и подчиниться желанию хозяев.

– Узнаем потом, – сказал Ляо Сен.

Диегонь подошел к восьмиугольному люку и спустился по маленькой, всего в четыре ступени, лестнице. Широков, Ляо Сен и два других звездоплавателя пошли за ним.

Они очутились в круглом коридоре, напоминавшем внутренность широкой трубы. Коридор, как оказалось, был устроен кольцом вокруг шарообразной комнаты. Бьяининь жестами объяснил, что такой же круглый коридор был еще и наверху.

Через каждые несколько шагов коридор был освещен такими же лампами, прикрытыми матовыми стеклами, как и центральный пост. (Шарообразная комната

была явно тем помещением, откуда осуществлялось управление космическим кораблем в полете.) Пол был покрыт чем-то вроде резиновой дорожки. Широков наклонился и пощупал материал. Это была не резина.

Они прошли шагов двадцать. Диегонь остановился и нажал кнопку. В этом месте снова оказалась совершенно незаметная дверь.

Все двери и люки космического корабля были так тщательно пригнаны, что их никак нельзя было заметить. Это было сделано с какой-то целью, но с какой, – Широков не мог догадаться.

Подъемная машина, летательные аппараты, двери – все приводилось в действие при помощи кнопок. Они, очевидно, служили для включения электрического тока. Предположить на корабле существование электростанции было трудно. Ток, по-видимому, давали аккумуляторы.

«Здесь много интересного для Манаенко», – подумал Широков.

Оказавшаяся перед ними дверь вела в другой, узкий коридор, круто поднимающийся вверх. В этой трубе уже не было пола. Вместо него здесь находилась лестница. Широков обратил внимание, что она не была прикреплена к стенам, а имела такой вид, будто была временно положена. Он вспомнил пол в центральном посту, тоже имевший «временный» вид.

Широков был мало знаком с вопросами звездоплавания, но его знаний было достаточно, чтобы догадаться: пол в центральном посту и эта лестница не являлись постоянными частями корабля. Они были нужны только тогда, когда звездолет находился в условиях

тяжести. Во время полета эти части были не нужны и, наверное, убирались.

Поднявшись по лестнице, они опять-таки оказались перед герметически закрытой дверью, которая открылась, когда нажали нужную кнопку.

За ней оказалось небольшое, тесное помещение. Оно было полно толстых металлических труб, которые со всех сторон выходили из стен и оканчивались у массивного цилиндра, метра полтора в поперечнике. И цилиндр и трубы были сделаны из того же голубовато-белого металла, из которого состоял корпус корабля. Цилиндр уходил в противоположную стену.

Бьяининь взял у Широкова блокнот и карандаш и нарисовал шар. Он рисовал быстро и гораздо лучше, чем молодой медик. Вокруг шара, со всех сторон, он изобразил звезды. Это явно означало корабль в полете. Позади шара он нарисовал несколько длинных прямых хвостов, имевших вид пара. Потом он указал на цилиндр.

– Это двигатель, – сказал Ляо Сен.

– Да, это один из двигателей, – ответил Широков. – Корабль приводится в движение реактивной силой.

Бьяининь опягь указал на цилиндр и несколько раз сжал и выпрямил пальцы обеих рук.

– Восемьдесят, – сказал Широков. – Неужели у них восемьдесят двигателей?

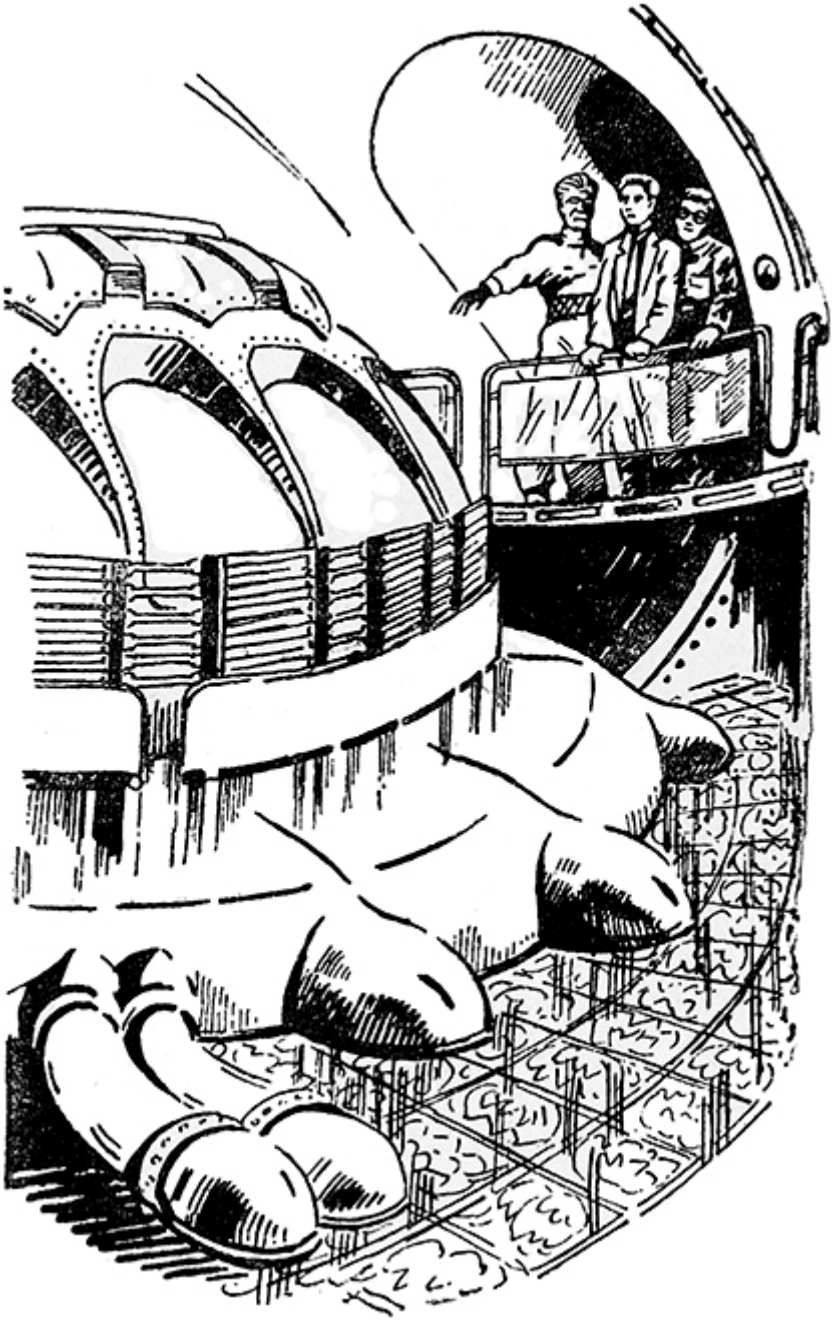
– Это не удивительно, – ответил Ляо Сен. – Корабль так велик, что для его полета нужна огромная сила. Он должен иметь возможность двигаться во все стороны. Вспомните черные отверстия, закрытые решетками. Это наружные отверстия дюз.

По знаку Диегоня, они снова спустились в круглый коридор.

На этот раз нужная дверь, вернее люк, оказалась внизу, под полом. Бьяининь откинул «резиновую» дорожку и уже не кнопкой, а просто рукой поднял крышку этого люка. Здесь оказалась не временная, а постоянная винтообразная лестница. Она уходила прямо вниз. Спустившись по ней, они очутились в небольшой, сплошь металлической комнатке, с прямоугольными стенами, полом и потолком.

В одной из стен, в углублении, была дверь, которая открылась обычным порядком, то есть при помощи кнопки. За этой дверью оказалась вторая. Обе двери были очень толсты и массивны.

За ними находилось помещение, занятое какой-то большой и сложной машиной. Так, по крайней мере, показалось Широкову и Ляо Сену. Внешне этот агрегат мало походил на машину. Не было заметно никаких движущихся частей. Тяжелые металлические щиты, скрепленные между собой болтами, составляли как бы кожух, под которым сквозь толстые узкие стекла, виднелись металлические трубы. Две массивные рукоятки на длинных стержнях, какие-то стеклянные трубочки с металлическими шариками в них, были расположены снаружи и ограждены легкой решеткой, выкрашенной в ярко-зеленый цвет. В этом помещении пол был отнюдь не временный и состоял из разноцветных плиток, напоминающих керамику, образующих красивый, но для земного глаза не понятный узор.



Ляо Сен хотел подойти ближе к машине, но Диегонь остановил его и отрицательно покачал головой. Очевидно, нельзя было подходить. Они остались стоять у самой двери.

Диегонь протянул руку к машине, потом обвел ею вокруг и в заключение положил к себе на грудь с правой стороны. Что он хотел этим сказать не поняли ни Широков, ни Ляо Сен.

По-видимому звездоплаватели хотели, чтобы их гости как следует рассмотрели эту таинственную машину, потому что они около пяти минут не двигались с места.

Широков был уверен, что перед ними находится одна из самых главных, если не самая главная, часть космического корабля. Выражение лица Днегоня, насколько он понимал его, показывало, что он демонстрирует людям эту машину с чувством гордости. За что?.. За технику своей планеты, конечно! За технику Каллисто!

На секунду Широков представил себе, что роли переменились. Вот он, командир советского звездолета, прилетевшего на другую планету, показывает ее обитателям чудесное творение человеческого гения, могучее создание мысли, воли и техники человека Земли. Какое чувство испытывал бы он тогда?..

Он повернулся к командиру корабля (не его ли конструкции была эта машина?) и, взяв его руку, крепко сжал ее. Жест был непонятен этому черному человеку, но чувство, побудившее к нему, он хорошо понял. Протянув руку, он длинными черными пальцами коснутся головы Широкова и погладил его по лбу. На серых губах появилась ласковая улыбка.

По той же винтовой лестнице они поднялись наверх и прошли опять в шарообразную комнату. (Широков мысленно называл ее центральным постом.) Диегонь подошел к пульту и сел в находящееся перед ним кресло. Положив руки на рукоятки, он обернулся к людям и снова улыбнулся.

Широков и Ляо Сен поняли, что им демонстрируют управление космическим кораблем в полете. Не имея возможности говорить с гостями, хозяева не могли объяснить яснее. Но и так все было достаточно понятно. Им показали двигатель, машину, которая чем-то была связана с ним, и в заключение место командира корабля. Но не управляют же звездолетом вслепую?..

Диегонь нажал какую то кнопку на пульте.

Широков и Ляо Сен с изумлением увидели, что один из восьмиугольников, находящихся низко над полом, на уровне их глаз, вдруг потемнел, потом стал ослепительно белым. По нему замелькали частые полосы; – и все исчезло. В стене было окно.

Они видели всю панораму лагеря так ясно, как будто это было действительно сквозное отверстие. Изображение было объемным, цветным и создавало полную иллюзию прямой видимости.

Это был огромный экран телевизора, съемочная камера которого находилась, по видимому, в стенке корабля, позади экрана.

Они видели людей в лагере, видели, как шевелятся ветви берез.

Бьяининь дотронулся до руки Широкова, словно призывая к вниманию.

И вдруг панорама лагеря дрогнула и стала медленно

приближаться. Как будто космический корабль сдвинулся с места и поплыл к нему. Все ближе и ближе, и вот уже на всем экране видна только вершина березы. Каждая веточка, каждый листик казались столь близкими, что до них можно было рукой дотронуться.

И опять все поплыло, но уже в обратную сторону. Лагерь стал удаляться, пока не занял прежнего положения, соответствующего действительному расстоянию до него.

– Будущее нашего телевидения! – сказал Ляо Сен.

– Весь этот корабль наше будущее, – отозвался Широков. – Мы находимся в мире будущего.

Диегонь нажал другую кнопку – и рядом с первым экраном появился второй. Вскоре все восьмиугольные панели, за исключением тех, которые находились позади лестниц, и трех, очевидно служивших дверями, превратились в экраны.

Бьяининь погасил свет – и изображение приобрело еще большую четкость. Если у Широкова и Ляо Сена были какие-нибудь сомнения относительно природы этих «окон», то теперь они рассеялись. Это было телевидение, давно им известное, но неизмеримо более совершенное, чем на Земле.

Стены исчезли. Люди стояли на полу, висящем в воздухе. А кругом расстилался пейзаж, окружающий звездолет. Сверху ярко синело небо и нестерпимым блеском сияло солнце, заливая своим светом внутренность корабля. Его лучи светили, но не грели, проходя через оптическою систему и провода, соединяющие съемочные камеры с экранами.

Тайна «глаз» корабля объяснилась просто и естест-

венно. В наружных стенках помещались съемочные телекамеры, работающие автоматически и снабженные телеобъективами, силу которых можно было произвольно изменять с центрального поста.

– Артем Григорьевич с ума сойдет от восторга, – сказал Широков, когда экраны погасли и все приняло прежний вид.

– А вы еще не сошли? – улыбнулся Ляо Сен. – Я не далек от этого.

По приглашению хозяев, они опять прошли в круглый коридор, спустились по другой лестнице и очутились в очень странном помещении, очевидно служившем жилой каютой.

Она была совершенно круглая, как внутренняя полость мяча. Но так же, как в центральном посту, здесь был явно временный пол, но только не голый, а покрытый тем же материалом, как и дорожка в коридоре. «Каюта» была меблирована. Предметы, находившиеся здесь, поразительно напоминали земную мебель, но в то же время были совершенно на нее не похожи. Общим было их назначение, о котором можно было легко догадаться, – стол, кресла, шкафы; но форма и – главное – материал ни на секунду не позволяли забыть, что все это сделано не на Земле. В том, как были изогнуты ножки стола, причудливо «сломаны» линии кресел, непривычная для глаз шестигранная форма дверец шкафов, прозрачная глубина их панелей – все это было чуждо Земле, во всем чувствовался вкус, привычки и устоявшаяся культура другого народа.

На стене находился большой щит с многочисленными приборами, и это навело Широкова на мысль, что

они находятся в каюте командира звездолета.

Диегонь жестом пригласил сесть в кресла. Это было совсем как на Земле.

КНИГА

Обстановка была так похожа на земную, что Широкову стало немного не по себе. Ему вдруг пришла мысль, – не во сне ли он видит все это? Только черные лица хозяев, с их странно удлиненными, совсем не земными глазами, напоминали, что он находится в гостях у обитателей другой планеты, на космическом корабле, принесшем их неведомо откуда.

Диегонь сел рядом с ним. Бьяининь, который был, очевидно, одним из помощников командира, и Синьг достали из шкафа (как иначе было назвать этот предмет, столь похожий на обыкновенный шкаф?) две большие книги, как показалось Широкову, в кожаных переплетах, положили их на стол и тоже сели.

Что было в этих книгах?.. Рисунки людей, животных, природы той планеты, откуда они прилетели? Или звездные карты, по которым станет ясно, откуда прилетел на Землю этот корабль?..

Диегонь взял книгу и положил ее перед Широковым. Синьг положил другую перед Ляо Сенем.

Глубокое волнение охватило молодого ученого. Сейчас он увидит то, что никогда не видели человеческие глаза…

Какие тайны откроются ему?

Он заметил, что всегда невозмутимый китайский ученый открыл книгу рукой, которая заметно дрожала.

Широков последовал его примеру.

На первой странице (листы были плотны и толсты) он увидел… изображение космического корабля, на котором они находились. Это была, по-видимому, фотография.

Корабль стоял среди широкого поля, поросшего низкой оранжево-красной травой. Вдали виднелись какие-то здания. Около корабля не было ни одного человека. Над полем плыли облака совсем такие же, как на Земле. Цвет неба был слегка желтоватым.

Оранжево-красная трава и желтое небо придавали пейзажу какой-то фантастический, неправдоподобный вид.

Широков пристально вглядывался в этот, впервые увиденный человеком ландшафт чужой планеты. Красная трава могла быть следствием жаркого климата Каллисто, но почему небо было такого странного цвета? Чем это было вызвано?

Он перешел к следующей странице.

Это была схема… схема «солнечной» системы, к которой принадлежала планета Каллисто. Рисунок был в точности такой, какие неоднократно видел Широков в книгах по астрономии, где изображалась наша солнечная система. Также в центре схемы находилось «Солнце» и вокруг него – орбиты планет. Их было двенадцать. Четвертая была обведена красным кружком; и Широков понял, что это и есть Каллисто. Седьмая, как маленькое солнце, была окружена пятью орбитами спутников и напоминала Широкову нашу планету Юпитер. На схеме находились какие-то непонятные значки, которые, по всей вероятности, представляли собой цифры.

Следующий рисунок опять изображал корабль, летящий среди звезд. Зеленая пунктирная линия шла от одной из них к другой. Узоры созвездий были совершенно незнакомы Широкову.

«Этот рисунок надо показать Семену Борисовичу», – подумал он.

На следующем листе опять было изображено звездное небо с летящим по нему кораблем. Но созвездия были уже знакомыми. Зеленая пунктирная линия отсутствовала. Широков узнал созвездия Большой медведицы, Ориона, Лебедя и некоторые другие. Одна из звезд была обведена красным кружком. Это было «Солнце» Каллисто, но какая это была звезда, он не знал. Заметив, что Ляо Сен рассматривал тот же рисунок (книги были совершенно одинаковы), он спросил его, но китайский ученый не смог ответить на его вопрос. Он знал астрономию не лучше Широкова.

Как жалко, что с ними не было Штерна или Синяева! Интересующий весь мир вопрос, откуда прилетел корабль, был бы уже выяснен.

Диегонь указал на обведенную кружком звезду, потом на себя и Бьяининя. Широков кивнул головой.

Да, эта звезда была центральным светилом той системы, с которой прилетел звездолет.

В эту минуту Широков проклинал себя за то, что недостаточно интересовался астрономией. Как он был глуп! Он мог бы сейчас узнать!..

Но загадка оставалась загадкой и волей-неволей приходилось перейти к следующей странице, не выяснив жгучего вопроса.

Перевернув лист, Широков замер…

Это была фотография… но какая!

Не раз люди пытались представить себе, как выглядит их планета со стороны, из мирового пространства. В любой астрономической книге можно встретить описание фантастической картины – Земля в пространстве!

И вот перед глазами Широкова была его родная планета, сфотографированная с расстояния многих тысяч километров. На фоне звездного мира висел голубоватый, белесый диск, окруженный словно прозрачной дымкой, сквозь которую смутно проступали очертания Северной Африки, Средиземное море и южные берега Европы. Характерный «сапог» Италии, нацелившийся своим носком в футбольный мяч Сицилии, не оставлял никаких сомнений, что это была Земля, а не другая какая-нибудь планета.

Эта фотография, которую, несомненно, удастся размножить, станет уникальным сокровищем, пока люди сами не научатся летать в межпланетных просторах и не смогут получить другую, подобную этой.

Широков с трудом заставил себя перейти к следующей странице.

На ней был изображен звездолет, стоявший… у лагеря!

Рисунок был прекрасно выполнен. Палатки, одинокие березы, дорога, на которой опустился шар, все мелкие подробности местности были изображены в красках рукой хорошего художника.

Это была не фотография, а рисунок, выполненный от руки. Значит, на корабле был художник!

Эти пять страниц изображали путь звездолета от старта до финиша. Что могло быть на следующей?

Она была заполнена математическими формулами. Значки были чужды и непонятны, но это была математика. Широков без труда узнавал характерные линии геометрических фигур. Они были такими же, как на Земле.

Но разве могло быть иначе? Математика всюду одинакова. Это наука общая для всей вселенной.

«Наши математики, Штерн и Синяев, легко разберутся в этих страницах»,

– подумал Широков и невольно вздохнул. Для него эти значки были совершенно непонятны.

Шестнадцать листов подряд были посвящены математике. Очевидно, ученые Каллисто возлагали на нее свои надежды найти общий язык с обитателями других миров. Эта книга доказывала, что они были уверены, что встретят обитаемые планеты на своем пути.

Что подумали звездоплаватели, видя, как их гости равнодушно перевернули эти страницы? Может быть, они были глубоко разочарованы?..

Внешне они ничем не выдали своих чувств.

После математических страниц началась… азбука!

Это явно была она! На каждом листе были крупно изображены две буквы.

Ляо Сен встрепенулся и впился глазами в эти непонятные знаки. Это была его область!

Диегонь встал и локтями оперся о стол. Эта поза была так похожа на позу земного человека!..

Широков видел перед самыми глазами его лицо, черное морщинистое лицо с серыми губами и неестественно (если в природе может существовать что-нибудь «неестественное») длинными глазами.

Бьяининь указал на первую букву и произнес звук «ль».

По укоренившейся привычке Широков ожидал услышать «а», но азбука Каллисто, очевидно, начиналась с согласных букв.

Он вынул блокнот и хотел срисовать значок, изображавший букву «л», но Диегонь остановил его руку. Он указал на книгу, предлагая на ней нарисовать земное обозначение этой буквы. То же самое предложил Синьг Ляо Сену.

Люди поняли, что хозяева хотят обменяться азбукой. Это был первый взаимный урок языка. Теперь стало понятно, почему была не одна, а две книги. Одна предназначалась людям, вторая – звездоплавателям.

Ляо Сен предложил Широкову, неплохо умевшему рисовать, взять на себя книгу хозяев. Молодой медик тщательно вычертил рядом с «ль» Каллисто земное «л» (в русском начертании).

За «л» последовало «д».

В языке гостей оказались все буквы русского алфавита, за исключением «ш», «щ» и «ч». Незнакомых Широкову звуков не было совсем.

Это облегчало людям изучение языка Каллисто, но затрудняло звездоплавателям изучение русского языка.

Широков решил, что во что бы то ни стало овладеет языком гостей.

Это намерение совпадало с его тайными мыслями, которые еще более настойчиво осаждали его после того, как он увидел «каллистян» и убедился, что они такие же люди, как он сам, правда, с несколько иными чертами лица, но все же самые настоящие люди. Он

понял в этот момент, что его неожиданная для него самого храбрость, когда ему предложили подняться на крыльях, объяснялась той же причиной, о которой он все же боялся думать определенно.

Книга (точнее говоря, – альбом) заканчивалась азбукой. Это было пособие для облегчения первого знакомства, и только.

Когда последняя буква («ж») была осмотрена и «переведена» на русский язык, Бьяининь встал и торжественно передал книгу Ляо Сену. Вторую, с изображением русских букв, он прижал к груди и поклонился.

Первый урок был окончен.

Широкову и Ляо Сену очень хотелось увидеть другие книги и фотографии, не имевшие «учебного» характера, но хозяева, очевидно, решили, что на первый раз этого вполне достаточно.

Они опять перешли в центральный пост. Сквозь «окна» Широков увидел, что возле корабля стоят Куприянов, Штерн и два звездоплавателя, оставшиеся в лагере.

Пора было покинуть корабль.

Сколько времени они пробыли в нем, Широков не знал. Может быть, прошел час, а может быть, и десять. Время пролетело незаметно.

На этот раз кабина подъемной машины не наполнялась никаким газом. Он, очевидно, был нужен только при входе.

Диегонь попрощался с ними у подножия лестницы. Бьяининь и Синьг проводит их наверх.

Оказавшись снова на вершине шара, Широков обратил внимание, что вокруг корабля не было прежней

толпы. Она успела разойтись. Даже с высоты тридцати метров никого не было видно. Это доказывало, что они пробыли на корабле довольно долго.

Ляо Сен все время держал в руках книгу. Надевая крылья, он положил ее на площадку. Но, когда его руки вошли в «рукава», он не мог ни поднять, ни взять ее. Бьяининь поднял книгу и положил ее в специальный карман внутри крыльев.

Широкову очень хотелось попрощаться с хозяевами, спросить их, когда можно еще раз посетить корабль, но он мог только кивнуть головой и улыбнуться.

Немного страшно было смотреть вниз и сознавать, что нужно прыгнуть с такой высоты. Куприянов и Штерн казались совсем маленькими.

– До свиданья! – сказал Ляо Сен.

Он первый раскрыл крылья.

Спуск прошел вполне благополучно Летательный аппарат был так просто устроен, что даже ребенок мог бы пользоваться им. Через несколько секунд они уже стояли внизу.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГОСТИ ЗЕМЛИ

„В нашей стране быть героем — святая обязанность"

Н. Островский

Глава первая

ПОД СВЕТОМ РЕЛЬОСА

«Когда великая Сотис блистает на небе, Нил выходит из своих берегов».

Такую надпись сделали древние египтяне на фронтоне одного из храмов.

Сотис – звезда Нила!..

Она имела огромное значение для Египта.

В то время еще не существовало календаря и люди не умели определять времена года. Ежегодные и всегда внезапные разливы реки причиняли страшные бедствия, уносили десятки человеческих жизней.

Веками разливы Нила заставали земледельцев врасплох. Египтяне не знали, как предвидеть эти разливы, как заранее и своевременно предсказывать их.

Плодородие полей зависело от Нила. Он давал жизнь Египту, но он же был и коварным врагом. Определять начало разливов было необходимо. Египет остро нуждался в предсказателе и в конце концов нашел его… на небе!

Люди, наконец, заметили, что разливу Нила всегда предшествует появление одной и той же блестящей звезды. Сверкая в лучах утренней зари, она как бы предупреждала о грозящей опасности.

Египтяне назвали эту звезду: Сотис. Ее считали божеством, в ее честь строили храмы, ей поклонялись и приносили жертвы.

Сотис – великая и добрая покровительница Египта!

На заре цивилизации звезда Сотис способствовала возникновению египетской астрономии.

Ее знали не только в Египте.

Древние греки называли ее «Сейриос», римляне – «Сириус», что значит «Блистающий».

Под этим, последним, названием она вошла и в современную астрономию.

Сириус – самая блестящая звезда на небе Земли. В северном полушарии, в частности, в СССР, она видна зимой, на южной стороне горизонта, в созвездии Большого Пса. Даже красавица северного неба – Вега, голубым бриллиантом сверкающая почти в зените, не может соперничать блеском с Сириусом.

Сириус – один из ближайших соседей нашего Солнца. Из видимых простым глазом звезд только альфа Центавра находится ближе к нам.

Ближайший сосед!..

Эти слова, когда дело идет об астрономии, имеют несколько иное значение, чем в обиходном разговоре. «Ближайший сосед» находится от нас на расстоянии 8,6 световых лет!..

Это значит, что свет Сириуса, пролетая 300 000 километров в секунду, доходит до Земли только через восемь лет и семь месяцев!

Трудно представить себе подобную «близость»!

Но все же Сириус имеет полное право называться «близким». Другие звезды находятся гораздо дальше.

Солнце – звезда желтая, Сириус – белая. Его температура гораздо выше солнечной. Он светит абсолютно в 17 раз ярче Солнца и в два раза превосходит его по диаметру.

В 1862 году у Сириуса был обнаружен спутник, предсказанный за восемнадцать лет до этого астрономом Бесселем на основании математического исследования движения Сириуса в пространстве. Этот спутник очень необычен.

Известный популяризатор науки Я. И. Перельман писал о нем:

«…Когда мы берем в руки стакан ртути, нас удивляет его грузность: он весит около трех килограммов. Но что сказали бы мы о стакане вещества, весящем двенадцать тонн и требующем для перевозки железнодорожной платформы?»

Эти слова справедливы.

Спутник Сириуса, названный «Сириус-В», очень невелик. По размерам он только в три раза больше Земли, но, несмотря на это, оказывает заметное влияние на движение своего гигантского «солнца». Под воздействием притяжения маленького спутника блистательный Сириус уклоняется от прямого пути. Это может произойти только в том случае, если масса спутника очень велика.

Так и оказалось.

«Сириус-В», имеющий всего сорок тысяч километров в диаметре, по массе почти равен (0,8)нашему Солнцу. Это доказывает невероятную плотность вещества, из которого состоит это небесное тело. До того, как был открыт «Сириус-В», физики не подозревали о существовании в природе веществ, в пятьдесят тысяч раз более плотных, чем вода.

Сперва это казалось необъяснимым. Подобная плотность «противоречила законам природы»…

Но законам природы нельзя противоречить.

Люди проникли в тайны атома, и то, что казалось невозможным, стало легко объяснимо. Загадка «Сириуса-В» была раскрыта наукой.

Итак, Сириус имел спутника. Но есть ли у него другие спутники, другие планеты?

На этот вопрос астрономия не могла ответить. Планеты сами не светятся. Они освещаются своим «солнцем». («Сириус-В» был усмотрен в телескоп только потому, что светится сам.) На исполинских расстояниях, отделяющих звезды друг от друга, при современном состоянии оптической техники, нельзя увидеть слабый, отраженный свет планеты.

И астрономия предполагала, даже больше – была уверена, что не только наше Солнце имеет планетную систему, что планеты – обычное явление в мире звезд.

А доказательства, которое убеждало бы всех, не было.

Множественность планетных систем и, логическое следствие из него, множественность обитаемых планет оставались заманчивой, красивой сказкой. Но сказка стала былью.

Прилетел космический корабль! Обитатели другого мира ступили на землю. И они оказались людьми, подобными тем, что населяют нашу планету. Для споров и сомнений не оставалось больше никакой почвы. Нельзя спорить с истиной.

Много раз писатели-фантасты пытались изобразить жителей других миров. Но странно, все, за редкими исключениями, рисовали образы существ, не имеющих ничего общего с человеком Земли.

Чем это было вызвано? Может быть, подсознательное, веками укоренявшееся убеждение, что такого человека, как на Земле, не может быть нигде в другом месте, мешало этим писателям понять ту простую истину, что человек есть продукт развития живого существа, приспособившегося к труду. Формы человеческого тела – это результат длительной эволюции, протекавшей в борьбе с природными условиями жизни, существующими на, Земле, и что везде, где эти условия сходны с земными, везде, где развитие материи привело к появлению разумного существа, этот процесс может идти сходным путем и привести к появлению существа, хорошо приспособленного к трудовой деятельности. Тело человека создано природой, а природа всегда идет по самому естественному, самому простому пути.

И на четвертом спутнике Сириуса, названном его обитателями именем «Каллисто», природные условия оказались сходными с природными условиями, существующими на Земле, и это привело к тому, что человек Каллисто оказался почти тождественным человеку Земли.

Эволюция шла одним путем и результат оказался одинаковым.

Можно ли этому удивляться?

* * *

– Человек мыслит консервативно, – сказал Штерн. (Хотя в своих книгах он всегда удивлял научный мир смелостью суждений.) – Я был убежден, что звездолет

прилетел с «альфы Центавра», и только потому, что это ближайшая к нам звезда. Сириус мне даже в голову не приходил.

Прошло уже три дня после выхода из корабля его экипажа. За это время все члены научной экспедиции и иностранные ученые побывали на борту звездолета, а гости, которых оказалось двенадцать человек, неоднократно посетили лагерь. Вызванный президентом Академии наук вертолет удобно и просто доставлял ученых на вершину шара и обратно. Его услугами пользовались и гости.

В лагере привыкли к внешнему виду гостей, и их появление уже не вызывало любопытства.

Это были обыкновенные люди, только черного цвета. Но разве на Земле не было подобных людей? Разве появление на улице негра вызывало когда-нибудь сенсацию? То, что это все-таки не люди, а жители другого мира, существа чуждые Земле и ее населению, как-то забывалось всеми, или по крайней мере утратило свою остроту.

С помощью жеста и рисунка ученые обеих планет уже сумели кое-что узнать друг о друге. Стало известно, что в экипаже корабля имеются астрономы, медики, биологи и инженеры. Удалось добиться полного взаимопонимания и в вопросе о том, чей язык будет изучаться – Земли или Каллисто. Решили, что люди научатся говорить на языке гостей, так как, во-первых, этот язык был проще, а во-вторых, твердые звуки оказались совершенно непроизносимыми для каллистян.

Работа с гостями, к которой так долго и тщательно готовились обитатели лагеря, постепенно развертыва-

лась. Отсутствие общего языка пока что тормозило эту работу, но каллистяне оказались исключительно понятливыми. Разговаривая с ними на «мимическом языке», Куприянов убеждался в том, что умственное развитие жителей Каллисто так же перегнало людей Земли, как и их техника. Совершенно не зная Земли и не имея никакого понятия о жизни на ней, каллистяне, казалось, понимали все, что показывали и объясняли им с помощью рисунка и мимики. Гости, очевидно, схватывали суть мысли своих собеседников и задавали вопросы так ясно и понятно, что иногда казалось, что они говорят словами.

– Не обольщайтесь этим, – говорил Штерн, в ответ на восторженные отзывы Куприянова. – Не надо забывать, что в подобный космический рейс могли попасть только самые выдающиеся умы Каллисто. Каков умственный уровень рядового каллистянина, мы не знаем.

Лежнев и Ляо Сен целые дни проводили на корабле и под руководством Бьяининя и Вьеньяня (это было имя одного из астрономов корабля) энергично и настойчиво старались как можно быстрее овладеть языком и получить возможность обстоятельно побеседовать с гостями. Не приходится говорить, с каким нетерпением все члены научной экспедиции, да и гости, ждали конца этой работы.

К удивлению Куприянова, Широков присоединился к лингвистам и изучал язык гостей с таким усердием, что Лежнев был от него в восторге.

– У вас большие способности к языку и прекрасная память, – говорил он молодому медику. – Вам следовало бы быть лингвистом.

– Жена не позволила, – отшучивался Широков, который никогда женат не был.

Даже Лежневу и Ляо-Сену, имевшим большой опыт изучения языков, язык Каллисто казался очень трудным, главным образом благодаря совершенно необычайному произношению слов. Грамматика была очень проста, и успех зависел только от памяти, но каждое слово было так чуждо земному слуху, так не похоже на слова любого земного языка, что даже вначале, когда они изучали только имена существительные, им иногда казалось, что эта задача им не по силам. Что будет, когда придется перейти к понятиям, они себе плохо представляли. Но добиться успеха было совершенно необходимо. Только Широков ни минуты не сомневался и своей уверенностью заражал своих более опытных товарищей.

– Он действует на меня, как катализатор, – говорил Лежнев Куприянову.

– Ваш Петр Аркадьевич золото, а не человек! С ним все кажется легким.

– Да, он очень способный, – отвечал профессор.

Помимо вполне понятного желания ускорить возможность обмена мыслями, была еще одна причина торопиться с изучением языка. Диегонь сумел объяснить Куприянову, что звездолет пробудет на Земле не более ста дней. За это время надо было успеть показать гостям жизнь Земли. Кроме того, провести все эти сто дней в лагере было невозможно. В нем можно было остаться, в лучшем случае, до середины сентября, а отвезти гостей в Москву, не имея возможности разговаривать с ними, было очень неудобно.

– Я просто требую от вас, – говорил Куприянов Ляо Сену и Лежневу, – чтобы вы в один месяц настолько изучили язык Каллисто, чтобы мы могли сговориться с ними обо всех вопросах, связанных с отъездом из лагеря.

– Тяжелая задача! – отвечал Лежнев.

Китайский лингвист только хмурился.

Козловский официально заявил Широкову, что освобождает его от обязанностей коменданта лагеря. Он горячо поддерживал желание Петра Аркадьевича изучить язык гостей и радовался, видя его успехи.

Широков с головой ушел в работу. Он занимался зазубриванием слов все время. Даже, обедая или ужиная, клал перед собой тетрадь и без конца повторял одно и то же слово, добиваясь правильного произношения. Он заметно подвигался вперед.

Книга-альбом, принесенная из корабля в первый день посещения его людьми, была уже тщательно изучена. Ее математические страницы, непонятные для Широкова и Ляо Сена, были легко «расшифрованы» Штерном и Синяевым.

Кроме того, что звездолет прилетел с планетной системы Сириуса, узнали много других интересных подробностей.

Сириус, или, как называли его каллистяне, Рельос, имел двенадцать спутников, двенадцать планет, обращающихся вокруг него. Четвертой из них была Каллисто. Вокруг нее обращались две «луны», по размерам почти равные спутнику Земли. Две луны! Можно было представить себе, как светлы и красивы ночи на Каллисто.

Седьмой планетой был тот самый Сириус-В, который впервые указал земным ученым на существование в природе сверхтяжелых веществ. Притяжение этого «белого карлика[1]» оказывало заметное влияние на движение Каллисто в пространстве, и планета совершала свой путь вокруг Сириуса по странной волнистой орбите.

Выяснилось, что Каллисто очень жаркая планета. По земному, средняя температура на ее поверхности равнялась пятидесяти пяти градусам. Планета находилась от своего «солнца» втрое дальше, чем Земля от своего, и ее «год» равнялся почти двум земным годам. Экцентриситет[2] Каллисто был очень мал – 0,0022, то есть планета двигалась по орбите, совсем мало отличающейся от окружности.

Это обстоятельство, несомненно, способствовало ровности ее климата. Еще большее влияние оказывал малый угол наклона ее оси к плоскости эклиптики. Он был равен всего трем градусам двадцати минутам[3].

Это означало, что на родине звездоплавателей не было смены времен года. На Каллисто было всегда одно и то же время года, в зависимости от широты места.

По своим размерам Каллисто была почти равна Земле. Ее диаметр составлял 12900 земных километров и был, таким образом, только на 143 километра больше

---

[1] Белый карлик – название, присвоенное в астрономии белым звездам, имеющим небольшие размеры и значительную плотность.

[2] Эксцентриситет – отношение расстояния между фокусами к длине большой оси у эллипса. Э. Земли = 0,01673.

[3] Наклон оси Земли = 23°27`

земного. Ускорение силы тяжести тоже было почти такое, как на Земле, и равнялось 10 м/сек.

По книгам, которые в большом количестве находились на корабле, было видно, что на планете богатая растительность, в общем похожая на растительность тропического пояса Земли. Ее цвет был оранжево-красным, как и следовало ожидать при таком жарком климате. Но, подобно тому, как на Земле встречались растения, имевшие такую же окраску, на Каллисто были растения зеленого (в умеренном поясе) и даже голубого (в полярных областях) цвета.

Отличительной особенностью растений Каллисто была небольшая высота. Не только таких деревьев, как секвойи, но даже таких, как пальмы или высокие ели, не было на ней. Средняя высота растений не превышала четырех – пяти метров.

Животный мир Каллисто был очень разнообразен. На суше, в воде и в воздухе обитало бесчисленное количество живых существ. Цветные рисунки, изображавшие обитателей планеты, занимали четыре толстых альбома.

Лебедев, Маттисен и Линьелль целыми днями просиживали над этими книгами.

Рыбы и птицы были поразительно похожи на соответствующих обитателей Земли. Биологов это не удивило. Вода и воздух на Каллисто были такими же, как на Земле, и природа должна была создать именно такие существа, формы тела которых наилучшим образом были приспособлены к движению и жизни в воздушной и водной среде. Но «похожие» это не значит «такие же». Линьелль – специалист по ихтиологии – не

нашел ни одной рыбы, которую можно было бы классифицировать по земной классификации. Они были похожими, и только. Это были рыбы и птицы Каллисто, а не Земли.

Наибольшая разница замечалась среди позвоночных животных. Тут было много видов, не имевших, казалось, ничего общего с земными. Животные с длинной шерстью попадались редко. Таким был небольшой зверек, похожий на очень длинную лисицу, и причудливый зверь, на шести ногах, напоминающий ящерицу, с ярко-красным мехом, но величиной с гиппопотама.

Наибольший интерес вызвали у всех фотографии и рисунки населенных пунктов Каллисто. На планете было много городов, расположенных преимущественно по берегам морей и океанов. Все они были большими и густо населенными. Чего-нибудь похожего на села, деревни или небольшие городки, ни в книгах, ни на картах не было. Действительно ли их совсем не было, или каллистяне не считали нужным показывать их, пока было неизвестно.

Архитектура зданий напоминала архитектуру древнего Египта, но была гораздо разнообразнее. Плоские крыши, украшенные статуями, широкие террасы и длинные, спускающиеся к воде лестницы служили постоянным украшением домов.

Своеобразный вид придавали зданиям очень широкие и высокие окна, не имевшие ни рам, ни стекол. Их обитатели не знали холода. Закрывающихся дверей также не было. Их заменяли мягкие портьеры окрашенные в самые разнообразные цвета.

Было трудно предположить, что все дома на Каллисто

были дворцами, но изображений более скромных жилищ в альбоме не было.

Все города утопали в густой «зелени» (желтого, красного и оранжевого цвета).

Средства передвижения были представлены разнообразными видами транспорта – земного, водного и воздушного. Летательные аппараты, те самые, которые находились на звездолете, были во всеобщем употреблении на Каллисто. Фотографии изобиловали летящими фигурами каллистян. Реактивные самолеты и огромные «дирижабли» дополняли воздушный транспорт. Железных дорог совсем не было, но зато очень много видов экипажей, вроде автомобиля.

Были ли на планете различные народы, или все ее население представляло собой один народ, оставалось пока неизвестным. Существовало два обширных материка, разделенных широким, километров в триста,

морским проливом. Оба были расположены в поясе экватора. По площади каждый из этих материков равнялся приблизительно материку Африки. Все остальное пространство занимали океаны, среди которых было разбросано несколько архипелагов небольших размеров. Ракетодром, с которого взлетел корабль, был расположен на одном из них. Фотография именно этого острова и была помещена в первом альбоме.

На звездолете оказалось много технических книг, но, к великому сожалению Смирнова и Манаенко, без объяснений инженеров корабля в них невозможно было разобраться. В этом отношении приходилось запастись терпением.

И еще одно замечательное обстоятельство выяснилось из тех страниц альбома, которые были заняты математикой.

Звездолет летел от Рельоса к Солнцу *одиннадцать земных лет!*

Одиннадцать лет пребывания на корабле, во мраке и холоде межзвездного пространства, – это казалось просто невероятным. Но этот научный подвиг был совершен экипажем звездолета. Обратный путь тоже должен был отнять одиннадцать лет! Двадцать два года жизни отдали эти люди для выяснения вопроса, – есть ли жизнь на соседних планетных системах?

Двенадцать героев, в самом полном смысле этого слова, прилетели на Землю. Они не испугались опасностей долгого пути, не пожалели долгих лет, оторванных от жизни своей родины. Ничто их не остановило. Жажда знания, желание расширить научный кругозор, ненасытное любопытство ученых влекло их вперед.

И они были вознаграждены за свой героизм.

Все, на что они надеялись, все, чего так страстно желали, свершилось, – на пути звездолета попалась планета, населенная разумными существами!

Трудно представить себе то чувство, которое испытали они, когда, подлетев к Земле, убедились, что их цель достигнута. Это была прекрасная награда.

Почти год звездолет летел с ускорением. Оно равнялось десяти метрам, то есть было равно обычному ускорению сиди тяжести на Каллисто. Такое же время должно было занять и замедление скорости при подходе к Солнцу. Остальные девять лет корабль летел по инерции, со скоростью двести семьдесят восемь тысяч километров в секунду!

Чудовищная скорость, близко подходящая к скорости света.

Как, какими средствами удалось достичь этого? Что служило горючим для двигателей звездолета? Как осуществлялась задача найти правильный путь в пустоте вселенной, когда и Сириус и Солнце казались с борта звездолета одинаково небольшими звездами?..

Экипаж корабля с огромным и вполне понятным интересом смотрел все, что им показывали люди. По их просьбе, многие из имевшихся в лагере кинокартин демонстрировались по нескольку раз.

Насколько можно было судить по жестам и мимике, гости видели на экране много такого, что вызывало в них большой интерес. Профессор Смирнов даже высказал предположение, что не только люди получат возможность перенять опыт пришельцев с другой планеты, но и каллистяне в результате визита на Землю

обогатятся новыми знаниями.

Желания хозяев и гостей получить, наконец, возможность свободно объясняться друг с другом совпадали. И те и другие с нетерпением ждали, когда, наконец, смогут узнать то, что их интересовало. Бьяининь, Вьеньянь, Лежнев, Ляо Сен и Широков были в центре внимания всего населения лагеря. От них зависело наступление долгожданной минуты, и они делали все, что могли, чтобы ускорить момент, которого и сами ждали не меньше, чем другие.

О'КЕЛЛИ

В конце августа президент Академии наук уехал, из лагеря. Неотложные дела требовали его присутствия в Москве.

– Через две недели, – сказал он Куприянову, – вы должны выехать отсюда. Я подготовлю все, что нужно к приему гостей.

– У наших лингвистов дело подвигается очень медленно, – ответил профессор.

– Торопите их! Не давайте им покоя! Скоро начнутся осенние дожди.

– А как поступить с охраной корабля, когда мы уедем?

– Этот вопрос я выясню в Москве.

– Согласятся ли они покинуть свой звездолет?

– Я думаю, что согласятся. Может быть, не все поедут с вами, кого-нибудь они, наверное, захотят оставить на корабле, но с остальными вы должны быть в Москве не позднее пятнадцатого числа.

– Я это понимаю, – сказал Куприянов. – Но вот язык. Может быть, вам это покажется странным, но я больше всего надеюсь на Широкова. У него, как мне кажется, дело идет лучше, чем у Лежнева и Ляо Сена.

– Меня это не удивляет. Во-первых, он гораздо моложе, а во-вторых, у него огромное желание овладеть их языком.

– Я никак не могу понять, чем вызвано это желание. Петр Аркадьевич занимается с таким стараньем, как будто для него лично от этого зависит очень многое.

– Может быть, это так и есть, – задумчиво сказал Неверов.

Из иностранцев Гельбах и Браунелл изъявили желание уехать. У них обоих были какие-то неотложные дела на родине.

В день отъезда президента и его спутников в лагерь пришла телеграмма на имя Артемьева, срочно вызывающая его в Москву. После долгого разговора с Козловским «корреспондент» уехал вместе с президентом.

Но освободившиеся палатки недолго стояли пустыми. Неожиданно для Куприянова, Диегонь пожелал поселиться в лагере. Разговор с ним произошел с помощью всех трех переводчиков, которые коллективными усилиями справились со своей задачей.

Выяснилось, что звездоплаватели сами решили уехать из лагеря. С этой целью они намеревались провести в палатках оставшееся время, чтобы привыкнуть к «земной жизни». Нечего и говорить, что Куприянов с радостью согласился исполнить это желание.

С этого дня на корабле постоянно находился только один член его экипажа. Остальные все время были на

земле. В сопровождении кого-нибудь из членов экспедиции, чаще всего Широкова, гости совершали поездки по окрестностям лагеря и соседним колхозам, побывали даже два раза в Золотухино, где им была устроена торжественная встреча.

Медленно, но верно общение людей с каллистянами становилось все более близким. Полное взаимопонимание было не за горами.

– Мне очень стыдно признаться вам, – сказал Лежнев Куприянову, – но Петр Аркадьевич будет говорить на языке Каллисто гораздо лучше меня. Он сумел замечательно справиться с произношением.

Куприянов и сам видел это. Хотя разговоры происходили не часто и касались только самых простых тем, звездоплаватели охотнее всего обращались к Широкову. Они, по-видимому, понимали его лучше. Когда профессор слушал, как его молодой ассистент говорил с кем-нибудь из гостей, то поражался, с каким искусством он воспроизводит мягкие звуки их языка. Они получались у него совершенно естественно. Ляо Сен также довольно успешно справлялся с трудностями произношения, но у Лежнева дело шло плохо. Он никак не мог овладеть переходом от мягкой согласной к следующей за ней гласной. Это мешало ему произносить слова, а гостям – понимать его.

Первого сентября, поздно вечером, Артемьев вернулся в лагерь. На следующее утро подполковник Черепанов зашел в палатку начальника экспедиции и от имени Козловского пригласил к нему Куприянова, Штерна, Ляо Сена и трех иностранных ученых, живших в лагере. За это время к месту приземления кораб-

ля съехалось несколько сотен иностранцев. Для них был построен второй лагерь, расположившийся в километре от первого, по другую сторону от звездолета. Но Маттисен, Линьелль и О'Келли продолжали жить в той же палатке, что и раньше.

Профессора Лебедева не было в лагере. В этот день он уехал в Курск, где происходила научная конференция биологов, посетить которую его настойчиво просили все ее участники. Хотя он был очень занят, но не счел возможным отклонить это приглашение.

В палатке Козловского находились два корреспондента – Лемарж и Ю Син-чжоу. Артемьев сидел в самом углу, на постели Козловского. Полковник не считал еще нужным раскрывать свое инкогнито и попросил секретаря обкома провести разговор вместо него.

Трое иностранцев хорошо знали, кто такой Козловский. Неожиданное приглашение к областному партийному руководителю возбудило их любопытство. На лице О'Келли ясно отражалось беспокойство.

– Садитесь, пожалуйста! – сказал секретарь обкома, когда приглашенные им вошли в палатку.

Выражение его лица было непривычно хмурым. Голос звучал сухо и отрывисто.

Все сели вокруг стола.

Несколько секунд Козловский молчал, всматриваясь в лица своих гостей. Его взгляд остановился на О'Келли, и американец, не выдержав, опустил глаза.

– Я буду говорить по-французски, – сказал Козловский. – Этот язык понимают все присутствующие, – он взглянул на Лемаржа и, видя, что корреспондент приготовил блокнот, продолжал: – В СССР прилет косми-

ческого корабля на Землю рассматривается только с научной и человеческой, – (он подчеркнул это слово), – точки зрения. Знания гостей интересуют нас постольку, поскольку они могут принести пользу человеку, помочь мирному развитию человеческой техники. Других целей ни у нас, ни у них нет и быть не может!

Куприянов с удивлением слушал Козловского. Он не понимал, для чего он говорит эти, всем известные истины. Штерн ожесточенно теребил бороду. На лицах иностранных ученых выражалось вежливое внимание. Лемарж и Ю Син-чжоу записывали слова секретаря.

– Нам известно, – продолжал Козловский, – что в некоторых кругах капиталистических стран прилет корабля вызвал совсем другую реакцию. Психоз войны мешает этим людям видеть научное значение этого события. Единственное, что им приходит в голову, – это усиление военной мощи СССР, которое якобы будет следствием ознакомления советских ученых с техникой Каллисто. Ничего другого они не видят и не хотят видеть.

Нервным движением он передвинул книги на столе.

– Я не буду долго испытывать ваше терпение. Оценка моральной стороны подобных взглядов не входит в мою задачу. Можно было бы вообще не обращать внимания на эти досужие домыслы, но, к сожалению, дело не ограничивается ими. Присущая реакционным кругам чисто звериная ненависть к прогрессу толкает их на выводы и соответствующие действия. В страхе перед мнимой опасностью со стороны СССР эти круги решились на самое мерзкое преступление, которое только можно себе представить. Можно не сомневать-

ся, что их замыслы встретят самое решительное осуждение всех народов, всех честных людей. Короче говоря, они решили, что раз так случилось, что звездолет опустился в нашей стране, то лучше уничтожить корабль и его экипаж, но не дать СССР возможности заимствовать знания и технику другой планеты. С этой целью они направили к нам диверсантов. Мне точно известно, что они находятся здесь, в лагере.

При этом неожиданном сообщении все невольно взглянули друг на друга.

В лагере!.. Может быть, кто-нибудь из находящихся в палатке является этим тайным врагом!

Один Штерн не поднял головы и еще яростнее задергал свою пышную бороду.

Ю Син-чжоу посмотрел на Козловского, и в его узких глазах мелькнул огонек.

– Кто? – сквозь стиснутые зубы спросил Маттисен. Его всегда добродушное лицо стало суровым.

– Чудовищно! – прошептал Линьелль.

– Вы спрашиваете кто? – сказал Козловский. – К сожалению, мы не знаем этого с полной достоверностью. Но ждать, пока враг обнаружит себя, нельзя. Это может слишком дорого обойтись. Два человека возбудили подозрения. Один из них – это корреспондент агенства Рейтер – Дюпон…

При этих словах Куприянов понял, почему только Лемарж и Ю Син-чжоу были в палатке.

– Дюпон, – продолжал секретарь, – заявил, что не знает русского языка, но он попался на том, что хорошо его знает. Это еще не доказывает, что именно он является диверсантом, но этого достаточно, чтобы ему

нельзя было доверять. Сегодня он уедет из лагеря и покинет пределы СССР. Мы знаем, что такая мера вызовет шум и различные обвинения по адресу нашей страны, но поступить иначе не можем. Всякому гостеприимству есть границы. Жизнь и безопасность ученых Каллисто нам дороже!

– Правильно! – сказал Маттисен. – А кто второй?

– С другим дело обстоит серьезнее. Именно ради этого я пригласил вас ко мне. Как вы знаете, советское правительство не мешает любому ученому западных стран приехать сюда и лично знакомиться с каллистянами и их звездолетом. Мы не монополизируем корабль. Но, к сожалению, это гостеприимство и добрая воля СССР используются во зло. Под именем одного из известных ученых к нам проник другой человек.

Он наклонился вперед и в упор посмотрел на О'Келли.

– Директор Кембриджской обсерватории, – медленно сказал он, – профессор Чарльз О'Келли находится в настоящий момент на своей даче в штате Флорида, он даже не собирался ехать в СССР.

Американец вскочил с кресла.

– Сядьте! – повелительно сказал Козловский. – Сядьте, мистер Невинс!

Тяжелый нажим руки. Черепанова заставил мнимого О'Келли опуститься в кресло.

– Игра окончена, мистер Невинс, – сказал секретарь обкома. – Мы знаем кто вы такой.

Внезапно Маттисен повернулся (он сидел рядом с О'Келли), и его рука мелькнула в воздухе. Звук сильной пощечины раздался в палатке.

– Мерзавец! – прохрипел швед, побледнев от ярости.

Куприянов испуганно схватил его за руки.

– Не надо так волноваться, господин Маттисен, – улыбнувшись сказал Козловский. – Он и так получит по заслугам.

Швед тяжело дышал. Его широкая грудь бурно вздымалась. Он весь дрожал от гнева.

– Мерзавец! – повторил он еще раз.

– Вы арестованы, мистер Невинс, – сказал Черепанов. – Прошу следовать за мной.

О'Келли молча повиновался. На его щеке горело багровое пятно. Он встал, долгим, пристальным взглядом посмотрел на Маттисена и вышел.

– Все обошлось проще, чем я думал, – сказал Козловский. – Я ожидал, что он будет упорствовать в своем обмане. Тогда пришлось бы Семену Борисовичу помочь мне разоблачить его.

– Я хорошо знаю Чарльза О'Келли, – в виде пояснения сказал Штерн.

– Значит, вы с самого его приезда знали, что это не он? – удивленным тоном спросил Куприянов.

– Да, знал, – нехотя ответил астроном.

– Все кончилось счастливо, – сказал Лемарж. – Вы разрешите послать эту корреспонденцию во Францию?

– Конечно! – ответил Козловский. – Для этого я и пригласил вас.

– Но вы уверены, что, кроме этого Невинса, нет других? – озабоченно спросил профессор Линьелль.

– Нет, пока еще не уверен.

– Разрешите вас поблагодарить, – вставая и протягивая руку, сказал Маттисен. – Безопасность корабля и его экипажа – дело чести ученых всего мира.

– Мы тоже так думаем. – Козловский крепко пожал руку шведского ученого. – Для охраны гостей будет сделано все, что в наших силах.

Иностранцы вышли. В палатке остались Артемьев, Куприянов, Штерн и Ляо Сен.

– Откуда вы узнали, что его зовут Невинс? – спросил Куприянов.

– Это было не так трудно, – ответил Козловский, – раз явилось подозрение, что он не тот, за кого выдает себя. Между прочим, этот Невинс крупный агент одной иностранной разведки. Они не пожалели его. Игра, по их мнению, стоила свеч. Значительно труднее было установить, что настоящий О'Келли не выезжал из Америки. Но, как видите…

Куприянов покачал головой.

– Хитро придумано, – сказал он.

– Вы считаете, что это хитро? – Козловский удивленно посмотрел на профессора. – У меня совсем другое впечатление. Мне кажется, что это не только не хитро, но даже наивно. Они должны были понимать, что из состава экспедиции Академии наук кто-нибудь обязательно знает такого крупного ученого, как Чарльз О'Келли. Этот Невинс шел на верный провал.

– Он очень похож на настоящего О'Келли, – заметил Штерн.

– Похож, верно! – Козловский всем телом повернулся к старому академику.

– Если бы у них было время подготовить его как

следует к роли астронома, тогда – другое дело. Можете ли вы утверждать, что не открыли бы обмана после первого же научного разговора с этим человеком?

– Чем можно объяснить присылку к нам этого Невинса под видом О'Келли? – спросил секретарь обкома у Артемьева, когда они одни остались в палатке.

– Тут можно предположить разное, – ответил полковник, – или они допустили недооценку нашей бдительности, что, между прочим, часто случается, или…

Он замолчал и пристально посмотрел куда-то поверх головы собеседника, в угол палатки.

– Или… – тихо повторил он.

Его лицо стало каменно неподвижным.

Не в первый раз возникала эта тревожная мысль. Она легко могла оказаться правильной. В Москве разделяли его подозрения. Но, если так, – борьба не окончена. Она только начинается!

Артемьев не чувствовал себя одиноким. За ним незримо стояла мощная сила, всегда готовая прийти на помощь. Он был только на передовом посту, на самом трудном участке этой борьбы, борьбы сил мира и созидания с темными силами реакции и мракобесия.

Вокруг звездолета и его экипажа завязывалась смертельная схватка.

Артемьева не радовала первая победа; наоборот, легкость победы тревожила его. Он чувствовал за ней тонкий и хитрый замысел опытного врага.

Борьба продолжалась.

«Я ПРОШУ НИКОГО НЕ ДОПУСКАТЬ»

Профессор Аверин уже видел, что химическая наука Земли может многое получить от знакомства с химией Каллисто. Искусство синтеза органических соединений у каллистян было высоко развито. Они умели получать многие питательные вещества синтетическим путем из неорганических соединений. Это открывало перед земной наукой заманчивые пути. Но еще большее значение имело то, что великая тайна фотосинтеза[1] растений не была для них тайной.

На звездолете была прекрасно оборудованная химическая лаборатория, и Аверин целыми днями пропадал в ней. С неистощимым терпением он изучал непонятные ему значки химических формул каллистян, сопоставляя их с аналогичными формулами земной химии, и, шаг за шагом, продвигался вперед.

Синьг, который, помимо того, что был врачом, являлся одновременно и высококвалифицированным химиком, с видимым удовольствием помогал ему. Сотни опытов были проделаны обоими учеными, начиная с самых простых; благодаря тому, что они сразу же обменивались соответствующими формулами, изучение «химического языка» шло гораздо успешнее, чем разговорного. Только в редких случаях они бывали выну-

---

[1] Фотосинтез растений – процесс, происходящий в листьях растений, когда углекислый газ под действием солнечного света превращается в кислород. По выражению К. А. Тимирязева, «тайна зеленого листа – одна из величайших тайн на Земле».

ждены обращаться за помощью к Широкову.

Своеобразный «коллоквиум[1]» в большинстве случаев давал хорошие результаты, и оба химика с каждым днем все лучше понимали друг друга. Но все же между ними не было и не могло быть полного взаимопонимания, так как наука Каллисто настолько обогнала науку Земли, что для практического использования тех знаний, которые привезли с собой каллистяне, требовалось пройти длинный путь постепенного освоения этих знаний, путь, уже пройденный учеными Каллисто.

Это касалось не только химии, но и всех остальных наук. Звездоплаватели привезли с собой огромное количество научных материалов, уверенные в том, что встретят возле Солнца населенную планету. Изучение этих материалов должно было потребовать нескольких лет работы. Перед экспедицией Академии наук СССР и многочисленными иностранными учеными, приехавшими в лагерь, стояла одна задача – ориентироваться, с помощью каллистян, в их научных материалах и этим создать базу для успешной работы в будущем, когда корабль Каллисто покинет Землю.

В «иностранном лагере» собралось много ученых почти всех стран мира. Работать им всем непосредственно на корабле было невозможно. На ученом совете было принято решение, что изучение каллистянских материалов на месте будет проводиться советскими учеными, Матти-сеном и Линьеллем, которые должны были ежедневно докладывать обо всем, что узнают,

---

[1] Коллоквиум (лат.) – беседа, имеющая целью выяснить познания учащегося.

ученому совету, количество членов которого достигало семидесяти человек. Ляо Сен, свободно владевший многими языками, взял на себя задачу знакомить желающих с каллистянским языком, по мере того, как сам овладевал им. Желающих набралось более тридцати человек, и китайскому лингвисту предстояла нелегкая задача.

В обоих лагерях с раннего утра до поздней ночи кипела работа.

Штерна и Синяева в особенности заинтересовала оптика звездолета. Системы телескопов были совсем иными, чем на Земле. Насколько можно было понять из объяснений Вьеньяня, оптика каллистян основывалась на амплитудном усилении световых волн, что было совершенно новым принципом, не известным земным оптикам.

Внешний вид телескопов также совершенно не был похож на земные инструменты. Не было привычной трубы. Объективы соединялись проводами с каким-то очень сложным прибором, откуда, опять-таки по проводам, изображение передавалось в глазок окуляра. Увеличение этих «телескопов» было во много раз более сильным, чем у самых мощных земных.

Занимаясь вопросами оптики, Синяев совершенно случайно наткнулся на чрезвычайно важный и интересный факт: трехцветная теория зрения[1] была найдена

[1] Трехцветная теория зрения впервые была высказана Ломоносовым в 1756 году. Заключается в том, что в сетчатой оболочке глаза имеются три вида воспринимающих аппаратов – рецепторов, каждый из которых чувствителен к одному из трех основных цветов спектра – красному, зеленому или синему.

учеными Каллисто приблизительно двести лет назад (по земному счету), то есть тогда же, когда на Земле эта теория была высказана Ломоносовым.

Это показывало, что в некоторых отношениях наука обеих планет, находящихся так далеко друг от друга, шла одним путем и, по крайней мере в прошлом, одновременно делала свои открытия.

Сообщение Синяева вызвало оживленную дискуссию по вопросу о том, – почему же сейчас наука Каллисто так далеко ушла вперед? Что послужило столь мощным толчком к ее развитию?

– Мне кажется несомненным, – заявил на одном из собраний ученых академик Штерн, – что на Каллисто не только наука, но и общественное устройство было в прошлом таким же, как на Земле, или очень похожим. Наличие классов и подчинение науки классовым интересам, так же как у нас, тормозило ее развитие. Каллистяне, очевидно, изменили у себя общественный строй, создали условия для свободного творчества, свободного занятия наукой широчайших масс населения планеты. И мы видим результаты освобождения мысли от классовых оков.

– Вы хотите сказать, что на Каллисто полный коммунизм? – ироническим тоном спросил его один из иностранных ученых.

– Вашими устами глаголет истина, – ответил Штерн.

Инженеры встретили на звездолете еще большие трудности, чем другие ученые. Космический корабль был сплошной технической загадкой. Главнейшей из них, несомненно, являлись двигатели и то «горючее», которое давало им силу. Смирнов и Манаенко пришли

к выводу, что принцип работы был реактивным, но первоначальное предположение, что двигатели атомные, по мере знакомства вызывало все большее сомнение.

– Если они атомные, – говорил профессор Смирнов, – то атомная техника на Каллксто ушла так далеко вперед, что стала совершенно не похожа на ту, которую мы знаем и можем себе представить.

Манаенко и другие инженеры соглашались с этим выводом.

В нижней части корабля (той, на которую он приземлился) находилось его «сердце» – место, где был расположен какой-то очень сложный агрегат, отдаленно напоминающий атомный реактор. Отсюда по специальным трубам (только с натяжкой их можно было назвать «трубами») неведомая «энергия» поступала в каждый из двигателей, воспламенялась и производила взрывы чудовищной силы. Следуя друг за другом со скоростью пятидесяти пяти взрывов в секунду, они создавали страшное давление, толкавшее корабль в сторону, противоположную открытому отверстию дюз.

Пуская в ход различные двигатели, равномерно расположенные по всей поверхности звездолета, можно было двигаться по всем направлениям.

Как уже было известно, корабль летел с ускорением, то есть с работающими двигателями, почти год при старте и столько же во время торможения. Стенки дюз должны были все это время выдерживать колоссальное давление и огромную температуру. Они были сделаны из того же металла, что и корпус корабля.

Это был сплав, по прочности превосходивший все

известные на Земле сорта брони. Смирнов и Манаенко легко убедились, что их легкомысленное намерение «отколоть кусочек» было заранее обречено на провал. Не только зубило, которым они намеревались воспользоваться, но и другой любой режущий или колющий инструмент был бессилен против этого металла, обладавшего к тому же абсолютной изотропностью[1].

Кроме твердости, в сравнении с которой даже «победит[2]» показался бы мягким, он отличался еще и исключительной жароупорностью. Температура плавления этого металла при нормальном давлении равнялась одиннадцати тысячам градусов, то есть более чем в три раза превосходила температуру плавления самого жароупорного материала на Земле – вольфрама.

По мнению Аверина, вольфрам безусловно входил составной частью в этот сплав.

Диегонь объяснил, что твердость и упругость металла (на языке Каллисто он назывался «кьясьиньдь») такова, что только самые быстрые из метеоритов, скорость которых превышает сто километров в секунду, способны пробить стенки звездолета, а как было известно каллистянской астрономии, даже вблизи Сириуса метеориты исключительно редко достигают таких скоростей.

Каллистяне очень охотно показывали и объясняли все, что интересовало земных ученых. Они совершенно

---

[1] Изотропность – одинаковость свойств тела по любому направлению внутри его.

[2] «Победит» – сплав, не уступающий по твердости алмазу, в состав которого входит вольфрам. Изобретен на московском заводе имени В. Куйбышева.

не пытались скрыть какие-нибудь «секреты» и, как могли, помогали понять устройство двигателей и принципы их работы. Даже в помещение «атомного котла» (его называли так потому, что не нашли другого подходящего названия), являвшегося самой ответственной частью звездолета, они свободно допускали всех желающих.

Было ли это следствием их уверенности, что агрегат нельзя испортить, или такая возможность даже не приходила им в голову, но они нисколько не боялись и с полным доверием относились к людям.

Они не могли не понимать, что выйди из строя «сердце» их корабля – и они теряют возможность вернуться на родину. И, несмотря на это, не только не препятствовали Смирнову и Манаенко в их желании изучить работу этого «сердца», но даже часто на целые часы оставляли их одних в этом помещении.

Эта детская доверчивость, с земной точки зрения граничащая с беспечностью, очень беспокоила полковника Артемьева, и он часто обращался к Козловскому с просьбой ограничить число лиц, посещающих корабль. Секретарь обкома разделял его беспокойство.

До сих пор не удалось обнаружить никаких следов пребывания в лагере диверсантов, в существовании которых ни Артемьев, ни Козловский не сомневались. Агентурные сведения, сообщенные им из Москвы, не оставляли сомнения в том, что враг в лагере. Но кто был этим врагом? Этого не удалось выяснить.

– Вы уже достаточно хорошо познакомились с этим самым «котлом», – сказал Смирнову Козловский, пытливо всматриваясь в лицо профессора. – Скажите,

Александр Александрович, можно вывести его из строя?

– Можно, – был ответ.

Козловский нервным движением потер руки.

– Так зачем же, скажите на милость, они разрешают вам возиться у этого «котла»?

– Они нам верят. Конечно, рассуждая со стороны, они слишком доверчивы, порой кажутся даже наивными. Семен Борисович как-то сказал, что, по его мнению, эти люди привыкли к поведению и морали коммунистического общества. Если это так, то для них должны быть совершенно непонятны такие вещи, как диверсия.

– Зато эти, как вы выражаетесь, «вещи» должны быть хорошо понятны вам. Я очень прошу вас, Александр Александрович, никого не допускать к «котлу».

– Как, даже Артема Григорьевича?

– Нет, Манаенко я не имею в виду, – ответил Козловский. – Но вот, например, Ю Син-чжоу? Почему он постоянно бывает на корабле вместе с вами? Что ему надо у «котла»?

– То же, что и нам, Он старается изучить его. Разве вы не знаете, что Ю Син-чжоу не всегда был журналистом? По специальности он инженер.

– Я не знал этого, – нахмурившись сказал Козловский.

– Он сам рассказал мне свою биографию, – продолжал Смирнов, – когда я заинтересовался происхождением его технических знаний. Если вы требуете, я не буду брать его с собой.

– Да, лучше не надо. Чем меньше людей будет иметь туда доступ, тем лучше.

ВЗГЛЯД НАЗАД

Время шло своим чередом. Все больше сведений о родине звездоплавателей и о них самих становилось достоянием населения Земли, все больше и больше узнавали и каллистяне о Земле и ее жизни.

Петр Аркадьевич Широков стал постепенно неизменным переводчиком при всех беседах. Его успехи были так велики, что он теперь занимался языком отдельно от своих товарищей, далеко опередив их. Было очевидно, что в скором времени он сможет свободно говорить с каллистянами на любую тему. Лежнев и Ляо Сен были вынуждены признать, что они, несмотря на весь свой опыт, не в состоянии угнаться за молодым медиком, обнаружившим неожиданно для самого себя, что язык Каллисто не доставляет ему почти никаких трудностей.

– Я и сам не знаю, чем это объяснить, но слова этого языка кажутся мне очень легкими для запоминания, – говорил он Куприянову.

Неожиданные способности Широкова были очень счастливым обстоятельством. С его помощью выяснилось много подробностей прилета космического корабля на Землю.

Если планетная система Солнца имела только одну населенную разумными существами планету – Землю, то система Сириуса-Рельоса – имела их целых две. Кроме Каллисто, еще на одной планете были люди, правда стоявшие на низкой ступени развития, но все же люди, – разумные существа, знакомые с орудиями

труда, огнем и обладавшие членораздельной речью.

Звездолеты Каллисто только недавно побывали на этой планете, и сделанное ими открытие произвело целый переворот в мыслях каллистян. До этого они склонялись к тому, что Каллисто – исключительное явление в природе. Большинство ученых придерживались той точки зрения, что жизнь – это своего рода «болезнь» планеты, что нормальное состояние небесного тела исключает возможность жизни.

Этот глубоко ошибочный взгляд (на Земле он тоже существовал, его сторонником был английский астроном Джине) тормозил развитие научного мировоззрения на планете, и с ним долгие века боролись лучшие умы Каллисто. Все это чрезвычайно напоминало не прекратившуюся до сих пор борьбу идеализма с материализмом на Земле.

Открытие населенной планеты по соседству с ними заставило каллистян пересмотреть свои взгляды на сущность жизни и послужило мощным толчком к организации полета к Солнцу.

Ригь Диегонь – инженер и крупнейший теоретик звездоплавания – еще до открытия разумного населения на соседней планете был ярым сторонником полета к Солнцу и работал над проектом звездолета, но его идея не встречала сочувствия, и только после того, как наука получила доказательство существования жизни на других мирах, он смог, наконец, осуществить свою долголетнюю мечту.

К этому моменту он был уже стар (на Каллисто средний возраст человека был равен восьмидесяти – ста годам), но это его не остановило. Он был великим энтузиастом науки.

Первой планетой, обнаруженной звездоплавателями в «окрестностях» Солнца, была Венера. Корабль проник под ее облачный покров и встретил там богатую растительность такого же цвета, как на Каллисто. Животной жизни на планете не оказалось.

Это было сенсационной новостью. Астрономы Земли только подозревали существование на Венере растительной жизни, а многие из них считали, что ее нет. Фотографии пейзажей Венеры, оказавшиеся на звездолете, рассматривались Штерном и другими учеными с величайшим вниманием. Это было такое научное сокровище, значение которого трудно было переоценить.

Убедившись, что на Венере нет разумной жизни, каллистяне стали искать другие планеты. Они скоро нашли планету Юпитер, но, учитывая ее величину и отдаленность от Солнца, решили, что на ней жизни быть не может, и поэтому не познакомились с ней ближе. Диегонь и Вьеньянь считали, что бесполезно искать разумную жизнь на большом расстоянии от Солнца, и звездолет три месяца обследовал пространство между орбитами Венеры и Земли, о существовании которой они долго не подозревали.

Не находя никакой планеты (Марс так и остался незамеченным) каллистяне решили, что система Солнца гораздо беднее планетами, чем система Сириуса.

С чувством глубокого разочарования они собирались отправиться в обратный путь.

Найти Землю помогла случайность.

Желая точно рассчитать орбиту Венеры, Вьеньянь наблюдал планету с помощью телескопа и несколько раз фотографировал. Рассматривая снимки, он обратил

внимание на заметное смещение одной из ярких звезд, на фоне которых он видел Венеру. Заподозрив, что эта звезда является планетой, Вьеньянь стал изучать ее и очень скоро убедился, что не ошибся. Определив орбиту открытого им спутника Солнца, он понял: то, что они искали, найдено.

Неизвестная планета находилась на таком расстоянии от Солнца, что на ней вполне могла оказаться жизнь, хотя бы такая, как на Венере.

На совете экипажа корабля было решено обследовать находку. Звездолет направил свой путь к Земле.

Подлетев к ней, каллистяне сразу поняли, что эта планета сильно отличается от Венеры, но что ее природа еще богаче, чем у ее соседки. Наличие на Земле разумного населения было установлено ими только тогда, когда звездолет приблизился на пятьсот километров к ее поверхности. Первым признаком, по которому им стало ясно, что они встретили, наконец, человеческий разум, был океанский пароход, замеченный в телескоп. Его искусственное происхождение было для них несомненно.

Потом они увидели еще несколько кораблей. Оказавшись над Сибирью, они уже сознательно искали признаки разумной деятельности и без труда находили их.

Их радость была очень велика. Несколько часов, которые отделяли момент появления парохода от приземления в Курской области, пролетели для них как один миг.

Только Диегонь сохранял относительное спокойствие и управлял звездолетом. Остальные, находились в

состоянии лихорадочного волнения.

Когда, опустившись ниже, они увидели поднявшиеся им навстречу самолеты, даже Диегонь оторвался от пульта управления и подошел к экрану. С огромным интересом рассматривали каллистяне воздушные машины.

Катастрофа самолета, неосторожно вошедшего в струю позади корабля, произвела на них потрясающее впечатление. Они были в отчаянии, что их прибытие повело к смерти обитателя Земли. Диегонь бросился обратно к пульту и резко увеличил скорость, боясь повторения несчастья. Он думал, что реактивное движение неизвестно на Земле и что люди не понимают опасности приближения к задней части звездолета.

Они видели другие эскадрильи самолетов и понимали, что жители Земли приветствуют их, но теперь каждый раз уходили далеко вперед, уклоняясь от почетного эскорта.

Им не хотелось производить посадку в пустынях, которые они встречали во время полета над Землей, и они стали искать достаточно уединенного места, где не было бы свидетелей приземления, и Курская область показалась им подходящей. Остановившись на окрестностях Золотухино, Диегонь долго кружил на одном месте, чтобы дать возможность Вьеньяню хорошо рассмотреть местность, – он опасался сесть на болото. Тучи пыли, поднятые кораблем, помешали им видеть, что под ними населенный пункт. О существовании под ними города они даже не подозревали и только случайно не посадили звездолет прямо на дома.

Когда корабль коснулся земли и замер неподвижно,

они поздравляли друг друга с достижением поставленной цели. Они были глубоко счастливы.

Звездолет находился на планете, подобной их собственной, и эта планета была населена разумными существами!

В свои «окна» – экраны – каллистяне наблюдали за прибытием экспедиции и постройкой лагеря. Они хорошо поняли цель, с которой это делалось, – люди готовились к встрече с ними. Световые разговоры убедили их в том, что общий язык с населением Земли будет найден.

Девятнадцать суток, которые они были вынуждены провести на корабле, показались им очень долгими[1]. Но было необходимо произвести пробы земной атмосферы и выяснить, какие в ней содержатся болезнетворные микроорганизмы.

Синьг, который испытывал такое же нетерпение, как и его товарищи, торопился, как мог. Он установил, что состав и плотность атмосферы Земли такие же, как на Каллисто. Он обнаружил несколько микробов, неизвестных на их родине, и нашел средства против заражения ими. Это позволило каллистянам выйти из корабля без масок. Но все бактерии, известные Синьгу, оказались и в атмосфере Земли. Это открытие обрадовало его, так как устраняло опасность заражения для людей. Он решил, что на первое время нельзя допускать на звездолет воздух Земли, и именно поэтому они

[1] Сутки Каллисто, или время полного оборота планеты вокруг ее оси, равнялось двадцати трем часам сорока минутам, то есть было только на двадцать минут короче, чем на Земле.

подвергали кабину подъемной машины «дезинфекции». Синьг надеялся, что в дальнейшем, когда он лучше изучит микроорганизмы Земли, можно будет обходиться без этой неприятной процедуры.

Первое появление людей вблизи от корабля очень взволновало каллистян. С жадным любопытством они рассматривали жителей неведомой планеты, столь похожих на них самих, но с белым цветом кожи. Желая показать, что видят их, они намеренно выдвинули аппарат для взятия проб воздуха в тот момент, когда люди шли мимо. Бьяининь хотел выйти из корабля и показаться жителям Земли, так велико было его нетерпение. Он соглашался пойти на риск заражения, но Синьг и Диегонь не позволили ему этого сделать.

День пятнадцатого августа (они, конечно, не знали, что это «август» и что сегодня пятнадцатое число) был для каллистян таким же праздником, как и для людей. По их счету, это был четыреста тридцать третий день 2392 года.

На Каллисто, так же как и на Земле, время полного оборота планеты вокруг ее центрального светила (Сириуса) считалось «годом», но вследствие того, что орбита планеты была длиннее орбиты Земли и сама Каллисто двигалась медленнее, этот «год» равнялся почти двум земным годам.

«Год» Каллисто не делился, подобно земному, на месяцы. Это было не удивительно, если вспомнить, что на ней не было смены времен года. Каллистяне не знали, что такое весна, осень, зима и лето. В той части планеты, где были расположены материки, всегда было одно сплошное лето, более жаркое, чем на экваторе

Земли. На полюсах Каллисто, наоборот, всегда царила зима, но значительно более мягкая, чем на полюсах Земли.

* * *

До отъезда из лагеря осталось три дня. Все вопросы, связанные с переездом в Москву, были успешно согласованы. Диегонь сам предложил, чтобы экипаж корабля в полном составе покинул лагерь.

Космический корабль должен был остаться под охраной воинских частей.

Глава вторая

В РАЙОННОЙ БОЛЬНИЦЕ

Час ночи.

Экспресс «Пекин – Москва» только что отошел от крупной станции и, набирая скорость, мчался вперед. В двухместном купе международного вагона у окна, закрытого опущенной занавеской, сидели в креслах два пассажира. Один был пожилой китаец, второй, судя по его костюму и манере держаться, – американец.

Беседа шла на английском языке.

– Что же мне оставалось делать? – говорил американец. – В разрешении посетить лагерь мне отказали. Я не ученый и не журналист. Просто любознательный человек. Хочу увидеть жителей другой планеты – марсиан… Я очень доволен, что удалось получить визу и что еду в Москву. Может быть, марсиане приедут туда, а если нет, постараюсь хоть издали посмотреть на корабль.

– Профессор Куприянов разрешил экскурсии к звездолету, – сказал китаец. – Вам надо поехать в город Курск, советую сделать это пятнадцатого августа.

– Вы думаете, что световой разговор был правильно понят?

– У меня это не вызывает сомнений.

– Вы счастливый человек, – сказал американец. – Без всяких хлопот увидите корабль и марсиан.

– Почему вы называете их марсианами? По данным современной науки, на Марсе нет разумного населе-

ния.

– Ну что «современная наука»! Что она знает? Тайны природы недоступны слабому человеческому уму.

– Вот как! – усмехнулся китаец. – Вы не верите в науку? Во что же вы тогда верите?

– В человека. В силу его ума и энергии.

– Так это и есть сила науки.

– Человеку не понять тайн природы, – повторил американец.

– Непознаваемость мира! – китаец засмеялся. – Вы фидеист?

– Как вы сказали? Фидеист? А что это означает?

– Есть такое философское учение. Оно оспаривает научное познание мира и отдает предпочтение вере перед знанием. Фидеизм – опора реакции.

– Вы говорите, как коммунист.

– Я и есть коммунист, – просто ответил китаец.

Американец вынул часы и взглянул на них.

– Не хотите ли пройти в ресторан? – предложил он. – Стаканчик водки перед отходом ко сну. Русская водка лучше джина.

– Нет, благодарю вас, – ответил китаец.

Американец вышел из купе.

Оставшись один, китаец начал раздеваться. Вспоминая разговор, он улыбался.

«Таковы они все, – думал он. – Считают себя высшей расой и сочетают это с полной научной неграмотностью. Он верит только в энергию человека, то есть в искусство бизнеса».

Едва он успел снять пиджак, как его спутник вернулся.

– Идемте скорее! – сказал он. – В соседнем вагоне произошло убийство.

– Что вы говорите! – воскликнул китаец.

Он поспешно надел пиджак и пошел за американцем.

В коридоре вагона было пусто. Пассажиры спали.

Они вышли на площадку, чтобы перейти в другой вагон.

Поезд мчался по лесу. Близко к полотну дороги подступила черная стена деревьев. В слабом свете маленькой лампочки на площадке смутно темнела фигура какого-то человека.

Если бы проводник вагона увидел его, то мог бы поклясться, что этого человека раньше не было в поезде.

Американец сделал шаг назад, пропуская китайца вперед.

Неизвестный человек взмахнул рукой. Звук тяжелого удара потерялся в стуке колес бешено несущегося экспресса.

Тело упало на площадку вагона. Двое наклонились над ним и поспешно обыскали труп. Потом они открыли дверь и выбросили убитого, на всем ходу, в черноту ночи.

* * *

Главный врач одной из районных больниц омской области, доктор Казимбеков, всегда приходил на работу ровно в восемь часов. Надев халат, он, в сопровождении дежурного врача, начал обычный обход больных.

– Слышали? – говорил он в каждой палате. – Товарищ Широков уже почти свободно говорит с каллистянами. Что значит медицинский работник! Принято решение переехать из лагеря в Москву. Профессор Аверин узнал много нового в вопросах синтеза органических соединений. Профессор Смирнов изучает двигатели.

Больные улыбались. Они уже привыкли, что главный врач каждый день сообщал им новости из лагеря под Курском, не считаясь с тем, что они сами их уже знали. Радиостанции три раза в день включали в свою программу передачу сообщений Куприянова.

Казимбеков очень интересовался звездолетом. Он сетовал, что сам не увидит гостей с Каллисто, и ворчал на то, что корабль не опустился где-нибудь поближе.

– Что им, места не хватило у нас в Сибири? – говорил он.

Миллионы сибиряков видели звездолет во время его полета, но даже этого утешения судьба не доставила бедному Казимбекову. Корабль пролетел в стороне от Омской области.

Не один Казимбеков был в эти дни недоволен своей судьбой. Вряд ли можно было отыскать в Советском Союзе человека, который не завидовал бы жителям Курской области. Звездолет, его экипаж, научная экспедиция Академии наук были самой волнующей темой разговора. Где и о чем бы ни говорили люди в эти дни, беседа обязательно переходила на Каллисто.

И в небольшой районной больнице все, здоровые и больные, думали и говорили о том же.

Пациентов было не так много, и Казимбеков скоро закончил свой обход.

– А в каком положении китаец? – спросил он у дежурного врача.

– Все в том же, – со вздохом ответил тот Речь шла о человеке, доставленном в больницу девятого августа с линии железной дороги. Он был найден путевым обходчиком рано утром на лесном перегоне.

У китайца, хорошо одетого, пожилого человека, была разбита голова и сломаны обе ноги. Он лежал под насыпью и не подавал никаких признаков жизни.

Несмотря на то, что человек казался мертвым, путевой обходчик доставил его в ближайшую больницу.

Китаец оказался жив («На один процент», – как выразился Казимбеков.) Энергично принятыми мерами удалось если не совсем предотвратить смерть, то, во всяком случае, отдалить ее и получить слабую, но все же надежду на благополучный исход.

У пострадавшего не нашли никаких документов или бумаг, из которых можно было бы узнать, кто он такой.

Путевой обходчик утверждал, что, когда он перед этим обходил свой участок, под насыпью еще никого не было, а с той поры прошел только один пассажирский поезд – экспресс «Пекин – Москва».

Оставалось предположить, что пострадавший упал именно с этого поезда. Можно было только удивляться, что он остался жив, так как экспресс проходил этот участок с очень большой скоростью Но расследование не подтвердило этой догадки. На посланную вдогонку за поездом телефонограмму пришел ответ, что все пассажиры экспресса налицо. Никто не пропал дорогой.

Предположить, что человек ехал на каком-нибудь из товарных поездов, было трудно. Он был так хорошо

одет, что на него безусловно обратили бы внимание.

Дело перешло в ведение прокуратуры. Судебно-медицинский эксперт, специально приехавший для этого из Омска, установил, что рана на темени (голова была разбита в двух местах) была вызвана падением, а вторая, с левой стороны лба, нанесена раньше каким-то тупым орудием.

«Падение с поезда» оборачивалось убийством, которое только случайно не увенчалось успехом.

По мнению эксперта, пострадавший был выброшен из вагона поезда на ходу, после того как ему был нанесен удар кастетом.

Переломы ног были не опасны, заживление подвигалось быстро. Но с головой дело обстояло плохо. Рана на темени была очень глубока, и раненый вот уже больше месяца не приходил в себя. Его кормили искусственным способом, и надежда на спасение его жизни становилась все слабее и слабее.

Выяснить обстоятельства преступления и личность убийцы можно было только тогда, когда пострадавший придет в сознание. Казимбекова ежедневно запрашивали из Семипалатинска, но на вопрос о состоянии больного он изо дня в день вынужден был отвечать, что все по-прежнему и пострадавший в сознание не приходит.

Состояние неизвестного было настолько тяжелым, что не могло быть и речи о перевозке его в Омскую хирургическую клинику, и он оставался в районной больнице.

– Значит, без перемен? – спросил главный врач.

– Без перемен.

– Плохо его дело, – сказал Казимбеков. – Такое длительное беспамятство неизбежно заканчивается смертью.

– И преступник останется неузнанным?

– Меня не интересует преступник, – сердито ответил главный врач. – Это дело следственных органов. Меня интересует больной.

Он вошел в отдельную палату, где лежал раненый. Здесь стояла только одна кровать, стул и небольшой столик. Окно было завешено, и в комнате царил полумрак.

Китаец лежал на спине. Его забинтованная голова сливалась с белой подушкой.

В первый момент Казимбеков не заметил никаких перемен в положении пациента, но, подойдя ближе, с удивлением и радостью увидел, что глаза раненого открыты.

– Сейчас же вызовите переводчика, – шепнул он дежурному врачу, – и следователя.

По полученному им приказу он был обязан немедленно сообщить, как только раненый придет в сознание. Следственные власти с нетерпением ждали этого момента.

Надо было спешить. Может быть, это последняя вспышка жизни!

Но как ни тихо было дано это распоряжение, раненый расслышал и понял его.

– Не надо… – чуть слышно сказал он, – переводчика. Я… говорю… по-русски.

Дежурный врач быстро вышел. Казимбеков наклонился над кроватью.

– Не разговаривайте! – сказал он.

– Что… со мной… случилось?

– Вы ранены. Прошу вас не говорить сейчас. Поберегите силы.

Китаец послушно закрыл глаза. Казимбеков взял его руку. Пульс был слабым, но ровным. Врач позвонил, чтобы вызвать к раненому дежурную сестру.

Внезапно китаец вздрогнул и сделал движение подняться.

Казимбеков поспешно, но все же очень осторожно удержал его за плечи.

– Спокойно! – сказал он. – Не надо шевелиться.

Раненый сделал движение рукой, предлагая нагнуться.

Доктор услышал прерывистый шепот:

– Я вспомнил… Скорее следователя… Я должен успеть…

* * *

Опрос продолжался долго. Раненый с трудом давал показания. Часто приходилось делать длительные перерывы, чтобы дать возможность пострадавшему собраться с силами.

Казимбеков ворчал и требовал перенести опрос на завтра, но китаец не соглашался на это.

– Я должен успеть, – говорил он. – Это очень важно. Может случиться, что я умру.

– Теперь вы уже не умрете, – уверял его врач.

– Все равно, время не терпит.

– Постарайтесь подробнее описать внешность вашего спутника, – сказал следователь.

Раненный, как мог подробнее, рассказал об американце.

– Вы успели разглядеть человека на площадке?

– Я его плохо видел… Мне показалось… что он китаец…

– Номер вагона и купе?

– Вагон восемь. Купе пять.

– Что, по-вашему, могло быть причиной нападения?

– Думаю, что… им нужны были мои документы… Это и есть самое страшное… Ему нужно было пробраться в лагерь… под моим именем.

– В какой лагерь? – одновременно спросили следователь и Казимбеков.

– В лагерь у космического корабля… Я еще не говорил вам… Я ехал туда… Я корреспондент агентства Синьхуа. Мое имя Ю Син-чжоу.

ОНИ ОТРАВЛЕНЫ!

Полковника Артемьева разбудили шаги человека, подошедшего к палатке. Он всегда спал очень чутко, а в последнее время, снедаемый тревогой, вообще забыл, что значит спокойный сон.

Никто в обоих лагерях не подозревал, кто он такой. Все считали Артемьева корреспондентом. Один только Козловский знал, что он сотрудник разведки.

Работа с каллистянами, изучение их научных материалов внешне шли гладко. Ничто не указывало, что гостям Земли может угрожать какая-нибудь опасность. Но советская разведка знала, что такая опасность существует.

Техника Каллисто все еще оставалась загадочной. Изучением двигателей звездолета занимались Смирнов и Манаенко, – оба советские ученые. Определенные круги за границей опасались, что результаты их открытий останутся в руках СССР и не будут опубликованы, как другие материалы, добытые на звездолете. С их точки зрения советские люди должны были скрыть «атомные тайны», использовать их на усиление военной мощи своей страны. Такая перспектива, разумеется, тревожила их. Они не могли себе представить возможности добровольного отказа от технической тайны, да еще столь важной. Они судили по себе и сделали соответствующие выводы. Пусть лучше техника Каллисто останется никому неизвестной, чем отдать ее СССР. Лучше уничтожить «котел», уничтожить книги каллистян, убить их самих… Это было чудовищно, но логично.

Несмотря на все усилия, напасть на след врага не удавалось. Все обитатели лагеря Академии наук и лагеря иностранцев были проверены самым тщательным образом. Напрасно! Могло создаться впечатление, что никакого тайного врага нет, что сведения, добытые советской разведкой, ложны, но полковник Артемьев даже не допускал такой мысли. Враг был! Его надо найти! Разоблачение Дюпона и О'Келли подкрепляли его уверенность в этом. Противник не мог быть так наивен. Враг был, по-видимому, очень осторожен и очень опытен.

«Тем лучше! – думал Артемьев. – Когда мы обнаружим его, то можно быть уверенным, что теперь-то это именно тот, кого мы ищем».

Николай Николаевич Козловский не придал никакого значения факту, сообщенному ему профессором Смирновым. Но не так поступил опытный разведчик. Узнав, что китайский журналист Ю Син-чжоу в прошлом инженер, Артемьев не оставил это неожиданное открытие без внимания. Подлинность Ю Син-чжоу до сих пор не вызывала у него сомнений. Сведения, полученные от агентства «Синьхуа», устраняли малейшие подозрения. Но вот появилось новое, неизвестное раньше обстоятельство, и Артемьев не прошел мимо него.

«Почему он раньше не сказал, что он инженер? – думал полковник. – Случайно это или намеренно!»

Артемьеву казалось странным, что человек, имеющий диплом инженера, сменил свою профессию на журналистику. Но, с другой стороны, агентство «Синьхуа» могло именно потому послать Ю Син-чжоу в лагерь, что он инженер, человек технически грамотный. Такой корреспондент в данном случае был безусловно полезнее профессионального журналиста. Но почему он молчал до сих пор?..

Артемьев еше не подозревал Ю Син-чжоу, но смутное недоверие возникло, и он решил проверить все до конца. В тот же день, когда ему стал известен разговор Козловского с профессором Смирновым, он послал радиограмму с требованием прислать подробную биографию журналиста и вслед за этим его фотографию.

С нетерпением ожидая ответа, он инстинктом разведчика чувствовал, что напал на след, но к чему мог привести его этот след, было неясно. Лояльность Ю Син-чжоу казалась несомненной.

По свойству своего характера Артемьев всегда целиком отдавался тому делу, которым занимался в данный момент. Даже во сне он не забывал о вставшей перед ним задаче. Погруженный в некрепкий сон, он продолжал ждать ответа на свою радиограмму и, когда услышал шаги, сразу проснулся, сел на постели и включил свет.

Было четыре часа утра; лагерь был погружен в сон, и только серьезное дело могло привести кого-то к его палатке.

Он не ошибся.

Вошел один из его помощников, дежуривший в эту ночь на радиостанции подполковника Черепанова.

– Срочная радиограмма, товарищ полковник!

Радиограмма была длинная. В ней сообщалась вся биография Ю Син-чжоу.

Глаза Артемьева быстро пробегали по строчкам.

Имя… Год рождения… Партийность… С какого года… Семейное положение… Образование…

Рука Артемьева замерла на бланке.

Образование: окончил литературный институт в Москве.

Значит…

Значит, Ю Син-чжоу не был инженером. Но профессор Смирнов, заподозривший в нем инженера, не мог ошибиться. Да и сам Ю Син-чжоу подтвердил, что он инженер.

Артемьев на секунду закрыл глаза. Замысел врага, который он не мог разгадать, предстал вдруг перед ним с ослепительной ясностью. Так вот где таилась опасность, которую он предвидел, приближение которой

чувствовал!.. Все было так понятно и просто, что Артемьев с удивлением заметил, что мучившее его волнение совершенно прошло.

Радиограмма не опоздала! Она пришла вовремя!

Он стал быстро одеваться.

Враг обнаружен! Настоящий, подлинный враг, так долго сумевший оставаться неузнанным!

Куда девался настоящий Ю Син-чжоу, китайский товарищ, ставший жертвой врага, выяснится потом. Как им удалось убрать его, заменить своим человеком? Это тоже выяснится в свое время. Самое главное сделано. Замысел врага провалился.

Дюпон и О'Келли, подсунутые, чтобы усыпить бдительность советских разведчиков, никого не обманули. Истинный враг, ради успеха которого они пожертвовали двумя своими агентами, все-таки выявлен.

Артемьев бегом направился к палатке Козловского.

Она стояла в центре лагеря, рядом с палаткой Черепанова; и, когда полковник подбежал к ней, его остановил часовой. Кроме узкого круга лиц, никто не знал, кто такой Артемьев: он был в гражданском платье; и часовой поступил правильно, не пропустив его, но Артемьеву была дорога каждая минута. Он громко позвал Козловского; секретарь обкома вышел и провел его в палатку.

Полковник молча протянул ему радиограмму. Козловский прочел и сразу понял.

– Немедленно… – начал он, но в этот момент полог палатки распахнулся, и в нее буквально ворвался Широков. С одного взгляда на его лицо Козловский и Артемьев поняли, что случилось какое-то несчастье.

– Хорошо, что вы не спите! – тяжело дыша сказал он. – Кьяльистьо вьестьи мьаньиньо…

– Говорите по-русски, – перебил Козловский.

Очевидно, случилось что-то очень серьезное.

– Звездоплаватели умирают, – сказал Широков.

Он бросился на стул и сжал голову руками.

– Они умирают, – повторил он. – Идемте, Николай Николаевич! Надо что-то делать. Нельзя допускать такого конца.

– Где Куприянов?

– Там, с ними. Он послал меня за вами.

Козловский повернулся к Артемьеву.

– Немедленно, – сказал он, – арестуйте человека, живущего в лагере под именем Ю Син-чжоу. И не спускайте с него глаз. Идемте, Петр Аркадьевич!

Широков настолько был поглощен мыслями о каллистянах, что даже не обратил внимания на эту короткую сцену, которая в другое время безусловно очень удивила бы его. Приказание Козловского арестовать Ю Син-чжоу, отданное тому, кого они все считали корреспондентом, должно было изумить его. Но он был в таком состоянии, когда человек ничего не видит вокруг себя и не отдает себе отчета в совершающихся событиях, не имеющих отношения к тому, что поглотило все его сознание.

По дороге он рассказал Козловскому о подробностях неожиданного происшествия.

Звездоплаватели последнее время ночевали в лагере. Один Вьеньянь оставался на корабле. Широков поселился с ними, чтобы все время слышать их разговор и упражняться в языке.

Сегодня ночью Синьг разбудил его.

– Он еле держался на ногах, – говорил Широков. – Разбудив меня, он упал на пол. Остальные лежали без сознания. Я бросился за Михаилом Михайловичем, и он, как был, неодетый, побежал в палатку. Штерн, Ляо Сен и Лебедев прибежали с ним, но он попросил их уйти. Лебедев принес ему одежду.

– Что могло случиться, по-вашему?

– Отравление. Михаил Михайлович тоже думает, что они отравились растительным ядом. Нашей пищи они не ели. Только свою…

– Положение опасно?

– Очень. Самое скверное, что Синьга не удается привести в чувство. Его помощь необходима. Михаил Михайлович вызвал Аверина и поручил ему срочно сделать анализ остатков ужина. Что мы можем предпринять, не зная яда!

– Какие меры вы приняли?

– В палатке имеется аптечка Синьга, но, пока он не пришел в себя, она бесполезна. Все же Михаил Михайлович ввел им один препарат, который я указал ему. Синьг говорил мне, что он употребляется при отравлениях. Но полной уверенности, что это то, что нужно, у нас нет.

У палатки, где жили каллистяне, толпились все члены экспедиции и много военных. Новость быстро распространилась по лагерю и всех подняла на ноги.

– Вьеньянь знает? – спросил Козловский.

– Нет. У меня не было времени сообщить ему.

– Пошлите Лежнева или Ляо Сена. Может быть, он сможет чем-нибудь помочь.

Куприянов стоял наклонившись над постелью, на корой лежал Синьг. Он обернулся при входе Козловского.

– Извините, что разбудил вас, – сказал профессор. (Странно и нелепо прозвучала эта фраза.) – Необходимо позвонить в Золотухино и срочно доставить сюда подушки с кислородом. У нас может не хватить.

Выражение лица Куприянова, его голос и движения были совершенно спокойны, и Козловский понял, что этот человек перестал быть начальником экспедиции. Он был сейчас только врачом у постели больного.

– Постарайтесь достать где-нибудь свежего молока, – прибавил он.

Молча кивнув головой, секретарь обкома быстро вышел. Он видел, как Куприянов и Широков снова наклонились над Синьгом.

Хотя Козловский пробыл в палатке не больше минуты, он успел внимательно осмотреться. Звездоплаватели лежали неподвижно, с закрытыми глазами. Черный цвет их кожи не давал возможности определить «бледны» их лица или нет. Они казались такими же, как всегда. На полу валялись куски ваты, осколки ампул. Шприц, очевидно отброшенный в спешке, воткнулся иглой в спинку кресла. Сильный запах какого-то лекарства стоял в воздухе.

Все указывало на отчаянную борьбу за жизнь, которая здесь происходила недавно. Чем кончится эта борьба? Удастся ли победить неожиданно явившуюся в лагерь смерть?..

Едва за ним опустился полог, Козловский оказался в плотном кольце взволнованных людей.

– Как там?.. Что?.. Есть надежда?.. – слышались со всех сторон нетерпеливые вопросы.

– Я ничего не знаю, товарищи, – отвечал Козловский. – У постели пострадавших один из лучших врачей Советского Союза. Будем надеяться на его искусство. Пропустите меня, – прибавил он, видя, что пробраться сквозь толпу будет трудно. – Я очень тороплюсь выполнить просьбу товарища Куприянова.

Эти слова сказали волшебное действие. Сразу перед ним образовался проход, и Козловский почти бегом направился к палатке начальника экспедиции, где был телефон.

По дороге он сказал первому попавшемуся офицеру, чтобы немедленно послали в ближайший колхоз за молоком.

– Возьмите мою машину! – крикнул он на ходу.

Он позвонил прямо на квартиру первого секретаря Золотухинского райкома и получил от него обещание, что требуемый кислород будет доставлен со всей возможной быстротой.

Положив трубку телефона, Козловский вышел из палатки.

Оранжевым заревом разгоралась утренняя заря. Бледнело небо; одна за другой потухали звезды. Наступал день, полный тревог, день, который мог стать последним в жизни ученых Каллисто, совершивших великий научный подвиг. Неужели одиннадцать лет летели они через бездны вселенной, чтобы, достигнув цели, победив пространство и время, здесь, на Земле, в восьмидесяти трех триллионах километров от родины, прийти к такому печальному и нелепому концу?..

Все случилось так внезапно, что у Козловского путались мысли и он никак не мог заставить себя спокойно обдумать случившееся.

Была ли какая-нибудь связь между этим внезапным отравлением и разоблачением Ю Син-чжоу? Действительно ли каллистяне отравились своими же продуктами (это казалось просто невероятным) или они были отравлены?..

На звездолете был огромный запас самых разнообразных продуктов, рассчитанный на двадцать с лишним лет полета. Большая часть их состояла из растительных веществ, заключенных в большие, герметически закрытые банки наподобие земных консервов. Все запасы хранились в шестнадцати кладовых, в которых искусственно поддерживалась низкая температура. Испортиться в пути они никак не могли, а предположить, что при снаряжении звездолета в космический полет на него попали уже испорченные продукты, было невозможно. Каллистяне рассказывали, что их полет готовился почти два года (по земному счету) и в этой подготовке принимала участие вся планета…

Мысли Козловского внезапно прервались, – он увидел Артемьева. Полковник должен был находиться возле арестованного им «журналиста», но вместо этого шел по лагерю, явно разыскивая кого-то.

Заметив секретаря обкома, Артемьев подбежал к нему.

– Ю Син-чжоу нет в лагере, – сказал он.

– Как нет?

– Нигде! Все палатки обысканы…

– Куда же он мог деваться? Вечером я его видел, – перебил Козловский.

– Ночью охрана никого не пропустит.

– Я спрашивал у дежурного офицера, – почему-то шепотом сказал Артемьев. – Часовые видели, как кто-то пролетел на крыльях в сторону звездолета.

– Когда это было?

– Около трех часов ночи.

Козловский судорожно вцепился рукой в плечо полковника.

– Вертолет! – прохрипел он. – Как можно скорее позовите профессора Смирнова.

Неужели!.. Неужели радиограмма все-таки пришла слишком поздно?..

Звездоплаватели отравлены… Ю Син-чжоу на корабле… Там один Вьеньянь, он не сможет помешать ему…

Неужели, несмотря на все усилия, злодейский замысел увенчается успехом?

В эту страшную минуту Козловский считал одного себя виновным во всем.

«Ю Син-чжоу – проверенный китайский коммунист! Человек вне подозрений!»

Урок О'Келли пропал даром!

По дороге к месту стоянки вертолета Козловский рассказал Смирнову о радиограмме и своих подозрениях.

– Ю Син-чжоу воспользовался крыльями. Он знал, что ночью, без разрешения, вертолет не доставит его на корабль.

– Он хорошо знает внутреннее устройство корабля, – заметил профессор.

– Надо во что бы то ни стало помешать ему! – воскликнул Артемьев.

– Если мы не опоздали, – так тихо, что его услышал один только полковник, прошептал Козловский.

Они почти бежали.

– Кондратий Поликарпович только что был у Куприянова, – сообщил Смирнов. – Он нашел в пище звездоплавателей кристаллы соли синильной кислоты.

Как ни торопился Козловский, но он невольно остановился, услышав эти слова.

– Но это же смерть!

– Петр Аркадьевич говорит, что доза безусловно смертельна для человека. Но он считает, что есть надежда на благополучный исход.

– Не понимаю.

– Доза смертельна для человека, – повторил Смирнов. – Раз каллистяне до сих пор не умерли, – значит, их организм не так восприимчив к этому яду, как наш. Вы знаете, что Широков считается специалистом в токсикологии[1].

– Он надеется?

– Да. И Михаил Михайлович разделяет эту надежду.

– Это было бы счастьем! – сказал Козловский.

Когда они пришли на место, вертолета не оказалось. Он улетел, чтобы доставить на вершину космического корабля вице-президента китайской Академии наук, профессора Ляо Сена.

Если бы Козловский не был так взволнован, он давно вспомнил бы об этом.

Было уже настолько светло, что они хорошо видели над кораблем неподвижно висящий в воздухе вертолет.

---

[1] токсикология – наука о ядах и противоядиях

Очевидно, китайский ученый приказал летчику ожидать его возвращения.

В лагере был только один летательный аппарат Каллисто. Им воспользовался диверсант.

Козловскому и его спутникам было не на чем подняться на вершину шара.

«СЕРДЦЕ» КОРАБЛЯ

Вертолет неподвижно повис в двух метрах над кораблем. Борт-механик отворил дверцу и опустил лестницу.

– Подождите меня, – сказал Ляо Сен.

Он быстро спустился на площадку. У шахты подъемной машины темнел какой-то предмет. Профессор с удивлением узнал в нем крылья. Это было странно и непонятно. Каллистяне очень заботились о своих летательных аппаратах и никогда не бросили бы их валяться на «крыше» звездолета всю ночь. Но думать о причине этого необычного нарушения порядка было некогда. Ляо Сен торопился сообщить Вьеньяню о несчастье, постигшем его товарищей.

Подъемная машина оказалась внизу. Еще одно непонятное обстоятельство Отверстие шахты всегда закрывалось на случай дождя.

«Кто-нибудь опередил меня», – подумал профессор.

Это казалось самым простым и естественным объяснением. Кто-то из обитателей лагеря поторопился слетать за Вьеньянем и воспользовался для этого крыльями.

Ляо Сен зажег карманный фонарик и при его свете

отыскал знакомлю кнопку. Как всегда, бесшумно поднялась снизу подъемная машина.

Опускаясь, он вспомнил, что не знает, как наполнить кабину газом для дезинфекции. Обычно при посещении звездолета людьми с ними всегда был кто-нибудь из каллистян. Проникнуть на корабль без этой обязательной процедуры Ляо Сен считал недопустимым.

Профессор знал, что кабину можно наполнить газом и изнутри. Сигнализация, связывающая подъемную машину с внутренними помещениями, также была ему хорошо известна.

Но поймет ли Вьеньянь, что от него хотят, когда услышит сигнал?

«Поймет, – подумал Ляо Сен. – Я ведь не первый. Человек, пришедший до меня, тоже должен был обратиться к нему за помощью».

Когда машина остановилась, он нажал кнопку сигнала.

Прошла минута. Ответа не было.

Ученый вторично нажал кнопку и долго не отпускал ее.

Даже сквозь металлические стенки шахты он слышал громкое гудение (на звездолете не было звонков), но никто не откликнулся. Так прошло минут пять.

Что делать? Вернуться в лагерь и посоветоваться с Куприяновым? А если это промедление будет стоить жизни ученым Каллисто? Каждая минута была на счету. Но открыть дверь и войти внутрь звездолета без дезинфекции – это значило свести на нет все меры предосторожности, которые так пунктуально выполнялись всеми.

Может быть, на корабле никого не было? Может быть, человек, прилетевший на крыльях, уже покинул звездолет вместе с Вьеньянем. В волнении и спешке они могли забыть летательный аппарат и воспользоваться другими. Это было вполне правдоподобно.

Но почему же тогда они опустили вниз подъемную машину? Было естественнее оставить ее наверху.

Ляо Сен сделал последнюю попытку «дозвониться». Никакого результата!

Он ничего не знал о полученной радиограмме и не мог заподозрить присутствия на корабле Ю Син-чжоу. Тем более ему не могло прийти в голову, что журналист, в подлинности которого у профессора не было никаких сомнений находится здесь с враждебными намерениями.

Ляо Сен был уверен, что Вьеньянь не покидал звездолета. Тот факт, что подъемная машина была внизу, неопровержимо доказывал это. Не слышать сигнала он никак не может. Гудение было очень громким, и его хорошо было слышно во всех помещениях корабля, кроме тех, которые находились внизу, у атомного «котла». Эта часть корабля была отделена от остальных помещений очень толстыми, двойными стенами. Но Вьеньяню незачем было находиться там.

Вьеньянь слышит, но не отвечает. Что же это значит?..

Профессор чувствовал, как тревога все сильнее охватывает его. В безмолвии звездолета ему чудилось что-то страшное. Медлить дольше было нельзя!

«Если можно дезинфицировать подъемную машину, – решил он, – то можно сделать это и со всем кораблем».

Он снова зажег фонарь и решительно нажал кнопку. Дверь раздвинулась.

Центральный пост, или «граненая комната», как ее называли, была, как всегда, ярко освещена. В ней никого не было.

Ляо Сен спустился по лестнице и подошел к люку, ведущему в круглый коридор. Внимательный взгляд профессора вдруг заметил у самой стены небольшой блестящий предмет. Он наклонился и поднял его.

Это была гильза, от которой шел свежий запах пороха…

Ляо Сен неподвижно стоял у отверстия люка, держа на ладони маленький медный цилиндрик, неопровержимо доказывавший, что совсем недавно в центральном посту звездолета раздался выстрел…

Кто стрелял? Зачем? В кого?..

У каллистян не было пистолетов, подобных земным. Они имели оружие совсем другого рода. Стрелял человек Земли, и стрелял именно в Вьеньяня. Больше на корабле никого не было.

Меньше минуты понадобилось китайскому ученому, чтобы понять все… Звездоплаватели не отравились, они отравлены… На корабле находится враг… Он стрелял в астронома Каллисто.

Цель врага была ясна. Вывести из строя «сердце» корабля, чтобы не дать возможности советским ученым изучить его механизм, уничтожить технические книги и другие материалы, которые могли бы рассказать людям об атомной технике Каллисто.

Где сейчас находятся враги? Если он слышал сигнал, то понял, что кто-то хочет войти. С какой стороны последует выстрел из-за угла? У Ляо Сена не было никакого оружия. Диверсант не остановится перед вторым убийством!

Подняться наверх и предупредить летчика? Это казалось самым разумным, но Ляо Сена тревожило, что он нигде не видит тела Вьеньяня. Может быть, каллистянин только ранен? Может быть, он нуждается в помощи?

Ляо Сен осторожно наклонился и заглянул в люк. В коридоре никого не было. Спрятаться там было негде.

Он спустился по лестнице.

У самых ступенек лежала вторая гильза. В нескольких шагах перед собой профессор увидел третью.

Диверсант, стреляя, гнался за Вьеньянем. Чем кончилась эта погоня?..

Ляо Сен знал, где помещались каюты экипажа. Вот здесь было помещение командира звездолета, немного дальше – каюта Синьга. В которой из них скрылся Вьеньянь, если ему удалось избежать трех пуль?

Профессор сознавал, что в любую секунду может встретиться с диверсантом и тогда… но он не мог заставить себя уйти, не узнав о судьбе астронома.

Нажав кнопку, он открыл дверь каюты Диегоня. В ней никого не было.

Ляо Сен хотел войти в следующую, но в этот момент заметил, что дверь в каюту Бьяининя открыта. Он бросился туда, забыв об опасности.

Вьеньянь лежал на пороге лицом вниз. У его головы расплывалась лужа крови.

Неужели конец!..

Профессор наклонился. Ему послышался слабый стон. Опустившись на колени, он осторожно повернул каллистянина.

Астроном был только ранен. Пуля разорвала кожу на лбу, и из раны обильно текла кровь. Но он был не только жив, но и в полном сознании. Длинные и узкие глаза Вьеньяня смотрели на Ляо Сена с выражением страдания и недоумения. Он слабым жестом указал на маленький шкафчик на стене.

Это была аптечка. В ней находились неизвестные Ляо Сену лекарства и перевязочные материалы. Он, как мог лучше, наложил на лоб раненого повязку.

– Хорошо! – сказал Вьеньянь. – Теперь бок.

Рана на голове была не единственной. Две пули попали в правое плечо.

С помощью самого пострадавшего Ляо Сен закончил перевязку и помог Вьеньяню лечь на диван.

– Что это значит? – спросил астроном.

Только сейчас, при этом вопросе, профессор вспомнил о диверсанте и поспешно закрыл дверь. Враг мог вернуться. Почему он оставил Вьеньяня живым, было непонятно. Или он решил, что все уже кончено?..

– Как вы себя чувствуете? – спросил он вместо ответа.

Как жаль, что тут, на его месте, не было Широкова! Молодой медик лучше смог бы оказать помощь раненому и объяснить ему, что произошло.

– Больно, – сказал Вьеньянь. – Особенно голове.

Он вопросительным и по-прежнему недоумевающим взглядом смотрел на лингвиста. Очевидно, он никак не мог понять, что послужило причиной неожиданного нападения. Для него это было необъяснимо.

– На меня напал Ю Син-чжоу, – сказал астроном.

Эти слова как громом поразили профессора. Ю Син-чжоу! Неужели именно он был тем врагом, которого искал Козловский?

– Где Ю Син-чжоу? – спросил профессор.

– Не знаю! Он выстрелил в меня и убежал. Я потерял сознание. Надо позвать Синьга.

Сказать, что Синьг сам лежит при смерти? Взволно-

вать этим известием человека, который чуть дышит и ела может говорить от слабости? Нет, этого нельзя делать!

– Я позову Синьга, – сказал Ляо Сен. – Ю Син-чжоу сошел с ума. Нет ли у вас тут какого-нибудь оружия?

Он сам чувствовал, что говорит на таком ломаном языке, что вряд ли Вьеньянь поймет его слова. Но это не имело никакого значения, потому что каллистянин потерял сознание.

Профессор беспомощно оглянулся. Он был один с раненым, которого нельзя было оставить одного, так как запереть дверь можно только изнутри. Если оставить ее незапертой, то диверсант вернется и добьет свою жертву.

И во что бы то ни стало надо было попытаться помешать Ю Син-чжоу выполнить его намерения на звездолете.

Положение казалось безвыходным. В лагере не знают ничего о том, что произошло на корабле. Никто не придет на помощь!

Вертолет!.. Надо как можно быстрее сообщить летчику и вернуться к Вьеньяню. Может быть, найдется и какое-нибудь оружие?

Риск был велик, но промедление могло обойтись слишком дорого. Все равно другого выхода не было…

Ляо Сен посмотрел на Вьеньяня. Каллистянин лежал неподвижно; его дыхания не было слышно. Как можно скорее надо вызвать врача!..

Профессор выбежал в коридор. Он не забыл закрыть за собой дверь каюты. Если враг придет во время его отсутствия, то, может быть, не сразу

вспомнит в каком именно помещении находится раненый. Можно успеть вернуться вместе с бортмехаником вертолета.

На корабле по-прежнему было очень тихо. Его огромный корпус казался пустым. Где был сейчас Ю Син-чжоу? Что он делал?..

Подбежав к лестнице, ведущей в центральный пост, Ляо Сен едва успел поставить ногу на первую ступеньку, как услышал звук открывавшейся двери подъемной машины.

Кто там был? Может быть, Ю Син-чжоу закончил свое дело и теперь собирается покинуть корабль? Если он до сих пор был внизу, то мог не слышать и не знать, что кто-то, кроме него, находится на звездолете…

Послышались шаги. Они приближались к люку. Шаги нескольких человек! Ляо Сен еще не решил, что ему следует делать, когда увидел Козловского, который быстро спустился, – вернее, прыгнул – в люк. За ним появились Артемьев, Смирнов и Широков.

– Где он? – отрывисто спросил Козловский.

И у него и у Артемьева в руках были револьверы.

– Не знаю! Я его не видел, – ответил Ляо Сен, понимая, что спрашивают о Ю Син-чжоу, но не зная, чем объяснить этот вопрос, доказывавший, что секретарю обкома известно о присутствии на корабле журналиста. – Вьеньянь тяже-то ранен. Идемте скорее, Петр Аркадьевич.

– Идите к раненому, – сказал Козловский. Он повернулся к Артемьеву.

– Оставайтесь здесь. При появлении диверсанта задержите его. В случае сопротивления убейте гада!

В сопровождении Смирнова он прошел несколько шагов и спустился в открытый люк.

Убедившись, что они опоздали и Ляо Сен уже улетел на звездолет, Козловский сразу понял, какой опасности подвергается китайский ученый, который ничего не знал о Ю Син-чжоу и не имел никакого оружия для защиты. Он немедленно послал Артемьева связаться по радио с вертолетом и приказать летчику спуститься вниз. Считая вполне вероятным, что на корабле могут оказаться раненые, он вызвал Широкова.

Очутившись на лестнице, ведущей в помещение атомного «котла», Козловский шепотом приказал Смирнову держаться позади и осторожно стал спускаться, чутко прислушиваясь. Он был уверен, что диверсант находится там, у «сердца» корабля.

Тяжелая дверь, за которой находилась вторая, такая же, была заперта. Если Ю Син-чжоу догадался выключить механизм замка, то проникнуть внутрь было невозможно.

Козловский встал напротив двери и приготовил оружие.

– Нажмите кнопку! – тихо сказал он.

Профессор исполнил приказ. Дверь открылась.

Вторая дверь, отстоящая от первой на полметра, тоже была закрыта. Чтобы открыть ее, надо было подойти к ней вплотную.

– Отойдите от двери! Под защиту стены! – сказал Козловский.

Смирнов открыл рот, чтобы протестовать, но Козловский, не тратя времени на разговоры, оттолкнул его и решительно нажал вторую кнопку.

Он знал, что дверь откроется быстро. Если Ю Син-чжоу слышал, как отворилась первая дверь, то Козловского могла встретить пуля, выпущенная в упор. Но он считал промедление недопустимым и сознательно шел на риск. Если он будет убит или ранен, то профессор Смирнов встретит диверсанта в коридоре. (Он дал Смирнову пистолет, взятый у караульного начальника.) А если и профессора постигнет неудача, то дело будет доведено до конца Артемьевым. Во что бы то ни стало надо было помешать Ю Син-чжоу испортить важнейший механизм звездолета.

Но дверь не открылась. На этот раз диверсант не забыл выключить кнопку.

Знал ли он, что ему все равно не удастся скрыться после выполнения замысла, или, услышав, как открылась первая дверь, запер вторую, чтобы без помех довести дело до конца, но он отрезал всякий доступ в помещение «котла» и мог делать там, что хотел.

– Оставайтесь на месте! – поспешно сказал Козловский Смирнову. – Если Ю Син-чжоу появится, стреляйте не задумываясь!

Он опрометью бросился наверх. Единственный, кто мог, может быть, спасти положение, был Вьеньянь.

Каллистянин был уже приведен в чувство. Широков менял перевязку, неумело наложенную Ляо Сеном. Он что-то быстро говорил астроному.

– Скорей! – крикнул Козловский, вбегая в каюту. – Переводите ему мои слова!

Он рассказал, что диверсант находится в помещении «котла», что дверь заперта и нет возможности помешать ему испортить механизм. Не может ли Вьеньянь посоветовать, что делать?

Выслушав Широкова, астроном на секунду задумался. Потом что-то сказал:

– Вьеньянь говорит, что в это помещение есть вторая дверь, но она тоже может быть закрыта, – перевел Широков. – Он предлагает пустить в ход механизм «котла», но это безусловно приведет к смерти того, кто около него находится.

– Если это может спасти машину, – сказал Козловский, – то надо так и сделать. Но спросите его, не опасно ли это для Александра Александровича, который находится у самой двери?

Вьеньянь ответил, что не опасно.

– В таком случае пусть говорит, что надо делать. Только скорее! – сказал Козловский.

Ему казалось, что они теряют очень много драгоценного времени. Что, если диверсант успеет!

– Вьеньянь говорит, что если Ю Син-чжоу добрался до каких-то частей «котла» – я не могу понять, каких именно, – то пуск в ход может привести к взрыву, – сказал Широков. – Но он все же советует это сделать.

Другие помещения корабля не пострадают, если обе двери закрыты.

– Я закрыл вторую дверь, – сказал Козловский.

Он действительно сделал это, чтобы как-то обезопасить Смирнова.

– Все-таки позовите сюда Александра Александровича, – посоветовал Широков.

Выполнить задуманный план можно было только из каюты Диегоня или из центрального поста. Каюта была ближе, и туда осторожно перенесли раненого. Ляо Сен побежал за Смирновым.

Вьеньянь, видимо, волновался. Он что-то горячо говорил Широкову.

– Ему страшно пустить «котел» в работу, – сказал Широков. – И не потому, что он боится взрыва, а только потому, что это убьет человека.

– Скажите ему, что там не человек, а бешеное животное, – ответил Козловский.

На стене каюты командира звездолета находится большой щит с многочисленными кнопками, ручками и приборами. Вьеньянь указал, как пустить в ход «котел».

Козловский подошел к щиту и положил руки на указанные рукоятки.

– Смирнов здесь? – спросил он.

– Я здесь, – ответил профессор, появляясь в дверях. – Может быть, не надо, Николай Николаевич?

Он сразу понял, что хочет делать Козловский.

– Если есть хоть один шанс из тысячи, – жестким голосом ответил секретарь обкома, – мы обязаны это сделать.

И с этими словами он повернул обе ручки.

Все замерли, напряженно прислушиваясь. Вьеньянь закрыл лицо длинными пальцами обеих рук.

Но все было по-прежнему. Ни единого звука не раздалось на корабле.

Только маленький шарик в узкой стеклянной трубочке вздрогнул и стал подниматься вверх.

– Взрыва не произошло, – сказал Козловский. Его лицо было очень бледно, но совершенно спокойно. – Жизнь человека дороже любой машины. Я рад, что на Каллисто такой же взгляд на это, как у нас. Но бывают случаи, когда машина дороже человека. К тому же там совсем не человек. – Он нервно рассмеялся. – Там не человек, – повторил он, – а ядовитое пресмыкающееся!

– Остановите котел, – дрожащим от волнения голосом сказал Смирнов. – Ничего живого там уже не осталось.

ЭТО ТЕРАПИЯ!

Сообщение о случившемся в лагере было немедленно послано в Москву. Во второй половине дня прибыла правительственная комиссия для расследования диверсии и принятия мер к ликвидации ее последствий. В составе этой комиссии находились крупнейшие советские специалисты. Председателем был академик Неверов.

По просьбе Куприянова президент привез с собой известного хирурга, чтобы оказать помощь Вьеньяню, в плече которого застряли две пули. Состояние каллистянского астронома не вызывало опасений, но операция была необходима.

Произвести ее в лагере не решились, и в тот же день на санитарном самолете Вьеньянь был доставлен в Курск и положен в хирургическую клинику. С ним улетел Лежнев, чтобы служить переводчиком ученому Каллисто. Широков был нужен в лагере.

Куприянов подробно ознакомил хирурга с особенностями организма каллистян и показал ему рентгеновские снимки, сделанные им за это время. Каллистяне охотно позволяли профессору исследовать себя, и Куприянов уже хорошо знал внутреннее устройство их тела.

Оно очень мало отличалось от тела земного человека. Мозг, нервная система, дыхательный аппарат, сердце с кровеносными сосудами и желудок были такими же. Кости скелета в основном были расположены, как у людей, но у каллистян кости были значительно более толстыми. Ребер было не девять, а одиннадцать. Существенная разница заключалась в том, что организм каллистян был негативен по отношению к организму земного человека. Сердце и желудок помещались с правой стороны, печень – с левой.

Знал ли Ю Син-чжоу об этой особенности? Очевидно, знал и намеренно стрелял с целью попасть в сердце. В его осведомленности не было ничего удивительного, так как результаты всех работ в лагере были широко известны всему миру. Советские ученые не пытались и не хотели скрывать того, что они узнавали от каллистян.

– Теперь, – сказал хирург, получив все эти сведения, – я могу делать операцию совершенно спокойно и гарантирую вам благополучный исход.

Но операцию не пришлось делать. Вьеньянь категорически отказался ложиться на операционный стол в отсутствие Синьга. Главный врач курской хирургической клиники – профессор Стесенко – немедленно сообщил об этом Куприянову.

– Операция, – сказал он, – должна быть произведена срочно. Может начаться нагноение. У раненого температура – сорок и одна десятая.

– Пусть это вас не смущает, – ответил Куприянов. – У каллистян температура тела выше, чем у нас. Нормально – тридцать девять и семь. Так что ничего страшного нет. Я сейчас переговорю с Синьгом.

Чтобы не тревожить каллистян, еще не вполне оправившихся от последствий отравления, им ничего не говорили о том, что произошло ночью на корабле. Один Синьг знал о попытке отравить их, но и ему не сообщали о ранении Вьеньяня. Захватив с собой Широкова, Куприянов отправился в палатку, где жили каллистяне.

Здоровье звездоплавателей уже не вызывало никаких опасений, но они были еще слабы и, по настоянию Куприянова и Синьга, лежали в постели. Синильная кислота – страшный яд для людей – не оказала на каллистян обычного для нее смертельного действия. Причина этого счастливого обстоятельства выяснилась сразу, как только Синьг узнал, каким ядом их хотели отравить. На Каллисто росло растение, повсеместно употребляемое в пищу, по своим химическим свойствам родственное земному горькому миндалю. Так же, как на Земле, плоды этого растения (внешне совсем не похожего на миндаль) заключали в себе цианистоводородную кислоту, и организм жителей Каллисто привык

к ней. У них образовался иммунитет ко всей группе земных ядов, добываемых из солей синильной кислоты, и именно поэтому яд оказал на них слабое действие.

Но все же доза была сильна и, если бы не энергичные действия Куприянова, дело могло кончиться гораздо хуже. Профессор правильно сделал, что все внимание обратил на Синьга. Каллистянский врач быстро был приведен в чувство, и по его указаниям пострадавшим было произведено вторичное вливание лекарства, которое первоначально было дано в недостаточном количестве.

С этого момента звездоплаватели были уже вне опасности и их полное выздоровление было только вопросом времени.

Яд, безусловно смертельный для людей, не был таким же для каллистян. Этого не учел диверсант.

Сообщение о том, что хорошо известный ему Ю Син-чжоу хотел отравить их, было принято Синьгом без особого удивления. Он уже достаточно знал о Земле и о существующих на ней противоречиях. Он легко понял мотивы, которыми руководствовался «журналист».

Но, когда Куприянов, вызвав его из палатки, через Широкова, рассказал о Вьеньяне, Синьг очень разволновался.

– Вы плохо сделали, – сказал он, – что не рассказали мне этого сразу. Вьеньяня незачем было увозить отсюда.

– Мы хотели сделать лучше, – сказал Широков. – Операция необходима. Пули надо удалить из тела. Мы

вызвали из Москвы лучшего хирурга.

– Я вас понимаю, – ответил Синьг. – Мы знаем, что вы хорошо относитесь к нам. Но операция не нужна. У нас есть другие средства. Наша медицина давно отказалась от хирургии. Она была хороша тогда, когда терапия была еще несовершенна. Я прошу вас доставить меня к Вьеньяню как можно скорей.

– А как вы сами себя чувствуете? – спросил Куприянов.

Широков перевел вопрос.

– Достаточно хорошо, – ответил Синьг. – Но если бы даже мне было плохо, то все равно я поехал бы. Моя жизнь вне опасности, а Вьеньяню надо срочно оказать помощь.

Против этого трудно было что-нибудь возразить, и Синьга на автомобиле отправили, в Курск. По его настойчивой просьбе пришлось отпустить с ним и Широкова, хотя его присутствие в лагере было очень нужно. Инженеры комиссии настаивали на скорейшем техническом совещании, на котором один Ляо-Сен вряд ли мог справиться с переводом.

– Мне нужен переводчик-медик, – сказал Синьг.

Невозможно было не выполнить требования каллистянского врача, и Широков поехал с ним. Техническое совещание пришлось отложить. Куприянов был даже доволен этим, так как здоровье Мьеньоня – старшего инженера звездолета – было еще недостаточно хорошо и его не следовало тревожить.

По просьбе Синьга об этой поездке никто в Курске (кроме профессора Стесенко) не знал. Он не хотел, чтобы население города встречало его.

– Если вам хочется, чтобы нас торжественно встречали, – сказал он Широкову, – то пусть это будет в Москве, а сейчас мне не до этого.

По дороге Синьг расспрашивал Широкова о жизни на Земле, о различии экономических систем и народов. Его очень удивляло обилие различных национальностей. (На Каллисто всегда существовал только один народ.)

– Неужели у вас сотни различных языков? – спрашивал он. – Как же вы говорите друг с другом?

Когда въехали в город, он замолчал. Курск был первым крупным земным городом, который он видел не на экране. Узкие темные глаза Синьга быстро перебегали с домов на людей, с автомобилей – на трамваи и троллейбусы. По его лицу нельзя было понять, какое впечатление все это производит на него, но, когда он обратился к Широкову с каким-то вопросом, его голос заметно дрожал от волнения.

Профессор Стесенко радушно встретил каллистянского врача. Он уже пригляделся к Вьеньяню и поздоровался с Синьгом без всяких признаков любопытства. Предупрежденный им персонал клиники делал вид, что не замечает необычайного гостя.

Вьеньянь лежал в отдельной палате. Когда они вошли, он о чем-то беседовал с Лежневым, одетым в белый халат.

На астрономе была земная больничная одежда, и он казался бы в ней обыкновенным негром, но черты его лица, совершенно не похожие на черты негритянской расы, нарушали это впечатление.

Он очень обрадовался Синьгу и засыпал его вопро-

сами. Отвечая на них, Синьг ни словом не упомянул об отравлении. Слушая их разговор, Широков был рад, что оказывая на звездолете помощь раненому, также ничего не говорил Вьеньяню. Очевидно, Синьг считал, что такое известие взволнует раненого и этого не следует делать.

Осмотр был долгий и тщательный. Профессор Стесенко обстоятельно отвечал Синьгу на его вопросы. Принадлежность переводчика – Широкова – к медицинской профессии чрезвычайно облегчала взаимопонимание.

– Завтра утром, – сказал в заключение Синьг, – Вьеньянь вернется в лагерь.

– Мне кажется, – сказал на это Стесенко, – что после операции раненому следует остаться здесь дней на пять.

– Он не собирается делать операцию, – сказал Широков.

Присутствовавший при этом московский хирург удивленно поднял брови.

– А две пули? – спросил он. – Останутся в теле?

– Товарищ Синьг, – ответил Широков, – говорил, что медицина Каллисто имеет другие средства.

– Если так, то это очень интересно!

– Чем вы кормили раненого? – спросил Синьг.

– Вашими продуктами, – ответил Широков. – Я отправил их вместе с Вьеньянем.

– Хорошо сделали.

Синьг открыл привезенный с собой ящик, на крышке которого была изображена зеленая звезда. Широков знал, что эта эмблема соответствовала земному крас-

ному кресту. Достав оттуда несколько склянок и перевязочные материалы, он попросил принести горячей воды.

Лежнев и трое врачей с волнением, затаив дыхание наблюдали за действиями каллистянского врача.

– Начнем? – спросил Синьг.

– Начинайте! – ответил Вьеньянь.

Из присутствующих только Широков и Лежнев поняли этот короткий обмен словами.

Синьг достал пять кусков темной материи и смочил их жидкостью из склянки. Один из них он взял себе, остальные протянул Широкову.

– Пусть все закроют этим нос и рот, – сказал он.

Распоряжение было немедленно выполнено. От куска материи шел слабый, но не неприятный запах.

Синьг взял другую склянку и поднес ее к самому рту Вьеньяня. Закрыв себе рот и нос, он быстро открыл и снова закрыл металлическую пробку.

Вьеньянь глубоко вдохнул в себя, и в тот же момент голова его упала на подушку. Глаза закрылись. Было такое впечатление, что он мгновенно заснул.

Синьг отнял от лица кусок материи и бросил его в таз с горячей водой. По его знаку все сделали то же.

– Я погрузил его в сон, – сказал Синьг. – Чтобы он не чувствовал боли.

– Это получше нашего хлороформа, – сказал профессор Стесенко.

– Помогите повернуть раненого, – попросил Синьг.

Вьеньяня осторожно положили лицом вниз. Синьг ловко снял перевязку. Открылись две пулевые раны. Действуя быстро и четко, каллистянин наложил на них

слой желтой мази и прикрыл куском белой ткани, очень похожей на обыкновенную марлю.

Из того же ящика появился какой-то небольшой прибор, имевший вид портативного радиоприемника. На крышке находились маленькие, как будто костяные, круглые ручки и узкая шкала с подвижной стрелкой. Этот аппарат Синьг положил на спину Вьеньяня, как раз над ранами. Потом он осторожно и медленно стал вращать одну из ручек.

Все увидели, как тонкая стрелка медленно пошла влево. Послышалось шипение…

Синьг быстро снял со спины раненого прибор и марлю. В слое мази был виден ясный металлический налет, словно в нее насыпали мелко истолченный в порошок кусочек свинца. Каллистянин осторожно, ловкими движениями удалил мазь и наложил слой свежей. Потом он перевязал раненого, и его снова перевернули на спину. Все заняло не более трех минут.

– Через пять минут он проснется, – сказал Синьг. – Вечером от ран не останется никакого следа. Завтра Вьеньянь может вернуться в лагерь.

– А пули? – спросил Широков.

– Их уже нет в теле. Вот они! – прибавит Синьг, указывая на таз с водой, куда он бросил куски марли со снятой мазью.

Профессор Стесенко, Широков и московский хирург молча переглянулись. Эта операция, произведенная бескровно и быстро, ошеломила их.

– Вот это терапия! – сказал, наконец, Стесенко.

– Да, есть чему поучиться, – вздохнул хирург.

Через пять минут, как и говорил Синьг, Вьеньянь открыл глаза.

– Готово? – спросил он.

Синьг кивнул головой.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Широков. – Голова не болит?

– Нет.

– А почему бы ей болеть, – сказал Синьг, укладывая обратно в ящик свои материалы.

– Товарищ Широков, – попросил Стесенко, – скажите ему, что советская медицина будет бесконечно благодарна, если он откроет нам секрет этой операции.

– У них нет от нас никаких секретов, – ответил Широков. – Все, что они знают, к нашим услугам.

Синьг пожелал остаться возле своего раненого товарища, и Широков один вернулся в лагерь.

Он подробно рассказал Куприянову обо всем, что произошло в клинике. Профессор задумчиво покачал головой.

– Прилет этого корабля, – сказал он, – двинет далеко вперед не одну только медицину.

Широков узнал, что в его отсутствие была получена радиограмма из Москвы с приказом арестовать мнимого Ю Син-чжоу. Эта радиограмма опоздала ровно на двенадцать часов. Обитатели лагеря с радостью узнали, что настоящий Ю Син-чжоу жив и находится вне опасности. Диверсия, таким образом, не повлекла за собой ни одной человеческой жертвы.

Кто был в лагере под именем китайского журналиста, оставалось пока неизвестным, да это никого особенно и не интересовало.

Преступный план не удалось осуществить в той мере, как этого хотелось его инициаторам; все намечен-

ные жертвы остались живы, и это было самое главное. Насколько удалось диверсанту повредить «сердце» звездолета, должно было выясниться в ближайшее время. Пуск «котла» прошел, по-видимому, нормально, и можно было надеяться, что диверсант не успел добраться до его главных частей.

Помещение «котла» было закрыто. Вторая дверь также оказалась запертой изнутри. Это указывало на то, что диверсант учитывал возможность помех и принял меры, чтобы при любых обстоятельствах добиться цели.

Каков был его первоначальный план, никто не знал, но, почувствовав близость разоблачения, он пошел напрямик, не считаясь со своей дальнейшей судьбой.

Он ошибся только в одном: не учел, что механизм «котла» можно пустить в ход из других помещений (возможно, что он не знал об этом или считал Вьеньяня убитым, а остальных каллистян отравленными насмерть), и этот просчет привел к мучительной смерти. В момент начала работы «котла» температура в помещении поднималась до тысячи градусов.

Предусмотрительность преступника причинила серьезное затруднение. Чтобы проникнуть в помещение, нужно было найти способ открыть дверь. Это была первая техническая проблема, с которой столкнулись инженеры комиссии.

Механизм дверей помещался внутри стен. Кнопки были устроены так, что, когда они выключались, невозможно было восстановить снаружи электрическую цепь.

Каллистяне были уверены в прочности стенок своего

корабля, но принимали меры против непредвиденных случайностей. Каждая дверная кнопка, помимо ручного выключения, имела еще и автоматическое, приводимое в действие понижением температуры воздуха внутри помещения.

Если бы стенка корабля оказалась все же пробитой случайным метеоритом, обладавшим большой скоростью, то хлынувший через образовавшееся отверстие холод вселенной мгновенно выключил бы механизм двери – и доступ в помещение стал бы невозможен. Правда, помещение «котла» было расположено так, что ему ни при каких случайностях не угрожала такая опасность, но его двери были устроены так же, как и все остальные.

Разве могли каллистяне предвидеть то, что случилось?

Глава третья

МЕДЛИТЬ НЕЛЬЗЯ!

Инженеры комиссии упорно осаждали Куприянова, и профессор, наконец, сдался. В тот же день, а не «завтра», состоялось техническое совещание с участием командира звездолета – Диегоня и его старшего инженера – Мьеньоня. Переводчиком был, конечно, Широков.

Куприянов понимал, как важно выяснить, какие меры надо принять, чтобы восстановить «сердце» звездолета, если оно серьезно повреждено, и упорствовал только потому, что опасался за состояние здоровья Мьеньоня, который тяжелее всех переносил последствия отравления. Диегонь был уже совсем здоров. Перед своим отъездом Синьг рассказал товарищам о диверсии, и каллистяне сами просили ускорить это совещание. Под таким натиском с двух сторон Куприянову пришлось отступить со своих «медицинских» позиций. Все же он заставил Широкова переговорить по телефону с Синьгом и, только получив согласие каллистянского врача, разрешил Мьеньоню встать с постели.

Поздно вечером в палатке Куприянова собрались все члены экспедиции, правительственная комиссия и оба звездоплавателя.

Профессор Смирнов подробно ознакомил собравшихся с устройством дверей звездолета. По его мнению, оставалось только одно – прорезать стену, но сплав, из которого состоял корпус корабля и все его

перегородки, был настолько тверд, что никакой инструмент не мог справиться с ним.

– Электродуговые, автогенные и термитные способы резки металлов не годятся в этом случае, – сказал он. – Они могут дать температуру не больше трех-четырех тысяч градусов, а для расплавления металла Каллисто требуется не менее одиннадцати.

– Может быть, у них есть что-нибудь вроде «каллистянского» сварочного аппарата? – спросил Неверов.

– Насколько я знаю, – ответил Смирнов, – нет. Они уверены в крепости частей звездолета и не предполагали, что возникнет необходимость ремонта.

Широков, сидевший рядом с каллистянами, слово за словом переводил им все, что говорилось. Мьеньонь подтвердил, что сварочного аппарата на корабле нет.

– Сколько времени находился диверсант у агрегата? – спросил он.

– Около полутора часов.

– Товарищ Мьеньонь говорит, – перевел Широков, – что этого времени недостаточно для того, чтобы разобрать даже верхнюю часть кожуха машины. А не разобрав, нельзя ничего испортить. Он считает, что диверсия привела только к тому, что придется резать стену и опять сваривать ее.

– Скажите ему, что наши сварочные аппараты не могут дать больше четырех тысяч градусов.

– Это я ему уже говорил.

– Можно попытаться размягчить металл токами ультравысокой частоты, – сказал один из инженеров комиссии. – Спросите его мнение об этом.

Перевод занял много времени. Знание Широковым

языка каллистян было еще недостаточно, чтобы перевести такую сугубо техническую фразу. С помощью профессора Смирнова, прибегнувшего к рисунку и математике, задача все-таки была решена.

– Этого делать нельзя, – ответил Мьеньонь. – Такая операция нарушит изотропность металла.

Слово «изотропность» осталось непереведенным. О его значении догадались по смыслу фразы.

Положение оказалось затруднительным. Проникнуть внутрь помещения «котла» и установить, в какой мере потребуется помощь земной техники, надо было как можно скорее. Но как это сделать, если не видно способов открыть дверь?

– Товарищ Диегонь спрашивает, – сказал Широков, – можем ли мы сделать аппарат… я не совсем понимаю, что он говорит… Такой аппарат, чертежи которого имеются на звездолете. Кажется, так? – повернулся он к Ляо Сену.

– По-моему, так, – ответил китайский лингвист.

Инженеры комиссии переглянулись.

– Все зависит от того, что для этого нужно.

Совещание затягивалось по мере того, как переводчики запутывались в дебрях технических слов. Почти каждое из них приходилось переводить очень сложным способом. В переводе принимали участие Смирнов, Манаенко и Аверин.

Совершенно неожиданно пришлось рассказать каллистянам о ранении Вьеньяня. Это произошло тогда, когда Мьеньонь обратился к Широкову с просьбой слетать на звездолет и принести оттуда нужную ему книгу и какие-то чертежи.

– Передайте Вьеньяню записку, – сказал инженер. – Он найдет то, что нужно.

– Синьг просил ничего не рассказывать о Вьеньяне до его возвращения,

– сказал Куприянов, когда Широков перевел просьбу. – Но теперь ничего не поделаешь! Расскажите!

Как и следовало ожидать, сообщение о ранении товарища произвело на каллистян очень большое впечатление. Мьеньонь вскочил и взволнованно заходил по палатке. Он что-то сказал Диегоню, на что командир звездолета молча пожал плечами.

Куприянов видел, как Широков и Ляо Сен недовольно поморщились, но не перевели слова каллистянского инженера Мьеньонь подошел к Широкову.

– Придется мне самому слетать на звездолет, – сказал он. – Проводите меня! Они вышли из палатки.

– Не сердитесь! – сказал Мьеньонь, протягивая руку. (Каллистяне переняли этот жест, не употреблявшийся на их родине.) Широков пожал руку.

– На что же я могу сердиться? – сказал он. – Вы совершенно правы. Но ваши слова справедливы не для всего человечества.

– Я это знаю, – сказал Мьеньонь.

– Мы именно к тому и стремимся, чтобы эти слова исчезли из сознания людей, – сказал Широков.

– Это не так просто. У нас на Каллксто уже давно изменились отношения между людьми, но, как видите, я смог их сказать.

– Память о прошлом сохраняется долго, – сказал Широков.

На корабле Мьеньонь достал нужные ему материа-

лы. Потом он спустился вниз и внимательно осмотрел обе двери и помещение «котла».

– Пройдет много времени, пока мы попадем туда, – сказал он. – Тело вашего товарища будет лежать…

– Там нет нашего товарища! – как ужаленный воскликнул Широков. – Там лежит тело врага и… и…

Он хотел сказать «негодяя», но не знал, как произнести это слово по-каллистянски.

– Кажется, – сказал Мьеньонь, – я сегодня совершаю одну ошибку за другой. Извините! Я не то хотел сказать. Диверсия на корабле, ранение Вьеньяня – все это вывело меня из равновесия. Мы все очень дружны между собой, – добавил он как бы в пояснение.

– Я вас понимаю, – сказал Широков. – И не сержусь на ваши «промахи».

«Что они думают о нас в глубине души? – мысленно задавал себе вопрос Широков, когда они летели на вертолете обратно в лагерь. – Как говорят о нас между собой? Может быть, они считают нас дикарями и негодуют на то зло, которое человек Земли причинил им? Их приветливость и дружеские чувства, которые они высказывают, – все это, возможно, только маска вежливости».

Эти вопросы мучили его, но ответа на них пока было невозможно получить. Со временем все станет ясным. Он сам искренне полюбил этих чернокожих пришельцев из другого мира, и ему было очень горько думать, что они не относятся к людям так же. В лагере все были убеждены в искренности каллистян. Их откровенность, явное желание помочь ученым разобраться в технике Каллисто, полное доверие к людям – все это

говорило о том, что они смотрят на своих хозяев, как на братьев. Но Широкова не удовлетворяли эти внешние признаки доброжелательства. Он хотел знать затаенные мысли каллистян. Почему? Он сам себе не любил задавать этот вопрос.

Они вернулись в палатку, где участники совещания с нетерпением ожидали их.

Мьеньонь принес книги с описанием сварочного аппарата Каллисто и его чертежи.

Выяснилось, что для того, чтобы сделать этот аппарат, надо было предварительно изготовить тот материал, из кочорого был построен звездолет, и найти способ получения из земных материалов не известного до сих пор газа. Сварочный аппарат Каллисто был газовый.

– Задача, которую не решить в один день, – сказал один из инженеров комиссии. – Но она не является невыполнимой. Медлить нельзя. Когда мы откроем дверь, могут появиться новые проблемы. Завтра утром надо возвратиться в Москву и решить, каким заводам поручить этот необычайный заказ. Кто из каллистян будет нас консультировать? – обратился он к Широкову.

– Мьеньонь и Ньяньиньгь, – ответил Диегонь.

– Ньяньиньгь, – пояснил Широков, – это второй инженер корабля. Кроме того, он химик.

– Необходим будет переводчик.

– Петр Аркадьевич нужен здесь, – поспешно сказал Куприянов.

Ему не хотелось отпускать своего любимого ученика. Намерение Широкова, в котором он сам себе не хо-

тел признаться, давно уже не составляло тайны для профессора. Вдали от него это намерение могло только укрепиться. Куприянов надеялся, что Широков еще передумает.

– Лучше всего отправить с вами Лежнева, – сказал Козловский.

На том и порешили. Лежнев завтра должен был вернуться в лагерь вместе с Вьеньянем и Синьгом.

– Изготовить металл, могущий выдержать температуру в одиннадцать тысяч градусов, нелегко, – сказал Неверов. – Если этого не удастся сделать, то придется прибегнуть к токам высокой частоты. Тогда мы обойдемся меньшей температурой.

– Я уже говорил, что это нежелательно, – ответил Мьеньонь. – Но, если не будет другого выхода, придется помириться с ухудшением качества металла двери.

– Что сказал Мьеньонь? – спросил Куприянов, когда совещание окончилось и они с Широковым шли «домой». – Почему вы не перевели его слова?

– Гомо гомини люпус эст[1], – ответил Широков, – вот смысл его слов. К сожалению, он совершенно прав.

– Прав, но не по отношению ко всей Земле, – сказал Куприянов.

– Это я ему сказал, и он согласился со мной, – ответил Широков.

[1] Гомо гомини люпус эст (лат.) – «Человек человеку волк»

ЗЕЛЕНАЯ ПЛАНЕТА

В этот вечер Широков долго разговаривал с Диегонем. Этот разговор был продолжением того, который возник в палатке звездоплавателей в связи с известием о ранении каллистянского астронома.

Мьеньонь, которого забыли предупредить о просьбе Синьга, ничего не стал скрывать от своих товарищей.

Широков с напряженным вниманием следил за каждым словом инженера. Он опасался, что причины покушения будут изложены неправильно. Так и случилось. Тогда Широков сам начал говорить. Он прочел каллистянам целую лекцию и сам удивился, как хорошо это ему удалось. Звездоплаватели отлично поняли все, что он говорил, и засыпали его вопросами. Беседа о современной жизни на Земле затянулась до полуночи.

Когда она кончилась, Широков вышел из палатки, решив немного посидеть на воздухе перед сном. Через несколько минут к нему присоединился Диегонь.

– Как быстро и хорошо вы овладели нашим языком! – сказал он.

– Еще недостаточно хорошо, – ответил Широков.

– Правда, что Ляо Сен знает восемнадцать языков?

– Теперь уже девятнадцать.

– Нашим языком он владеет хуже, чем вы. Мне кажется просто невероятным, что человек может удержать в памяти девятнадцать различных языков. У нас всегда существовал только один язык.

– Расскажите мне о вашей родине, – попросил Широков.

Диегонь поднял голову и стал смотреть на звезды. Небо было безоблачно, и туманная полоса Млечного Пути казалась очень яркой. Ночь была теплой, но Широков видел, как каллистянин плотнее застегнул меховой воротник. Для него было слишком холодно.

– Рьельос, – сказал он, – не виден у вас.

– Он виден зимой.

– Да, я знаю. У вас тепло сменяется холодом и опять теплом. «Льетьо» сменяется «зимьой». (Он по-русски сказал эти два слова.) Нам трудно представить себе, как вы живете в таком сменяющемся климате. К тому же и «льетьомь» у вас холодно.

– Мы к этому привыкли, – сказал Широков.

– Да. И поэтому ваша кожа такая светлая. Мне нравится ваша планета. Я хотел бы еще раз посетить ее.

– Вы думаете, что полет к нам будет повторен?

– Конечно. И вы прилетите к нам. Общение двух планет, раз начавшись, будет продолжаться. Но мне, конечно, не удастся еще раз попасть на Землю.

– Почему?

Диегонь повернул голову к Широкову. Его черное лицо плохо различалось в темноте.

– Мне странно слышать от вас такой вопрос, – сказал он. – Так же, как на Земле, на Каллисто существует старость и люди не вечны. Не забудьте, что на полет туда и обратно требуется одиннадцать лет, по нашему счету.

– Вы еще не стары.

– Мне тридцать шесть лет.

«Семьдесят два по-нашему», – подумал Широков.

– Я не был на вашей планете, – сказал он, – и очень хочу попасть на нее.

– В вашем возрасте это вполне осуществимо. Мне почему-то кажется, что вы полюбите нашу Каллисто.

– Я ее уже люблю, – сказал Широков.

Диегонь ласково положил руку на руку Широкова.

– Мы это видим, – сказал он. – И больше всех полюбили именно вас и именно за это. Мы были бы рады взять вас с собой, когда будем возвращаться на Каллисто.

Широков вздрогнул всем телом от этих слов, отвечавших на его сокровенные мысли. Он смешался, покраснел и был рад, что благодаря темноте его собеседник не видел этого.

– Расскажите мне о вашей родине, – вторично попросил он.

– Вы о ней уже много знаете.

– Нет, совсем немного. Даже очень мало. У нас очень смутные представления о вашей жизни. Как вы живете сейчас? Как жили раньше? Нам кажется, что каллистяне прошли тот путь, который проходят сейчас народы Земли. Я вам рассказывал об этом. Было ли у вас такое же время?

– Земля и Каллисто, – ответил Диегонь, – родные сестры. Как природа и люди Каллисто похожи на природу и людей Земли, так и история обеих планет имеет много общего. Была ли у нас другая жизнь? Да, была и не менее тяжелая, чем та, о которой вы сегодня говорили. Много веков на Каллисто существовало два класса. Вы видели снимки наших жилищ. Это прекрасные здания, достойные того, чтобы в них жил человек. Но так было не всегда. Было время, когда огромное большинство населения жило в условиях неимоверной

нищеты. Вы помните, недавно нам показывали картину, «кьиньо», о жизни вашей черной расы в «Афьрьнкье». Там были хижины из ветвей растений и люди ходили почти голыми. Вот так и жили каллистяне. Рабский труд и полное бесправие были уделом сотен миллионов. У нас всегда был только один народ, и поэтому для войн, подобных вашим, не было оснований. Но на Каллисто все же лилась человеческая кровь. Класс хозяев, считавшихся божествами, натравливал одну часть населения на другую, пользуясь для этого самыми дикими суевериями сплошь безграмотного населения. Но со временем сознание несправедливости существующего порядка все больше росло и укреплялось в среде рабочих. Росла их организованность, а развивавшаяся техника повлекла за собой и распространение грамотности. Потребовался грамотный рабочий. История развития нашей революционной мысли слишком длинна я сложна, чтобы говорить о ней сейчас. В свое время вы прочтете наши книги и узнаете, как это было. Наша революция была бескровной. Она свергла класс хозяев. Двести пятьдесят лет тому назад, по вашему счету, этот класс исчез совсем. Каллисто стала зеленой… Сейчас у нас нет ни одного человека, не имеющего самого широкого образования.

Диегонь говорил быстро и горячо. Широков не все понял из его рассказа, но ни словом не перебивал рассказчика. Когда каллистянин замолчал, он спросил:

– Почему вы сказали, что Каллисто стала «зеленой»?

– Объяснение этому слову надо искать в нашей истории, – ответил Диегонь. – Люди, боровшиеся за свободу, назывались «зелеными».

– Какой же общественный строй у вас сейчас?

– Очень простой. Каждый трудится для всех и все для каждого. Богатства планеты принадлежат всем. Каждый имеет возможность полностью удовлетворить свои потребности.

– У нас такой строй называется коммунизмом, – сказал Широков.

– «Кьомьуньизьмь», – с трудом повторил Диегонь. – Объясните, что это означает.

– В прежние времена,-сказал Широков, – у нас люди жили в нищете, кроме небольшой кучки хозяев. Потребности большинства не удовлетворялись. Плоды людского труда шли в пользу немногих, а те, кто создавал эти плоды, не могли жить по-человечески. Такая система еще не везде исчезла на Земле и называется у нас «эксплуататорской». Я не могу перевести это слово на ваш язык.

– Я понимаю, – сказал Диегонь.

– Сейчас, – продолжал Широков, – на половине нашей планеты другой принцип. Мы требуем от каждого отдать все, на что он способен, и даем ему по результатам его труда на пользу всех. Это промежуточная стадия. Мы стремимся к другому. Чтобы каждый человек отдавал обществу все свои способности, а получал все, что ему нужно, независимо от результатов его труда. Это и будет то, что мы называем коммунизмом.

– В этом смысле у нас именно такая система, – сказал Диегонь. – Каждый берет то, что ему нужно.

– Значит, у вас коммунистическое общество. А кто руководит работами, кто составляет планы, следит за их выполнением?

– Раз в десять лет мы избираем совет старейшин. Ему все обязаны подчиняться.

– А если кто-нибудь не захочет?

– Таких случаев никогда не было.

– Ну, а если бы все-таки? Ведь аппарата принуждения у вас нет?

– Не представляю себе такого случая, – сказал Диегонь. – Мы же сами выбираем совет, и он действует в интересах всех. Все заинтересованы в выполнении общих работ.

– Обязательное рабочее время у вас существует?

– Принято работать четыре-пять часов. Кто здоров, тот работает.

– И никто не пытается уклониться от труда?

– Зачем же! – с искренним удивлением ответил Диегонь. – Мы никого не заставляем работать. Если человек не участвует в какой-либо общей работе, то, значит, он делает какую-нибудь другую. Например, я много лет работал над проектом звездолета. Все это время я не принимал участия в другой работе.

– Вы меня не понимаете, – сказал Широков. – Я говорю о том, что кто-нибудь может ничего не делать и жить за счет труда других.

– Теперь я понял, – сказал Диегонь. – Видите ли, Пьетья (Синьг и Диегонь называли Широкова по имени, по его собственной просьбе), дело в том, что изменение отношений между людьми изменяет их взгляды на труд. В первые десятилетия нашей «зеленой» жизни такие явления, конечно, были. И аппарат принуждения у нас существовал. Иначе не могло быть. Люди получали по своим потребностям, но только в том случае,

если они работали установленное время и качество их труда было таким, как надо. Но время шло, новые отношения становились привычными, сознание людей менялось. И метод принуждения постепенно исчез сам собой, так как не к кому стало применять его. Сейчас, если человек ничего не делает, то это означает, что он болен или сильно утомлен. И в том и в другом случае отдых ему необходим. Это уже относится к области медицины.

Широков долго молчал.

– Все, что вы говорите, – сказал он, – доказывает мне, что на Каллисто исчезли многие понятия, существующие на Земле. Ваш прилет покажет людям, что получается, когда исчезнет эксплуатация человека человеком. Пример Каллисто – мощный толчок для тех, кто не идет еще по пути нашей страны. Он будет иметь огромные последствия.

– Мы будем рады, если наше посещение вашей планеты чем-нибудь поможет вам. Мы видим на примере Ю Син-чжоу, что у вас не все благополучно.

– Вы еще многого не знаете, – со вздохом сказал Широков. – Наша революция труднее вашей и именно потому, что у нас не один, а много народов. Что вы думаете о покушении Ю Син-чжоу? Как вы его расцениваете? – задал он вопрос, который не переставал мучить его.

– Так же, как и вы, – просто ответил каллистянин.

Он сказал это так, что Широков сразу понял, что его опасения ложны.

– Мы вас хорошо понимаем, – Диегонь провел пальцами по лбу Широкова. Все уже знали, что этот жест

был на Каллисто выражением ласки. – И мы всегда искренни с вами. Покушение Ю Син-чжоу вам так же тяжело, как и нам. Мы это знаем.

«Что, он мысли мои прочел, что ли?» – подумал Широков.

Ему трудно было вести этот разговор. Он еще недостаточно свободно владел языком. Было ясно, что общественное устройство на Каллисто во многом походило на то, к которому стремились коммунисты, но не все было понятно. Он мог задать еще тысячу вопросов.

– Существует у вас семья? – спросил он.

– Ответ содержится в самом вашем вопросе, – ответил Диегонь. – Раз на нашем языке есть слово «семья», то, следовательно, сна существует.

Он вынул из нагрудного кармана фотокарточку. Широков зажег фонарик. На снимке были изображены шесть человек каллистян, сидящих на ступенях каменной лестницы.

– Этот снимок, – сказал Диегонь, – сделан перед самым отлетом с Каллисто. Эти шестеро – мои дети. Как видите, они вполне взрослые. От пятнадцати до двадцати пяти лет. Чтобы проститься со мной, они съехались вместе.

Широков внимательно рассматривал фотографию. Двое изображенных на ней особенно привлекли его внимание. Они были одеты в такие же костюмы, как и остальные, но нежный овал их лица, поза и весь внешний облик указывали на то, что он впервые видит женщин Каллисто. Несмотря на непривычный облик, они показались ему очень красивыми.

– Это ваши дочери? – спросил он.

– Да. Льетьи и Мьеньо. Они самые младшие. Вы полюбите их, когда будете на Каллисто.

– Почему вы так уверены, что я буду на Каллисто? – спросил Широков.

Ему показалось, что Диегонь пристально посмотрел на него в темноте.

– Я для вас чужой человек, – сказал каллистянин, – но если вы хотите послушать совета просто старшего товарища, то перестаньте скрывать то, что всем ясно. Ваше желание лететь на Каллисто ни для кого не тайна. И, насколько я понимаю, это желание не встречает возражений. Вы говорили с Куприяновым?

– Я поговорю с ним, – ответил Широков.

– Хорошо сделаете. Профессор любит вас, но он поймет и одобрит.

– Вы любите своих детей? – спросил Широков, меняя тему.

– Как и все, – ответил Диегонь. – Дети – цветы жизни.

Широков вздрогнул от неожиданности.

– Откуда вы знаете это выражение?

– Оно очень древнее.

– Это замечательно! – сказал Широков. – Дети – цветы жизни! Это самая прекрасная мысль, которая когда-либо была высказана у нас на Земле. И это ваша мысль, выраженная в точности теми же словами! Изумительное совпадение!

В МОСКВУ!

На следующий день, четырнадцатого сентября, инженеры правительственной комиссии, Лежнев и два каллистянских инженера – Мьеньонь и Ньяньиньгь – вылетели из лагеря в Москву.

Предстоявшая им задача была чрезвычайно ответственна и срочна. На советских заводах из земных материалов нужно было изготовить аппарат для резки, а затем для сварки металла, из которого был сделан звездолет.

Как уже выяснилось раньше, для этого было необходимо прежде всего получить сплав, способный выдержать температуру в одиннадцать тысяч градусов, а таких сплавов еще никогда не изготовляли на Земле. Газ для сварочного аппарата тоже был неизвестен.

Все понимали, что если не удастся добиться успеха, то звездоплаватели будут обречены навсегда остаться на Земле и не увидят больше своей родины. Нечего и говорить, что люди были готовы совершить невозможное, но не допустить такого конца космического полета.

Каллистяне, несомненно, отдавали себе отчет в серьезности своего положения и понимали, что спасти их может только техника Земли, сила ее промышленности. Они, конечно, сильно волновались, но внешне ничем не проявляли этого. Их поведение и отношение к людям оставались прежними.

Только раз Широков услышал среди них тревожный разговор. Он постарался, как мог, успокоить своих

друзей и внушить им веру в благополучный исход.

Прощаясь с Мьеньонем, Диегопь сказал ему:

– Помните, что от вас зависит, увидим ли мы когда-нибудь нашу Каллисто.

– Я не меньше вашего хочу ее увидеть, – ответил инженер.

– Все зависит от того, что смогут сделать для нас, – сказал Ньяньиньгь.

– Все! – убежденно воскликнул Широков.

– Желать, – ответил ему Мьеньонь, – это еще не значит иметь возможность выполнить желаемое. Мы нисколько не сомневаемся в вашей готовности помочь нам, но…

– На Земле есть все, что необходимо, – настойчиво повторил Широков.

– Не сомневайтесь! Советское правительство сделает все, чтобы обеспечить вам возвращение на родину.

– Будем надеяться, – грустно ответил каллистянин. – Ничего другого нам не осталось.

– Анатолий Владимирович! – по-русски сказал Широков Лежневу. – Не давайте им приходить в отчаяние. Почаще говорите с ними. Могут на первых порах случиться неудачи. Поддерживайте в них бодрость и уверенность в конечном успехе.

– Мне самому до слез жалко их, – ответил Лежнев.

В этот день с самого утра, погода стала хмуриться. Временами накрапывал мелкий осенний дождь. В низинах не расходился ночной туман. Вершина звездолета смутно проступала в колеблющейся дымке.

Настроение обитателей лагеря соответствовало погоде. Все были хмуры и неразговорчивы.

Куприянов предложил каллистянам переодеться в земную одежду, но они решили остаться в своих серых комбинезонах с красными воротниками.

Их головы были непокрыты. На Каллисто не употребляли головных уборов.

Широков поговорил с Синьгом, вернувшимся вместе с Вьеньянем из Курска, и с его помощью уговорил звездоплавателей взять плащи с капюшоном для защиты от дождя.

Они согласились с видимой неохотой.

– Скоро наступит зима, – говорил Широков. – Будет очень холодно. Если вы не переоденетесь, то неизбежно заболеете.

– Мы подумаем, – отвечали ему.

Куприянов и Широков понимали, что если бы не угроза никогда не увидеть Каллисто, звездоплаватели не возражали бы против земной одежды. Они хотели в ожидавшей их чуждой обстановке сохранить хотя бы платье своей родины.

В этот день утром в лагерь пришло письмо из Америки, адресованное Диегоню. Так как оно было написано по-английски и Диегонь все равно не мог без переводчика прочитать его, Козловский попросил Широкова перевести это письмо. Оно было передано из Нью-Йорка по бильдаппарату и прислано из Москвы фотопочтой.

Американский стальной король предлагал каллистянам свои услуги. Он ручался, что в короткий срок изготовит требуемый сварочный аппарат, синтезирует нужный для него газ и вообще сделает все, что нужно для исправления «сердца» звездолета. В письме заклю-

чался тонкий намек на то, что диверсия была произведена с ведома Советского Союза.

– Довольно неуклюжий маневр, – сказал Козловский, выслушав перевод.

– А его уверенность в успехе – преждевременна.

– Что будем делать с письмом? – спросил Широков.

– Немедленно передадим адресату, – ответил Козловский. – Хорошо, что Мьеньонь и Ньяньиньгь еще не уехали.

– А если… – начал Широков, но Козловский перебил его.

– А если они согласятся, – сказал он, – то мы примем меры как можно скорее доставить их в Америку. Вот и все. – Неожиданно для Широкова он рассмеялся. – Я прошу вас, Петр Аркадьевич, передать и перевести это письмо в присутствии Лемаржа и профессора Маттисена. Они понимают английский язык. Это для того, чтобы они могли подтвердить, что письмо Диегонем получено и он знает его содержание.

– Вы думаете?..

– Я ничего не думаю Думать должны каллистчне.

– А этот намек?

– Если они не поймут, то разъясните им.

Широков в точности выполнил поручение. Он сделал это не без тайного опасения. А что, если каллистяне согласятся? Об Америке они знают достаточно.

– Ну что? – спросил Козловский, встретившись через полчаса с Широковым.

– Диегонь только рассмеялся; а Мьеньонь другими словами повторил то, что сказали вы, – «неуклюжий маневр».

Козловский пожал плечами.

– Удивляюсь, – сказал он, – что вы так плохо понимаете их. Разве можно было в этом сомневаться?

Письмо из Америки оказалось не единственным. Весь день приходили аналогичные письма и телеграммы со всех концов мира. Казалось, что во всех странах испытывали горячее желание помочь каллистянам в постигшей их беде. Широков добросовестно читал все эти послания Диегоню, пока каллистянин сам не попросил его прекратить чтение этих писем.

– Мы вверили свою судьбу вам, – сказал он. – Вы наши братья. Нам и так уже надоели газеты, которые вы нам читаете.

В лагере получались многие зарубежные газеты, и Козловский требовал, чтобы каллистяне были в курсе того, что в них писалось. Диверсия на звездолете и ранение Вьеньяня были в центре внимания мировой печати. Подавляющее большинство газет осуждали совершенное преступление и помещали на своих страницах протесты и негодующие письма Академий, научных институтов и обществ, учащейся молодежи всех стран и отдельных крупных ученых. Покушение на гостей Земли вызвало бурю негодования во всем мире. Но были и такие газеты, которые использовали сообщение о диверсии для клеветнических выпадов по адресу Советского Союза, и именно об этих газетах и говорил Диегонь.

Оставаться в лагере больше было нельзя. Осень вступала в свои права. «Иностранный лагерь» уже ликвидировался. Некоторые его обитатели переехали в Москву, чтобы там продолжать работу, другие верну-

лись на родину. Пора было всем уезжать отсюда.

Куприянов собрал совет, на котором присутствовали все каллистяне и члены экспедиции. Было решено переехать в Москву утром шестнадцатого числа.

– А вы, Николай Николаевич, – спросил Широков, зайдя вечером в палатку секретаря обкома, – неужели нам придется расстаться с вами?

– А зачем я вам?

– Вы поедете в Москву? – радостно спросил Широков, увидя в глазах своего собеседника лукавые огоньки.

– К сожалению, – шутливо ответил Козловский. – Такова уж моя горькая участь. Моя жена и то уж ворчит.

– Вы так полюбили каллистян, – сказал Широков. – Мне очень жаль, что вы не можете сами говорить с ними. Почему вы не учитесь их языку?

– Я его немного знаю, – по-каллистянски ответил Козловский.

Он весело рассмеялся, видя изумление Широкова.

– Этот язык дается мне трудно. Не то, что вам. Но я им обязательно овладею. Я хочу прочесть книги, которые они оставят на Земле, а когда звездолет прилетит вторично, я буду говорить с ними. Я твердо решил дожить до этого.

– Если бы я знал, – сказал Широков, – то помог бы вам.

– Мне помогал Лежнев. И не только мне. Еще один член нашей экспедиции изучает язык Каллисто.

– Кто?

– А этого я вам пока не скажу. Узнаете в свое время.

На следующий день погода окончательно испортилась. Весь день шел дождь. Земля стала мокрой, вязкой, и звездоплаватели были вынуждены надеть земную обувь. Их легкие туфли, похожие на сандалии, были совершенно негодны в этих условиях.

Последние две ночи каллистяне провели на звездолете. Они хотели проститься со своим кораблем, на котором провели одиннадцать лет.

Утром шестнадцатого числа вертолет совершил последний рейс на вершину шара. Корабль оставался под охраной полка Черепанова. Вскоре его должны были сменить другие части.

По распоряжению Куприянова звездолет окружали высокой оградой. Со вчерашнего дня автомашины подвозили в лагерь бревна и доски.

Не только каллистяне, но и люди с грустью смотрели на покидаемый корабль. С ним были связаны незабываемые минуты. Но никто не сомневался, что обреченный на неподвижность звездолет рано или поздно снова будет готов к стремительному полету в межзвездных просторах; что придет время – и люди проводят своих гостей обратно на родину. Могучая техника Советского Союза справится с поставленной перед ней задачей.

Внутри корабля, за толстыми двойными стенами, оставалось лежать тело человека, пытавшегося навеки остановить сердце металлического гиганта. Труп будет лежать там до тех пор, пока инженеры не сумеют открыть двери и выбросить его оттуда.

Было неприятно сознавать, что звездолет – замечательное создание разума далекой Каллисто – является

сейчас не чем иным, как временным гробом, но приходилось свыкнуться с этой мыслью. Изменить пока ничего было нельзя.

Лагерь представлял собой унылую картину. Мокрые палатки стояли «нахохлившись». Всюду были лужи и невылазная грязь.

Куприянов предложил перебраться на аэродром с помощью вертолета, и это предложение было с удовольствием принято всеми. Путешествие в автомобилях по размытой дороге предвещало мало приятного. Вертолет мог за пять рейсов перебросить всех.

Первыми улетели иностранцы, Широков и Штерн. Кинооператор просил взять его в последний рейс, так как хотел снять отъезд каллистян из лагеря.

Последними вылетели Куприянов, Козловский и кинооператор.

Подполковник Черепанов и его офицеры с грустной завистью провожали их.

– Это были незабываемые дни, – сказал капитан Васильев.

Куприянов снова не узнал поля, на котором когда-то опустились их самолеты. Перед ним был современный, прекрасно оборудованный аэродром с бетонными дорожками.

Самолеты, прилетевшие за ними из Москвы, уже ждали.

– Нам бы хотелось еще раз взглянуть на корабль, – сказал Диегонь.

– Обязательно! – ответил Куприянов, когда ему перевели эту просьбу.

– Я скажу летчикам, чтобы они пролетели над звездолетом.

В Москву улетало двадцать семь человек; десять каллистян, шестеро иностранцев, Козловский, кинооператор и девять членов экспедиции. Профессор Смирнов улетел накануне. Его вызвали в Москву телефонограммой.

В Москве их ждали.

Столица Советского Союза готовилась встретить гостей Земли.

В городе находились многочисленные делегации со всех концов страны.

Академик Неверов вчера позвонил в лагерь и сообщил Куприянову, что вечером в день приезда звездоплаватели будут приняты Председателем Совета Министров и секретарем ЦК КПСС.

ПЕТР ШИРОКОВ

По предложению Штерна, каллистян поселили в обсерватории, так как это было удобно во многих отношениях.

Широков и Ляо Сен, разумеется, были с ними.

Приехав в Москву, они уже не застали Мьеньоня и Ньяньиньга. Лежнев, оба инженера и сопровождающие их земные ученые сразу после приезда и совещания у министра тяжелой промышленности вылетели на Уральский металлургический комбинат.

Они не хотели терять ни одного часа дорогого для них времени. Пока окончательно не выяснится, может ли техника СССР оказать им помощь, каллистяне не могли быть спокойны.

В Кремле тепло и сердечно встретили жителей дру-

гой планеты. Дружеская беседа продолжалась свыше трех часов.

Ляо Сену и в особенности Широкову пришлось много потрудиться, но они справились со своей нелегкой задачей и обеспечили полное взаимопонимание.

– Мы покажем вам все, что вы захотите увидеть, – сказал председатель Совета Министров. – Товарищ Куприянов об этом позаботится.

По вопросу, больше всего волнующему гостей, секретарь ЦК сказал:

– Я говорил сегодня по телефону с директором комбината. Они думают, что месяца через три – четыре аппарат будет готов. Вы не должны ни о чем беспокоиться. Все, что нужно, будет сделано, и вы вернетесь на Каллисто.

– Передайте нашу глубокую благодарность, – попросил Диегонь.

– Это и в наших интересах, – ответил секретарь ЦК. – Мы хотим, чтобы общение обеих планет продолжалось и впредь. Например, было бы хорошо найти способ обмена взаимной информацией. Это было бы полезно и для нас и для вас.

– Исключительно тяжелая проблема, – заметил Манаенко (все члены экспедиции присутствовали на приеме). – Такое исполинское расстояние…

– Соединенные усилия технической мысли двух планет, – сказал на это секретарь ЦК, – могут сделать даже невозможное возможным.

– Было бы полезно, чтобы люди побывали у нас, – сказал Синьг.

Широкову показалось, что при этих словах все кал-

листяне посмотрели на него. Он смешался и покраснел. Ляо Сен перевел эту фразу за него.

Глава правительства улыбнулся.

– У нас есть основание предполагать, что ваше желание будет исполнено,

– ответил он.

Прием закончился около полуночи.

По просьбе каллистян, автомобили долго кружили по улицам Москвы. Несколько раз москвичи узнавали пассажиров, и тогда вокруг машин мгновенно собиралась огромная толпа. Приходилось останавливаться, переводить гостям слова приветствия и их ответ. Долго не удавалось тронуться дальше.

Только в два часа ночи они, наконец, приехали в обсерваторию.

– Вы умеете встречать друзей, – сказал Диегонь. – Мне хочется надеяться, что и нам предстоит удовольствие встречать на Каллисто людей Земли.

– Вы же слышали, что ответил вам наш Председатель, – сказал Ляо Сен.

– Это время настанет. Не правда ли, Петр Аркадьевич?

Широков не ответил и вышел из комнаты.

Он пошел к Вьеньяню. Каллистянский астроном сразу по приезде лег в постель. Воздушное путешествие, долгий путь по Москве, когда автомобили медленно продвигались по улицам, заполненным народом, вышедшим встречать каллистян, волнение, вызванное, этой встречей, утомили его. Лечение Синьга дало прямо волшебные результаты, но все же недавнее ранение сказалось, и Вьеньянь даже не поехал в Кремль.

«У нас есть основания предполагать, что ваше желание будет исполнено»,

– повторял про себя Широков слова Председателя Совета Министров. «Что он хотел этим сказать? Неужели даже там, в Кремле, знают о моем желании?»

У постели Вьеньяня сидел Синьг. Он рассказывал своему товарищу о приеме в Кремле. Широков услышал, как он сказал:

– Они полны уверенности, что смогут помочь нам.

– Так оно и будет! – Широков присел на край постели. – Как вы себя чувствуете?

– Завтра Вьеньянь будет совершенно здоров, – ответил Синьг. – Все это простое утомление.

– Какое впечатление на вас произвела Москва? – спросил Широков.

– Нам еще трудно ответить на этот вопрос, – сказал Синьг. – Мы плохо видели. Встреча, устроенная нам людьми, поглотила все наше внимание. Но Москва мне лично показалась красивым городом.

– У вас мало растений, – сказал Вьеньянь. – Многие улицы представляют собой сплошной камень. Вы на меня не обидитесь, если я скажу откровенно? Архитектура мне не понравилась. У нас в домах больше света.

– Климат, не позволяет нам строить такие здания, как у вас, – сказал Широков. – Мы должны думать о защите от холода. Но если вы попадете в южные страны, то увидите там дома, похожие на ваши. Скоро может состояться второй полет к нам? – спросил он.

– Не думаю, чтобы скоро, – ответил Вьеньянь. – На путь от Каллисто до Земли и обратно требуется одиннадцать лет, двадцать два по-вашему, но я не сомнева-

юсь, что он будет совершен. Впрочем, – прибавил он, ласково посмотрев на Широкова, – если мы не ошибаемся, может легко случиться, что второй полет состоится вскоре после первого. Если мы правильно понимаем намерения одного человека…

Синьг засмеялся.

– Я думаю, что мы поняли правильно, – сказал он, кладя руку на плечо Широкова.

– Если так, – сказал Вьеньянь, – звездолет будет вторично на Земле через двадцать пять лет по вашему счету. Раньше чем через три года мы своего гостя не отпустим.

В эту ночь Широков долго не мог заснуть. Он лежал с открытыми глазами в полной темноте и думал. Слова каллистянского астронома звучали у него в ушах.

Двадцать пять лет!

Половина сознательной жизни человека!

И только три года из них пройдут там, на Каллисто. Остальные двадцать два придется провести на звездолете, в таинственной, пугающей неизвестности просторов вселенной.

«Нужно ли это? – думал он. – Есть ли смысл тратить драгоценные годы?»

Может быть, впервые перед ним ясно встало все, что ожидает его, если он осуществит свое желание. Отказ от всех прежних намерений, всех планов в жизни. Полный переворот его судьбы…

Он встал и подошел к окну, поднял штору.

Огромным заревом разливалось необъятное море городских огней. Далекими красными точками сверкали звезды Кремля. Там услышал он фразу, из которой по-

нял, что руководители страны одобряют его намерение. Слова Председателя Совета Министров нельзя было понять иначе.

«Это нужно! – говорил ему внутренний голос. – Половина твоей жизни пройдет не напрасно. Живое слово о жизни другой планеты, другого человечества, все, что ты увидишь и узнаешь, принесет огромную пользу людям».

«Но достоин ли я быть избранником человечества? – встал перед ним тревожный вопрос. – Хватит ли у меня знаний, способностей и сил, чтобы успешно справиться с исполинской задачей, которую я хочу взять на себя? Может быть, кто-нибудь другой был бы полезнее на моем месте?»

Эта мысль заставила сжаться его сердце. Он чувствовал, что не может уже отказаться от мечты, которая с такой силой овладела им. Далекая Каллисто непреодолимо влекла его к себе.

Наступающий рассвет уже погасил все звезды на небе, а Широков все еще стоял у окна. Он знал, что сегодня его судьба решится окончательно. Сегодня он открыто скажет о своем намерении и получит ответ.

Он думал о своей жизни, стараясь для самого себя решить вопрос, – пригоден ли он к выполнению задачи, которую сам же поставил перед собой.

Какие у него права считать себя достойным доверия всего человечества? Разве то, что он изучил язык Каллисто? Да еще, пожалуй, его молодость.

Но этого было так мало!

О том, что он талантливый ученый, человек с широким кругозором, он не подумал.

«С моей стороны даже дерзко мечтать об этом. Есть десятки людей, которые могут захотеть стать на мое место. Людей, жизнь которых дает им большее право на это. Кто я такой? Обычный, рядовой человек и хочу взять на себя такую почетную роль – представителя Земли на Каллисто».

Он заснул с тревожным чувством, решив утром же поговорить с Куприяновым. Профессор обещал приехать в обсерваторию в девять часов утра.

ВДВОЕМ!

Нескончаемо долго тянулось для Широкова это утро. Он почти не отходил от окна, ожидая появления знакомого автомобиля. Но его все не было.

Когда часы показали, что назначенное время прошло, а профессор все еще не приехал, Широков не выдержал и пошел к Штерну.

Он нашел директора обсерватории в его кабинете, том самом, в котором они все провели памятную ночь на двадцать восьмое июля, когда еще таинственный космический корабль летел над Землей и неизвестно было, где он намерен опуститься.

Словно вечность прошла с той ночи!

Штерн был не один. Он сидел в том же кресле, и в той же позе, как и тогда, вытянув короткие ноги и скрестив руки на животе. Напротив него, на диване, сидел Козловский.

– Разрешите? – спросил Широков, останавливаясь в дверях.

Штерн повернул голову.

– Петр Аркадьевич! Рад вас видеть, – сказал он таким тоном, как будто они не виделись уже несколько дней. – Садитесь!

– Вы не знаете, когда приедет Михаил Михайлович? – спросил Широков.

– Уже соскучились? – усмехнулся Козловский.

– Михаил Михайлович только что звонил, – ответил Штерн. – Он немного задержится. Будет здесь часа в два.

– Дайте мне машину. Я поеду к нему.

– Машина всегда к вашим услугам, – ответил Штерн. – Но разве это так срочно?

– Я не могу ждать.

– Где же вы будете искать Куприянова? – спросил Козловский, который в продолжение всего разговора ласково и внимательно наблюдал за молодым человеком. – Не лучше ли подождать его здесь? Вы напрасно волнуетесь. Михаил Михайлович знает, что вы хотите ему сказать, как знаем это и мы. Теперь он одобряет ваше намерение.

– Теперь?..

– Сначала он был против. Но его убедили, что это нужно…

– Вы не знаете, что меня мучает, – перебил Широков.

– Возможно, – мягко сказал Козловский. – Многое может мучить человека перед таким шагом. Но вопрос о вашей пригодности к роли представителя Земли на Каллисто… – Широков в изумлении посмотрел на секретаря обкома. Козловский улыбнулся, – … давно обсужден и решен положительно, – докончил он.

Штерн положил руку на руку Широкова.

– Отбросьте от себя все сомнения, – сказал он, – Наша планета может только гордиться, что ее представителем будет такой человек, как вы. Велика и почетна задача, стоящая перед вами. Я дорого дал бы за то, чтобы быть на вашем месте, но годы… Идите вперед не оглядываясь!

– Ну так как же? – спросил Козловский. – Поедете искать Куприянова?

– Я подожду его, – сказал Широков.

– Михаил Михайлович хорошо знает вас, – сказал Штерн. – Он первый догадался обо всем. Правда, он противился вашему намерению, но потом, как вам сказал Николай Николаевич, понял, что это разумно и нужно. Вопрос был рассмотрен со всех сторон. Вам об этом не говорили потому, что мы не хотели влиять на ваше решение. Мы и так были уверены в нем. Если бы вы передумали… Да что глупости говорить! Разве можно отказаться от такого великого дела! Вопрос заключался только в том, как отразится на вашем здоровье пребывание на Каллисто. По этому вопросу Куприянов советовался с Синьгом, и они пришли к заключению, что все будет в порядке…

– С Синьгом?

– А с кем же еще? Каллистяне очень полюбили вас и рады, что именно вы хотите посетить их родину.

– Почему вы не сказали мне об этом раньше?

– А почему вы сами молчали? Единственное, что нас смущало, – это то, что вы полетите один.

– Смущало?..

– Да, но теперь больше не смущает, – сказал

Штерн. – У вас нашелся товарищ.

Широков стремительно выпрямился.

– Кто? – порывисто спросил он.

Мгновенно мелькнуло воспоминание… Козловский изучал язык Каллисто… Неужели он?!.

– Георгий Николаевич Синяев, – ответил Штерн. – Его влечет то, что вас должно пугать, – двадцать два года полета на космическом корабле.

– Синяев…

– Вы как будто разочарованы? – спросил Козловский.

– Нет, но я думал… Мне показалось…

– Что это буду я? Скажу откровенно, имел такое намерение, но мне дали понять, что этого не следует делать. Я ведь не ученый и не могу принести большой пользы.

– Георгий Николаевич проделает на звездолете огромную работу, – сказал Штерн. – На корабле хорошие астрономические инструменты, и у него с избытком хватит дела на все двадцать два года. А вы получите товарища, с которым легче будет перенести долгую разлуку с Землей. Что ни говорите, а это нелегко. Вдвоем будет легче.

– Синяев не знает языка каллистян.

– Знает, правда, еще плохо, – сказал Козловский. – Вы помните, в лагере я говорил вам, что, кроме меня, еще один человек берет уроки у Лежнева.

– Давно он задумал это?

– Вероятно, тогда же, когда и вы. Но сказал об этом перед отъездом из лагеря.

– Это очень неожиданно, – сказал Широков. – И для

меня очень радостно. У Георгия Николаевича есть семья?

– Да. Он, как и вы, не женат, но его родители живы. У него есть сестра и два брата. Ему указали на это обстоятельство, но он остался при своем решении. Я был у него, и он при мне говорил с ними. – Козловский нервно потер руки. (Широков хорошо знал этот жест, выражавший волнение.) Конечно, родителям тяжело. Они могут никогда больше не увидеть сына. Двадцать пять лет – не шутка. Его отец, старый коммунист, участник гражданской войны, понимает, что сын идет на великий подвиг. Он одобряет его. Сестра… братья, конечно, но мать… Что тут можно сделать? Но он тверд.

– Ему, должно быть, гораздо тяжелее, чем мне, – задумчиво сказал Широков.

Он сам был одинок. Его родители погибли во время Великой Отечественной войны в блокированном Ленинграде. Братьев и сестер не было.

Он был теперь совсем спокоен. Его желание встретило полное понимание и сочувствие. Куприянов, разговора с которым он боялся, по словам Козловского, не будет его отговаривать. Неожиданное известие, что он не окажется один на звездолете и на Каллисто, было не только приятно. Когда ему сказали, что у него есть товарищ, он понял причины своих колебаний. Это был страх перед полной оторванностью от людей, полным одиночеством среди каллистян, все же чуждых и не совсем понятных существ. Лететь на Каллисто вдвоем с молодым астрономом – это совсем не то, что одному.

– Его решение очень радостно для меня, – повторил Широков.

– Так же, как ваше для него, – сказал Штерн.

– Он обо мне знает?

– Пока еще нет, но, когда узнает, то будет, конечно, очень рад. Мы ведь и вам ничего не говорили о нем, пока вы сами не сказали о своем решении.

– В сущности говоря, – засмеялся Широков, – я вам ничего не говорил. Я только сказал, что хочу поговорить с Михаилом Михайловичем.

Несмотря на заверение Козловского, Широков с волнением ожидал приезда Куприянова. Он знал, каким тяжелым ударом является для профессора его решение, знал, каким чисто отцовским чувством любил его учитель. Но и ради него Широков не мог отказаться от полета на Каллисто.

Он ушел в отведенную ему комнату. До разговора с Куприяновым он не хотел ни с кем больше говорить и никого не хотел видеть.

Профессор приехал, как и обещал, в два часа. Должно быть, Штерн или Козловский сразу рассказали ему об утреннем разговоре, потому что не успел Широков, совладев со своим волнением, подойти к двери, как она открылась, и профессор сам вошел к нему.

Широков ожидал увидеть расстроенное лицо, услышать упреки в скрытности, но ошибся. Лицо Куприянова было таким же, как всегда.

Разговор получился гораздо проще, чем ожидал Широков. Только потом, вспоминая подробности этого разговора и выражение лица Куприянова, Широков понял, что внешнее спокойствие было маской, за которой профессор хотел скрыть свое истинное состояние.

Он не сказал ни одного слова упрека, подробно рас-

спросил о планах Широкова и одобрил их. Поговорил даже о том, кого можно поставить на его место в институте.

– Сегодня вечером, – сказал он под конец, – я соберу совещание с участием каллистян. Там мы уточним все подробности.

Он встал, минуту словно колебался, потом резко повернулся и направился к двери. Уже взявшись за ручку, долгим взглядом посмотрел в глаза Широкову, который медленно шел за ним, и сказал:

– Только мы с вами, Петя, никогда больше не увидимся.

И вышел.

До самого совещания, которое было назначено в кабинете Штерна на шесть часов вечера, Широков не выходил из своей комнаты. Он преодолел в себе последние сомнения. С этого времени, и до самого старта звездолета он шел вперед к поставленной цели, не оглядываясь. За эти часы он решился окончательно, и ничто больше не могло поколебать его решения.

Когда он увидел, что приехал президент Академии, он направился к Штерну. В коридоре он встретился с Синяевым. Молодой астроном уже знал, что у него будет спутник.

Широкову показалось, что его лицо, с чисто русскими чертами, немного вздернутым носом и шапкой густых каштановых волос, стало другим. Оно как будто постарело, осунулось, и только глаза оставались, как прежде, оживленными. Чувствовалось, что нелегко далось этому человеку его решение.

Широков и Синяев никогда не были дружны и даже

мало знали друг друга. Они только месяц назад впервые познакомились, но, встретившись теперь у двери кабинета Штерна, дружески обнялись. На долгие годы они станут больше, чем друзьями.

– До конца! – сказал Синяев.

– До конца! – ответил Широков, Они вместе вошли в кабинет. Перешагнув порог, точно по уговору, одновременно оглянулись назад…

Позади оставалась прежняя жизнь. Впереди ждала другая – неизвестная и немного пугающая, но они смело шли ей навстречу.

Оба знали – пути назад уже нет. Но они и не хотели возвращаться назад!

Глава четвертая

КОЛЛЕКТИВНЫМИ УСИЛИЯМИ

Отказ каллистян от помощи западных фирм, их решение вручить свою дальнейшую судьбу Советскому Союзу было воспринято общественным мнением всех стран мира как закономерное и естественное явление. Только немногие газеты и журналы попытались использовать этот отказ для возобновления клеветнической кампании, вновь обвиняя СССР в желании монополизировать космический корабль и даже выражая «опасение», что каллистяне действовали «под нажимом русских» и их решение не было добровольным.

В эти дни заголовки газет пестрели противоречащими друг другу высказываниями.

«КАЛЛИСТЯНЕ – ПЛЕННИКИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!»

– писали враждебно настроенные журналисты.

«КАЛЛИСТЯНЕ – ДРУЗЬЯ СОВЕТСКОГО НАРОДА!»

– отвечали другие, и таких было большинство.

«ОТКАЗ КАЛЛИСТЯН ОТ ПОМОЩИ ЗАПАДНЫХ ФИРМ – ПРОИСКИ СССР!»

«ОТКАЗ КАЛЛИСТЯН ОТ ПОМОЩИ ЗАПАДА ВПОЛНЕ ЗАКОНОМЕРЕН! СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ СПАСЛИ КАЛЛИСТЯН, И ОНИ ЖЕ СПАСУТ ИХ КОРАБЛЬ».

Одна влиятельная английская газета высказала, правда в осторожной форме, сомнение в том, что Широков правильно перевел Диегоню письма западных фирм. На это надо было ответить, и это сделал профессор Маттисен. Подобно Козловскому, он, из научной любознательности, старательно изучал язык Каллисто и мог уже довольно хорошо читать на нем. Говорить он не стремился, так как не мог справиться с трудностями произношения. Прочесть научные книги каллистян – это было все, что он хотел.

По своим убеждениям шведский биолог не был коммунистом, но он очень уважал науку Советского Союза и не принадлежал к числу его врагов. Возмущенный нелепым вымыслом, он поднял голос в защиту правды. По его просьбе, Широков сделал точный перевод наиболее серьезных писем, в том числе письма американского миллиардера. Сличив перевод с подлинником, профессор Маттисен прочел эти письма Диегоню в присутствии многочисленных корреспондентов иностранных газет, проживающих в Москве.

– Я уже сказал свое мнение об этих письмах, – ответил командир звездолета. – Свою судьбу мы вручили стране, близкой нам по духу, и не изменим этого решения. Кроме того, как бы ни были мощны частные предприятия, они не могут сделать то, что не под силу целой стране.

Маттисен перевел эти слова. Присутствовавший при чтении Бьяининь повторил их на ломаном русском языке, который понимали все корреспонденты.

Подробный отчет об этом «опыте» полетел во все концы света. Никаких сомнений в том, что содержание

писем известно каллистянам и что их решение является добровольным, больше не оставалось Внимание читателей всех стран переключилось на другой вопрос: удастся ли технике СССР помочь каллистянам, будет ли решена эта необычайно трудная задача?

Десятки крупнейших иностранных инженеров обратились к советскому правительству с просьбой разрешить им принять участие в работе. Их предложение было с благодарностью принято. Советские люди последовательно проводили раз принятую линию: космический корабль – гость не СССР, а всей Земли. На Земле он попал в беду. Дело всего человечества выручить каллистян из этой беды.

Лучшие инженерные силы планеты собрались на Уральском металлургическом комбинате, которому была предоставлена честь оказать помощь каллистянам. Ежедневно мир узнавал новости «с поля сражения».

«Бой» был тяжелым. Путь к победе преграждали десятки препятствий. Армия ученых, инженеров и рабочих штурмовала их одно за другим. Техническая и конструкторская мысль упорно работала над изысканием нового оружия в этом бою.

«Враг» долго не сдавался. «Армия» терпела поражения. Но, отступив перед непреодолимой стеной, снова бросалась на нее с другой стороны. Перед дружным натиском этой интернациональной армии одно за другим падали «укрепления» врага.

Этим врагом был металл Каллисто. Его еще не было, но он уже получил название – «кессинд», от каллистянского слова – «кьясьиньд». Никто не сомневался,

что рано или поздно «кессинд» будет в руках людей.

Бой начался с далеких подступов к цели.

Первое сражение было дано… за кирпич!

«Кессинд» обладал огромной тугоплавкостью. Чтобы получить его в жидком виде, требовалось создать температуру свыше одиннадцати тысяч градусов. Подобных доменных печей не существовало. Больше того. Не существовало кирпича, способного выдержать такой жар. Конструкция самой печи, основанная на совершенно новом принципе, подсказанном каллистянами, была сравнительно быстро разработана. Но из чего строить эту печь? Этот вопрос долгое время казался неразрешимым.

Тут уже каллистяне ничем не могли помочь. У них на родине существовал природный материал для постройки высокотемпературных доменных печей, напоминающий внешним видом земной кварц. Но на Земле такого «кварца» не было, а чем его можно заменить, – не знали. Десятки лабораторий бились над этой задачей. Сотни опытов кончались неудачей. Вставала реальная угроза поражения в самом начале.

Весь мир затаил дыхание. Ни одна фирма не осмеливалась больше предлагать свои услуги. Даже газеты, злорадно предсказывавшие неудачу Советского Союза, замолчали. Напряжение борьбы через печать и радио разлилось по всей Земле…

Решение пришло неожиданно и совсем не с той стороны, откуда его ждали.

10 октября утром академик Неверов, как всегда, просматривал почту. Президент привык получать письма со всех концов мира. В последнее время поток писем

был необычайно велик. Всем хотелось принять хоть какое-нибудь участие в работе.

С привычной быстротой президент читал одно письмо за другим, раскладывая их по разным папкам, в зависимости от содержания. Одним из последних ему попалось письмо из Грузии. Оно было написано простым рабочим

– стеклодувом небольшой фабрики стеклянных изделий.

По мере чтения брови академика сдвигались вес ближе. Потом он отложил письмо и задумался.

– Да, – сказал он, наконец, самому себе. – Это стоит попробовать.

Он позвонил.

– Свяжите меня по телефону с президентом Грузинской Академии наук, – сказал он вошедшему секретарю.

Через три дня на Урале в кабинет директора комбината вошел пожилой рабочий. Это был стеклодув Серго Эбралидзе, откомандированный Министерством Грузинской ССР в распоряжение правительственной комиссии по оказанию помощи звездолету Каллисто.

Кроме самого директора, в кабинете находились Мьеньонь, Ньяньиньгь, с неотлучно находящимся при них Лежневым, Смирнов, Манаенко и другие инженеры. Письмо, полученное президентом Академии, лежало на столе.

Эбралидзе прежде всего подошел к каллистянам, протягивая руку.

– Мечтал вас увидеть, – сказал он. – Сбылась мечта. Здравствуйте, товарищи!

Лежнев перевел его слова.

Каллистянские инженеры, улыбаясь, крепко пожали загорелую руку. За это время они привыкли к земному способу здороваться.

– Приступим к делу, – сказал директор.

Прошел месяц, и в одном из корпусов комбината уже стояла небольшая, необычайного вида «доменная печь». Сквозь ее прозрачные стенки были видны приготовленные к расплавлению части будущего сплава – «кессинда».

Печь была… стеклянной!

В этом и состояла идея, предложенная академику Неверову грузинским рабочим. В своем письме он писал:

«Кирпич для постройки доменных печей применялся всегда. Но почему нельзя отказаться от этого привычного способа? Металла нужно немного. Его можно получить не в доменной печи, а в стеклянных колбах. Жароупорное стекло давно известно. Им пользуются в лабораториях».

Возражение, что стекла, способного выдержать нужную для «кессинда» температуру, не существует, в письме было предусмотрено.

«Я потомственный стеклодув, – писал Эбралидзе. – Мои дед и отец всю жизнь выдували стекло. Я тоже занимаюсь этим с юных лет. Уже много лет я работаю над рецептом сверхжароупорного стекла. Имею успехи. Хотел в скором времени подарить это стекло Советскому Союзу. Теперь случилось так, что надо торопиться. Стекло нужно каллистянам. Я берусь сварить стекло, которое выдержит температуру в пятнадцать

тысяч градусов. Изготовить из него колбы легко».

Эбралидзе сдержал слово. Его стекло выдержало все испытания. В специальной лаборатории стеклянную пластинку, изготовленную им, подвергали такому нагреву, которого не могло выдержать никакое другое стекло. Пластинка оставалась целой. Она даже не темнела.

Первый бой можно было считать выигранным.

От получения металла в колбах отказались. Сконструировать печь было нетрудно. Это была та же конструкция, которую предназначили для постройки печи из будущего кирпича. Ее пришлось только немного переделать применительно к новому материалу. В стеклянные стенки для крепости вплавили вольфрамовый каркас. По расчетам, стекло должно было предохранить вольфрам от расплавления.

Вторая задача заключалась в получении равномерного нагрева печи до температуры в одиннадцать с половиной тысяч градусов. Она была решена с помощью сверхвысокого напряжения, для получения которого пришлось изготовить специальный трансформатор.

Печь установили на гранитном постаменте. Выпуск «кессинда» должен был произойти автоматически, так как находиться в этот момент возле печи было опасно. Для этого сконструировали и изготовили специальную аппаратуру.

К середине ноября все было готово к варке металла. Но дальше начались другие трудности.

«Кессинд» был нужен не сам по себе. Из него предстояло сделать сварочный аппарат по чертежам, изготовленным за восемьдесят триллионов километров от

Земли. Для обработки металла нужны были станки. Таких станков не было. Никакой резец, даже сделанный из «победита», не смог бы справиться с твердостью «кессинда».

Профессор Смирнов нашел выход. По его предложению было решено собрать аппарат из кессиндовых частей, соединяя их болтами, также изготовленными из «кессинда». Части и болты отлить в формах, сделанных из стекла Эбралидзе. Металл выпустить из печи прямо в формы, которые, после того как остынут, могут быть просто разбиты.

Несмотря на кажущуюся простоту этого способа, его осуществление потребовало огромных усилий. Не все части можно было соединить болтами. Во многих местах были нужны нарезки. Получить их одной только отливкой, без последующей обработки на станке, казалось невозможным. Нарезка была и на самих болтах, и на гайках к ним. Но искусство советских механиков, токарей и граверов справилось и с этой задачей. Стеклянные формы для всех частей будущего сварочного аппарата были успешно изготовлены. Чтобы расплавленный «кессинд» хорошо заполнил формы, он должен был поступать в них под значительным давлением. Это потребовало устройства сложных механизмов для подачи в печь в нужный момент сжатого воздуха. Когда и это было сделано, еще одно препятствие осталось позади.

Но это было опять-таки не все!

Аппарат работал по принципу земных автогенных аппаратов. Пламя давал газ «ньеоль». Его состав был до сих пор неизвестен на Земле. Этот газ надо было

создать – синтезировать. Но так же, как элементы, из которых состоял «кессинд», элементы «ньеоля» имелись на Земле и были хорошо известны химикам.

Было ли это счастливой случайностью? Нет, это было закономерно. Вся вселенная состоит из ограниченного числа элементов, сведенных великим Менделеевым в его знаменитую таблицу. Все эти элементы в разное время, но были уже найдены на Земле. Других, не имеющих места в таблице Менделеева, в природе не существует.

В эти дни у многих возникал вопрос, – почему же «кессинд» и «ньеоль» не были известны людям до прилета каллистян? На это можно было ответить, что хотя элементов не так много, их сочетаний неисчислимое количество. Возможно, и даже вероятно, что «кессинд» и «ньеоль» были бы, в конце концов, найдены земными учеными и без помощи каллистян. (В этом случае они получили бы только другое название.) Прилет звездоплавателей ускорил появление в технике новых, очень полезных веществ, область применения которых была чрезвычайно обширна.

«На Каллисто нет и не может быть создано ничего такого, к чему бы рано или поздно не пришла бы и наша земная научно-техническая мысль, – писал в эти дни академик Неверов в одной из своих статей. – Наука и техника обеих планет идет одним и тем же путем, но калли-стяне обогнали нас. Это произошло потому, что на их планете ничто не задерживает мощного расцвета научной мысли. Много фактов, которые мы узнали за это время, говорят о том, что всего триста лет назад наука Каллисто находилась на одном уровне с наукой

Земли. Но, когда каллистяне покончили со всеми тормозами науки, создаваемыми капиталистическим обществом – угнетением, бесправием, отсутствием образования у широких масс населения, – они пошли вперед столь быстрыми темпами, что далеко обогнали Землю во всех областях знания. Это естественно, и так это и должно быть. До тех пор, пока человечество не станет одной дружной, трудящейся семьей, наука Земли не сможет догнать науку Каллисто. Одиночке, а капитализм всегда создает одиночек, не по силам то, что легко для коллектива. Один в поле не воин. Наука Советского Союза и братских нам стран идет тем же путем, что и наука Каллисто. Но каллистянам не угрожают войны – это создает им огромное преимущество перед нами».

Но наука и техника Земли были все же достаточно мощны, чтобы, получив в свои руки формулу «ньеоля», создать этот газ, как они нашли способ создать «кессинд».

Пока строилась «доменная печь», Мьеньонь, Ньяньиньгь, Лежнев и профессор Аверин выехали на химический завод, которому было поручено синтезировать новый газ, названный «неолом».

Ньяньиньгь дал формулу «неола», а профессор Аверин «перевел» ее на земной химический язык.

Получение «неола» оказалось сравнительно легким делом. После нескольких предварительных опытов он был получен, изготовлен в требуемом количестве и заключен в стальные резервуары.

Их пришлось сделать особой прочности, так как «неол» сразу в момент окончания синтеза расширялся с огромной силой.

Возникшее затруднение разрешили просто. Синтез газа доводили не до конца, после чего накачивали почти готовый «неол» в резервуар, внутри которого происходила последняя реакция.

«Неол» горел не сам по себе. В обычном состоянии он не воспламенялся. Но, соединяясь с чистым озоном, давал ослепительное пламя огромной температуры.

Изготовить несколько баллонов чистого озона не составило никакого труда.

Через две недели каллистянские инженеры и их спутники вернулись на комбинат.

Первая варка «кессинда» была назначена на первое декабря. На это торжество должны были приехать многочисленные гости. Каллистяне, разумеется, все хотели присутствовать. Пока шла борьба за «кессинд», они никуда не выезжали из Москвы. Интерес к жизни Земли заглушала тревога.

СНОВА НА КОРАБЛЕ

Пятнадцатого января, ровно через пять месяцев после выхода каллистян из шара, на месте бывшего лагеря снова собрались все его прежние обитатели. Не было только Черепанова и его полка. Охрану звездолета несли теперь другие воинские части, расположенные в Золотухино.

Глубокий снег покрывал те места, где раньше стояли палатки. Окруженный высокой оградой, сам белый как снег, космический корабль казался еще более фантастическим и неправдоподобным, чем летом. Снежная шапка покрывала его вершину.

Рота солдат быстро очистила площадку для вертолета и убрала снег с «крыши» корабля. Участники экспедиции и каллистяне поселились на аэродроме.

Предстояло открыть дверь в помещение атомного «котла» и выяснить, в какой степени он был поврежден диверсией. Это был вопрос дальнейшей судьбы звездоплавателей, и неудивительно, что все, кто принимал участие в событиях, связанных с пребыванием корабля на Земле, хотели присутствовать при этом.

Среди них был человек, впервые попавший на это историческое место, хотя его имя было тесно связано с несчастьем, постигшим каллистянский звездолет.

Это был корреспондент Ю Син-чжоу.

Придя в сознание после двадцатисемидневного беспамятства, журналист стал быстро поправляться и через два месяца уже был в Москве, где его радостно встретили не только члены экспедиции, но и каллистяне, знавшие все, что с ним произошло, и ожидавшие его приезда.

С опозданием на три месяца корреспондент агенства Синьхуа приступил к своим обязанностям.

Доктор Казимбеков не отпустил своего пациента одного и приехал в Москву с ним вместе. Так неожиданно осуществилась его мечта, и доктор не только увидел каллистян, но и его имя вошло в историю прилета космического корабля.

Выяснилась любопытная подробность, показывавшая, как обдуманно действовал фальшивый Ю Син-чжоу. Агенство Синьхуа аккуратно получало из лагеря радиограммы своего корреспондента и не могло поэтому даже заподозрить что-нибудь неладное.

Серго Эбралидзе тоже был здесь. Нельзя было отказать ему в желании посетить корабль. Если бы не его стекло, то, возможно, пришлось бы прибегнуть к помощи токов высокой частоты, а это привело бы к нежелательному размягчению металла. Каллистяне были очень благодарны грузинскому стеклодуву. Скромный и даже застенчивый, Эбралидзе никогда не думал, что его изобретение произведет такой шум и сделает его имя известным всему миру. «Стекло Эбралидзе» должно было стать известным и на Каллисто, поскольку подобного ему там еще не существовало. Золотая Звезда Героя Социалистического Труда, украсившая его скромный костюм, была для него неожиданно высокой наградой.

В назначенный день вертолет доставил всех на вершину шара. Многие в первый раз спустились внутрь космического корабля. Его помещения, своеобразные круглые коридоры и в особенности центральный пост с чудесными экранами вызвали живейший восторг, и корреспонденты без устали щелкали своими аппаратами.

В торжественной обстановке, в присутствии всех каллистян, земных ученых и журналистов, Мьеньонь, одетый в асбестовый костюм, с маской на лице направил на стену узкое ослепительно голубое пламя сварочного аппарата.

Это было великое торжество техники Советского Союза

– Помните, как мы с вами стояли тогда у этой двери? – спросил Козловский Смирнова.

– Трудно забыть ту ночь, – ответил профессор.

Низкий гул аппарата смешивался с шипением пламени. Тонкая щель медленно ползла по металлу. Мьеньонь вырезывал небольшое круглое отверстие, достаточное, чтобы протянуть в него руку и включить кнопку механизма двери.

Голубые искры непрерывным каскадом вылетали из-под острия. Иссиня-черными фантастическими силуэтами метались по стенам и потолку тени людей. Даже сквозь надетые на всех темно-синие очки невозможно было долго смотреть на нестерпимо яркий огонь.

Через пять минут Мьеньоня сменил Ньяньиньгь.

Больно глазам смотреть на пламя вольтовой дуги. Его температура доходит до четырех тысяч градусов[1]. Даже днем голубоватый свет сварочных аппаратов освещает значительное пространство. Ночью мерцающие вспышки электросварки видны за несколько километров. А здесь, в небольшом помещении, среди отражающих свет металлических стен, горело пламя, раскаленное до одиннадцати тысяч градусов.

Но никто не хотел уходить, и только по настойчивому требованию Синьга, которого поддержал Куприянов, все, кроме двух каллистянских инженеров, перешли в помещение центрального поста, где и ожидали конца работы.

– Почему винтовая лестница, ведущая к «котлу»,

---

[1] Заставляя вольтову дугу гореть в закрытом сосуде под высоким давлением (до 22 атм), можно повысить температуру примерно до 6000 градусов.

сделана постоянной? – спросил Смирнова один из корреспондентов. – Ведь при полете, когда на корабле отсутствует вес, пользоваться ею очень неудобно.

– Потому что ею пользуются только во время работы двигателей, – ответил профессор. – В это время на корабле обычные условия тяжести. Когда корабль летит по инерции, эта лестница не нужна. Двигатели не работают – и внизу нечего делать.

На центральном посту царило сдержанное волнение. Разговоры возникали и обрывались на середине. Мысли всех были внизу, где гудел аппарат и острое пламя резало стену. Ни единого звука не доносилось оттуда.

Работа продолжалась тридцать две минуты, но для тех, кто был наверху, она тянулась бесконечно. Широков говорил потом, что он был убежден, что прошло не меньше трех часов.

Через два часа, ровно в полдень наступил самый ответственный, самый волнующий момент всей операции. Перед дверью снова собрались все находившиеся на звездолете. Было уже известно, что расчет Мьеньоня был правилен. Отверстие было вырезано там, где и требовалось. Разомкнутая диверсантом цепь механизма двери была опять замкнута.

Диегонь нажал кнопку. Как всегда, беззвучно открылась так долго запертая дверь, скрывавшая за собой судьбу космическое корабля.

Три месяца огромных усилий, напряженной мысли и настойчивого труда было вложено в эту победу.

Победу ли? Или только первый успех в ряду долгих устий, которые придется приложить, если «котел» – сердце корабля – поврежден серьезно?

Дверь открыта.

Может быть, именно на то, что технике Советского Союза будет не по ситам одолеть крепость металла Каллисто, рассчитывал диверсант, закрывая обе двери в помещение «котла»?

– Если так, то это был его второй просчет, – сказал Штерн

– И даже третий, – ответил профессор Смирнов. – В отравлении каллистян он тоже просчитался.

Дверь открыта, но никто не двинулся с места. Только Диегонь, Мьеньонь и Смирнов вошли внутрь. Остальные остались ждать в коридоре.

Медленно шли минуты. Никто не проронил ни слова. Каллистяне стояли тесной кучкой, и на их черных лицах нельзя было прочесть мыслей.

Трудно придумать более страшный вопрос, чем тот, который решался для них сейчас. Возвращение на любимую родину или вечное пребывание на чужой для них Земле.

Синяев обнял за плечи Вьеньяня и с трудом удержи вал нервную дрожь.

Томительную тишину прервал голос Широкова.

– Все равно! – сказал он по-каллистянски. – Если механизм испорчен, мы построим новый. Звездолет будет на Каллисто!

Стоявший рядом Синьг медленно провел рукой по его лбу, не спуская глаз с двери.

Когда, наконец, в ней появился Диегонь, все взгляды устремились на него. Будь он человеком Земли, выражение его лица сразу бы дало понятный всем ответ.

– Передайте товарищу Козловскому нашу бесконечную благодарность, – сказал он.

– Я только выполнил свой долг, – ответил секретарь обкома, раньше чем Широков успел перевести слова командира звездолета.

И хотя обе фразы были произнесены по-каллистянски, шумный вздох облегчения вырвался у всех.

Агрегат атомного «котла» оказался неповрежденным. Диверсант успел только снять часть верхнего кожуха машины.

Не только каллистяне, но и профессор Смирнов сразу увидел, что хотел сделать «Ю Син-чжоу», куда он пытался добраться. Враг рассчитал верно. Если бы тогда, в ночь диверсии, Козловский помедлил еще минут двадцать, агрегат

– сердце корабля – был бы непоправимо испорчен.

– Теперь совершенно очевидно, что негодяй был инженером, – сказал Смирнов, выйдя за Диегонем в коридор. – Еще немного – и конец!

– И что бы было в этом случае? – спросил Куприянов.

– Тогда пришлось бы строить весь агрегат заново, – ответил профессор.

Куприянов не решился спросить, осуществимо ли это.

Обожженный до неузнаваемости труп диверсанта лежал у самой машины. Кто был этот человек? Что побудило его пожертвовать своей жизнью? Все усилия выяснить его настоящее имя остались безрезультатными.

Простой деревянный гроб был заранее приготовлен.

– Заройте его подальше от корабля, – сказал Козловский

– Может быть, на кладбище?.. – нерешительно сказал Куприянов.

– Может быть, поставить еще и памятник? – жестким тоном ответил секретарь обкома. –Собаке – собачья смерть! Придется произвести дезинфекцию помещения, – по-каллистянски сказал он, обращаясь к Синьгу.

За пять месяцев Козловский сделал большие успехи в языке Каллисто.

Спокойно и радостно прошел день на корабле. Гнетущая тревога и волнение, четыре месяца не дававшие покоя каллистянам и людям, наконец, покинули их. Сразу были поставлены на место снятые части машины. Последствия диверсии были полностью ликвидированы.

Корабль был готов в любую минуту отправиться в обратный путь к далекому Рельосу.

Это каллистянское название начало уже проникать и в земную астрономию. Все чаще и чаще в статьях, книгах и выступлениях астрономов, очень популярных теперь, древнее название «Сириус» заменялось словом – «Рельос». Блестящая звезда имела большее право на это название, данное ей теми, кто, как люди от Солнца, получили от нее жизнь.

– Ваше Солнце называется у нас «Мьеньи», – сказал Вьеньянь Штерну. – Когда мы вернемся на Каллисто, наши астрономы будут называть вашу звезду ее настоящим именем.

И, почти закрыв узкую щель своих необычайно длинных глаз, задумчиво повторил:

– Сьольньцье!

ПО ЗЕМЛЕ

Судьба корабля перестала волновать каллистян. На следующий день все, кроме трех человек, улетели обратно в Москву.

Мьеньонь решил остаться, чтобы опробовать работу всех двигателей, а некоторые из них перебрать и удалить образовавшийся нагар. Он предложил профессору Смирнову составить ему компанию, и тот, конечно, с радостью согласился на это. Двигатели звездолета чрезвычайно интересовали его, а то, что Мьеньонь собирался пускать их в ход, только усиливало этот интерес. Упустить такой счастливый случай Александр Александрович никак не мог

– Но как вы будете разговаривать друг с другом? – спросил его Широков.

– Анатолий Владимирович согласился остаться с нами, – ответил Смирнов Лежнев действительно вызвался остаться на корабле. Причину нетрудно было понять. Он знал, что каллистяне отправятся в путешествия и что их должны будут сопровождать переводчики. Перспектива длительных переездов и связанной с ними беспокойной жизни не привлекала толстяка, привыкшего к кабинетной работе. Он с радостью ухватился за предоставившуюся ему возможность находиться на одном месте. На звездолете был привычный ему комфорт и полная возможность в свободное время

продолжать работу по изучению источников тибетского языка, которой он занимался до прилета каллистян. Он был очень доволен таким поворотом событий.

– Соединять приятное с полезным, – что может быть лучше? – говорил он

– Жену не забудьте выписать, – пошутил Степаненко.

Профессор Смирнов предложил, чтобы за все время их пребывания на корабле он и Лежнев питались только каллистянскими продуктами.

– Это будет проверкой, насколько их пища пригодна для земного человека, – сказал он. – Петр Аркадьевич и Георгий Николаевич будут спокойнее после этой репетиции.

Лежнев согласился с его предложением.

–Если мы заболеем, – сказал он, – это не страшно. Хуже будет, если заболеют в пути Широков и Синяев.

Предложение Смирнова было принято. По мнению крупнейших специалистов по вопросам питания, продукты каллистян не могли причинить вреда людям. К ним нужно было только привыкнуть. По все же предварительная проверка, предложенная Смирновым, была не лишней.

Имелась, конечно, полная возможность снабдить улетающих на Каллисто земных ученых запасом пищи на все двадцать пять лет, но они сами решительно отказались от этого.

– На Каллисто, – говорит Широков, – это свяжет нас. Мы пробудем там три года. За это время мы должны осмотреть всю планету. Таскать с собой запасы пищи более чем неудобно. Лучше всего, если мы

будем жить одной жизнью с населением.

– Посмотрите на каллистян, – добавлял Синяев. – Они не путешествуют по всей Земле, а сколько хлопот доставляет им вопрос питания!

Синьг поддерживал желание молодых ученых.

– Если бы мы, – говорил он, – намеривались провести на Земле большой срок, то обязательно перешли бы на ваши продукты.

Перед отъездом Козловский поговорил с Мьеньонем.

– Не допускайте на корабль ни одного человека, – сказал он, – если с ним не будет профессора Куприянова или меня. Если кто-нибудь явится, передайте его дежурному офицеру. Не забывайте случая с «Ю Син-чжоу».

– О нет! – ответил Мьеньонь – Не забудем.

Было решено, что звездоплаватели пробудут на Земле до мая. За это время они могли ознакомиться с жизнью Советского Союза и других стран.

Москва им была уже хорошо знакома. Два с половиной месяца они прожили в ней и осмотрели все, что могло вызвать их интерес. Театры, музеи, картинные галереи, научные институты и учебные заведения – все было ими осмотрено.

Но, пожалуй, больше всего гостей заинтересовал московский зоологический парк. Они посещали его несколько дней подряд с огромным и вполне понятным интересом, рассматривая никогда не виданных животных.

Перед первым посещением Куприянов предложил сообщить дирекции парка о визите каллистян, чтобы в это время туда не допускали других посетителей.

– В парке всегда много детей, – сказал он. – Они не оставят вас в покое.

Широков перевел.

– Наши дети очень любопытны, – добавил он.

– Дети всегда любопытны, – ответил Синьг. – Это их естественное свойство. Не лишайте удовольствия ваших детей. Пусть все будет, как всегда. Мы будем смотреть на животных, а дети – на нас.

Каллистяне по-прежнему ходили в своих серых комбинезонах, но надевали под них земное шерстяное белье. На ногах у них были белые «бурки», на головах – теплые меховые шапки. В этом комбинированном, каллистянско-земном костюме они были похожи на летчиков. Отправляясь в зоопарк, они надели под свои красные воротники пионерские галстуки, подаренные им во время посещения Московского Дворца пионеров.

Весть о приезде каллистян молниеносно распространилась по всему парку. Со всех сторон к ним устремились сотни ребят. В несколько минут гости оказались в плотной толпе и были вынуждены остановиться. Синьг обратился к детям с маленькой речью.

– Мы приехали сюда, – закончил он, – чтобы познакомиться с животными Земли. У нас, на Каллисто, таких нет. Покажите нам ваших зверей.

Едва Широков успел перевести эти слова, как все каллистяне оказались оторванными друг от друга и разведенными в разные стороны. Каждого окружало не менее сорока детей и большое количество взрослых, оказавшихся в данном случае не менее любопытными.

Куприянов, Широков, Лебедев и Ляо Сен, приехавшие с гостями, остались одни.

– Что же теперь делать? – сказал Широков. – Мы с товарищем Ляо Сеном не можем разорваться.

– Обойдутся и без вас, – смеясь ответил Лебедев.

День был ясный и солнечный. Большинство животных находилось в летних вольерах. Всюду виднелись кучки ребят, и среди них – высокие фигуры каллистян. Насколько можно было судить на расстоянии, между ними было полное взаимопонимание. Маленькие москвичи, по-видимому, прекрасно обходились без переводчиков и с жаром, перебивая друг друга, рассказывали гостям, что представляет собой то или иное животное. Каллистяне внимательно слушали своих гидов и, казалось, понимали. Их черные лица выражали полное удовлетворение.

За месяцы пребывания на Земле каллистяне научились кое-как понимать русский язык, но, за исключением Бьяининя, не могли говорить на нем.

Широков подошел к Вьеньяню, которого в это время не столько словами, сколько жестами, уговаривали прокатиться на тележке, запряженной осликом, и спросил, не нужны ли его услуги.

– О нет! – улыбаясь ответил астроном. – Мы хорошо понимаем друг друга.

К восторгу ребят, он несколько раз прокатился, держа на руках по пяти, шести детей. Те, кому не пришлось кататься с ним, остро завидовали счастливцам.

Примеру Вьеньяня последовали другие каллистяне. К месту, где происходило катанье, невозможно было протолкаться. Казалось, что здесь собрались все посетители зоопарка. Куприянов осведомился у кассирши, уплачено ли за катанье.

– Что вы! – удивилась та. – Это же каллистяне! Они наши гости.

Профессор засмеялся и уплатил, сколько требовалось.

Это был далеко не первый случай, когда звездоплаватели вели себя, с земной точки зрения, крайне «бесцеремонно». Несколько дней назад, во время осмотра ГУМа, один из них взял с прилавка понравившуюся ему вещь, спокойно положил ее в карман и направился дальше. Хотя денежная система на Земле была им уже знакома, они часто забывали о ней и вели себя «по-каллистянски», то есть не думая о том, что за все надо платить. Было интересно наблюдать, как продавец отнесся к этому «похищению» вполне спокойно и даже не подумал протестовать.

В зоопарке пробыли до позднего вечера. То же самое повторилось и в следующие дни.

Как уже говорилось, каллистяне не выезжали из Москвы до тех пор, пока не успокоились за судьбу своего корабля. Теперь они решили познакомиться с другими городами и попутешествовать по Земле. Так как время было весьма ограничено, гости разбились на две партии. Одну должны были сопровождать Козловский, Лебедев и Широков, другую – Куприянов, Степаненко и Ляо Сен.

Охрана звездоплавателей осуществлялась непрерывно, но они сами не замечали этого. Всюду за ними незримо следовали внимательные глаза.

Синяев, Штерн, Манаенко и профессор Аверин остались в Москве. Молодой астроном хотел провести время до старта со своей семьей, а его стар-

шим товарищам было трудно сопровождать гостей в длительной поездке.

Двадцатого января с Ленинградского и Курского вокзалов каллистяне покинули столицу. Тысячи москвичей провожали их. На паровозах были лучшие машинисты, завоевавшие в соревновании право везти гостей.

Поезда отошли под звуки каллистянского гимна, впервые раздавшегося на Земле в день пятнадцатого августа. За время пребывания в лагере он был записан на пленку.

Штерн провожал группу, направляющуюся в Ленинград.

– Возвращайтесь скорее! – сказал он на прощанье. В последнюю минуту он обнял Диегоня и сказал по-каллистянски: – Передайте привет Каллисто от меня лично.

– Мы же еще увидимся, – удивился каллистянин.

Неизвестно, понял ли старый астроном эти слова, или нет, но он ничего не ответил, а только молча провел пальцами по лбу Диегоня.

Профессор Маттисен и профессор Линьелль простились с каллистянами за несколько дней до их отъезда. Оба уехали на родину, где их ждали неотложные дела. Прощание было очень сердечным.

– Мы обязательно вернемся проводить вас, – говорили они.

Кроме участников бывшей экспедиции, обе группы каллистян сопровождали кинооператоры и корреспонденты газет.

По плану каллистяне должны были вернуться в Мо-

скву 29 апреля, чтобы принять участие в праздновании Первого мая. Десятого они намечали старт в обратный путь. Но неожиданное событие нарушило этот план, и обе группы возвратились значительно раньше.

«СЕГОДНЯ, В ШЕСТЬ ЧАСОВ УТРА…»

Десятки городов, промышленных предприятий и крупных колхозов видели у себя гостей Земли. Они побывали во всех концах Европейской части СССР, внимательно всматриваясь в жизнь, труд и повседневный быт советских людей. Заводы, фабрики, дворцы культуры, театры, кино и детские учреждения – все вызывало в них неподдельный интерес. С помощью Широкова и Ляо Сена они часто вступали в длительные разговоры с рабочими на заводах, служащими в учреждениях, артистами в театрах и просто с первыми попавшимися прохожими на улицах. Их вопросы касались всех сторон жизни: работы, семейных отношений, планов на будущее. Всюду, куда бы они ни приезжали, им устраивали торжественную встречу. Вагоны, которые перецеплялись от одного поезда к другому, были полны подарков, поднесенных каллистянам. Хотя в каждом вагоне ехало не более двадцати человек, в них скоро стало трудно повернуться.

– Все это мы увезем с собой на Каллисто, – говорили каллистяне.

– Не только это, – смеялись их спутники. – Мы нагрузим ваш звездолет до отказа.

Каллистяне откровенно высказывали свое впечатление от всего виденного. Многое им не нравилось.

– Ваши большие города слишком пыльны, и в них мало зелени. Зачем вы строите заводы в черте города? Не лучше ли удалить их на значительное расстояние? – говорили они. – Мы понимаем, что это вызвано тем, что рабочие должны жить рядом с заводом, на котором они работают, но вам надо больше автоматизировать производство и дать людям возможность быстро и удобно перемещаться на большие расстояния.

– Детские учреждения у вас хорошо поставлены, – говорили они в другой раз, – но их надо строить за городом и лучше всего на морском берегу.

Их высказывания были справедливы, но непонимание ими условий жизни на Земле, вызванных недостаточным еще развитием техники, сказывалось на каждом шагу. Нельзя сказать, что каллистяне были не способны понять этих условий. У них самих не так уж давно существовали даже худшие условия жизни, но укоренившиеся в них представления и навыки часто заставляли их смотреть на все глазами Каллисто. Техника их родины казалась им очень простой и легко применимой всюду.

– У вас существуют автомобили, дающие большею скорость, – сказал как-то Вьеньянь. – Почему вы не снабдите ими всех рабочих? Тогда они смогут работать на заводах, расположенных далеко за городом.

– Почему у вас нет в личном пользовании самолетов?

– Почему дети учатся десять лет? Для получения общего образования вполне достаточно трех – четырех.

– Почему по окончании школы дети не получают никакой специальности и должны снова учиться?

Трудно и сложно было отвечать на все эти вопросы. «Все это мы намерены создать в будущем», – был, в сущности, единственный, но недостаточный ответ. Разница между Землей, только вступившей на путь социализма, и Каллисто, давно живущей в условиях коммунизма, становилась все более и более очевидной.

– Вам надо скорей двигаться вперед, – говорили каллистяне. – Увидите, как расцветет Земля и как хорошо будет жить на ней.

– Мы сами это знаем, – отвечали им. – Но…

Чтобы разъяснить это «но», приходилось читать целые лекции.

– Прилетев на Землю, мы перенеслись в прошлое, – сказал Бьяинин.

Обидно было слышать такие слова, но они были справедливы.

В конце февраля обе группы каллистян съехались вместе. Это произошло в Крыму, в Артеке.

– Вот тут все напоминает наши детские городки. Так и нужно строить места для пребывания детей, – сказал Синьг.

В Артеке к путешественникам присоединились Мьеньонь, Смирнов и Лежнев, закончившие работы на корабле.

Александр Александрович рассказывал:

– Мощь их двигателей колоссальна. Один раз Мьеньонь пустил в ход четыре двигателя одновременно. В пяти километрах на железной дороге снежный ураган заставил остановиться скорый поезд. И самое замечательное – это то, что двигатели работают совершенно беззвучно.

– Волшебная техника! – вторил Лежнев.

В первых числах марта гости Земли вылетели в Париж.

Они посетили многие города Европы и Америки. Всюду их восторженно встречало население. Количество подарков росло неимоверно.

– Вы умеете встречать гостей, – говорил Диегонь. – Каллисто в долгу не останется.

Очевидная радость и искренность встречи, устроенной им во всех посещенных странах, личные беседы с государственными деятелями, работниками науки, промышленности и искусства, постепенно убедили каллистян, что за покушение в лагере ни одна из стран капиталистического мира не может нести ответственности. Диверсия, очевидно, была задумана и осуществлена отдельными лицами, потерявшими человеческое подобие. Мировое общественное мнение единодушно осуждало совершенное преступление.

– Мы рады этому, – говорили каллистяне.

Из Южной Америки трансатлантический воздушный лайнер перенес их в Египет. Каллистяне давно хотели увидеть эту страну, напоминавшую им далекую родину, и провели в ней больше недели, отдыхая в привычном жарком климате. Дальнейший путь лежал на родину Ляо Сена.

Второго апреля утром Куприянов вошел на террасу, где завтракали участники поездки, и протянул Широкову распечатанную телеграмму.

– Прочтите! – сказал он сдавленным голосом.

Широков быстро пробежал глазами краткий текст и побледнел.

– Прочтите всем, – сказал Куприянов.

Широков встал и в наступившей тишине прочел сначала по-каллистянски, потом по-русски полученное известие.

В телеграмме академика Неверова значилось, что сегодня в шесть часов утра, на восемьдесят седьмом году жизни, скончался Семен Борисович Штерн.

Все бывшие на террасе встали.

Каллистяне одновременно опустились на колени, медленно протянули руки вперед, ладонями вниз и, склонив головы, застыли в этой скорбной позе, чем-то напоминавшей выражение горя у восточных народов.

Несколько минут на террасе царило печальное молчание. Каллистяне не шевелились. Они по-своему чтили память ученого, одним из первых встретившего их на Земле.

– Память о нем сохранится на Каллисто, – сказал Диегонь.

– Память о нем сохранится на Земле, – как эхо, отозвался Козловский.

О дальнейшем путешествии не было больше и речи. Каллистяне хотели немедленно вернуться в Москву.

– Нам хочется еще раз увидеть нашего друга, – сказал Диегонь от имени всех своих товарищей.

Неожиданное печальное событие изменило намеченный маршрут. Вместо того, чтобы на пароходе ехать в Китай, все снова сели в самолет, который помчал их на север.

– Семен Борисович чувствовал свою скорую смерть, – сказал Степаненко.

– Вспомните, как он прощался с Диегонем на вокзале в Москве.

– Не чувствовал, а знал, – ответил Куприянов. – И я знал об этом. Незадолго до нашего отъезда у Штерна случился сильнейший приступ старой болезни. Он хорошо знал, что конец близок, но просил меня ничего не говорить об этом, чтобы не портить каллистянам поездку.

За весь путь каллистяне ничего не ели. Выяснилось, что это древний обычай Каллисто.

– От момента смерти до того часа, как тело будет предано огню, – сказал Синьг, – друзья и родственники покойного ничего не должны есть. Мы считаем себя его друзьями.

– У вас трупы сжигают? – спросил Широков.

– Да, так было всегда. На Каллисто нет другого способа.

В Москву прилетели утром пятого апреля. Никто не встречал каллистян, кроме академика Неверова, Аверина и Синяева. В городе не знали о неожиданном возвращении гостей.

На следующий день состоялись похороны. На кладбище пришли тысячи людей. Каллистяне несли гроб на плечах от ворот до могилы. В момент опускания гроба они снова опустились на колени и, вытянув руки ладонями вниз и склонив головы, простояли так, пока могила не была засыпана. После того, как были произнесены прощальные речи земных ученых, выступил Вьеньянь и сказал несколько слов по-каллистянски.

– Вечная память в сердцах людей Каллисто ученому Земли, – перевел Ляо-Сен. – Первому астроному Зем-

ли, встретившему обитателей другой планеты, у нас будет поставлен памятник. Он не дожил до нашего отлета и не смог проводить нас, как хотел, но мы унесем с собой, к Рельосу, его образ.

Куприянов предложил было через несколько дней возобновить прерванную поездку, но каллистяне отказались.

– Времени осталось не так много, – сказал Диегонь. – Единственное, что мы хотим теперь, – это скорее вылететь на Каллисто.

Но два дня спустя каллистяне согласились улететь как было намечено раньше, то есть десятого мая.

– Они психически очень восприимчивы, – говорил Широкову Куприянов. – И, любя жизнь, тяжело переносят смерть. Ведь Семен Борисович был для них совсем чужим человеком.

– Они его полюбили, – отвечал Широков.

Козловский, присутствовавший при этом разговоре, пожал плечами.

– Дело не в любви и не в психической восприимчивости, – сказал он. – Дело в общественном укладе жизни. Исчезновение борьбы за существование, конкуренции между людьми и прочих «прелестей» приводит к тому, что принцип «Человек человеку – волк» естественно сменяется другим – «Человек человеку

– друг». А друзьям свойственно любить друг друга. Они любят каждого человека в отдельности и все человечество в целом.

Конец апреля прошел в почти непрерывных научных конференциях, на которых каллистянские ученые делали обширные доклады о науке и технике их родины.

Казалось, что они хотят работой заглушить горе, причиненное им смертью Штерна. Никто даже не ожидал, что смерть эта так глубоко поразит их.

Уже не как чужие, а с теплым братским чувством смотрели каллистяне с высоты мавзолея на первомайский парад и демонстрацию трудящихся Москвы, которые, в свою очередь, радостно приветствовали представителей другого мира. Крепкие нити дружбы навеки связали человечество двух планет.

Весь мир знал уже о героическом подвиге, который готовились совершить два сына Земли. Проходящие по Красной площади демонстранты приветствовали их наравне с гостями.

Они стояли среди своих новых друзей и прощались с родным народом, родиной и Землей. Пройдет немного дней – и звездолет Каллисто унесет их в неведомую людям бездну межзвездного пространства, на далекую планету.

Они ни в чем не сомневались и ни о чем не жалели. И Широков и Синяев были уверены, что через двадцать пять лет вернутся на Землю, обогащенные новым опытом и новыми знаниями.

Спокойно и просто шли они навстречу тому, что ожидало их впереди.

Во имя торжества науки!

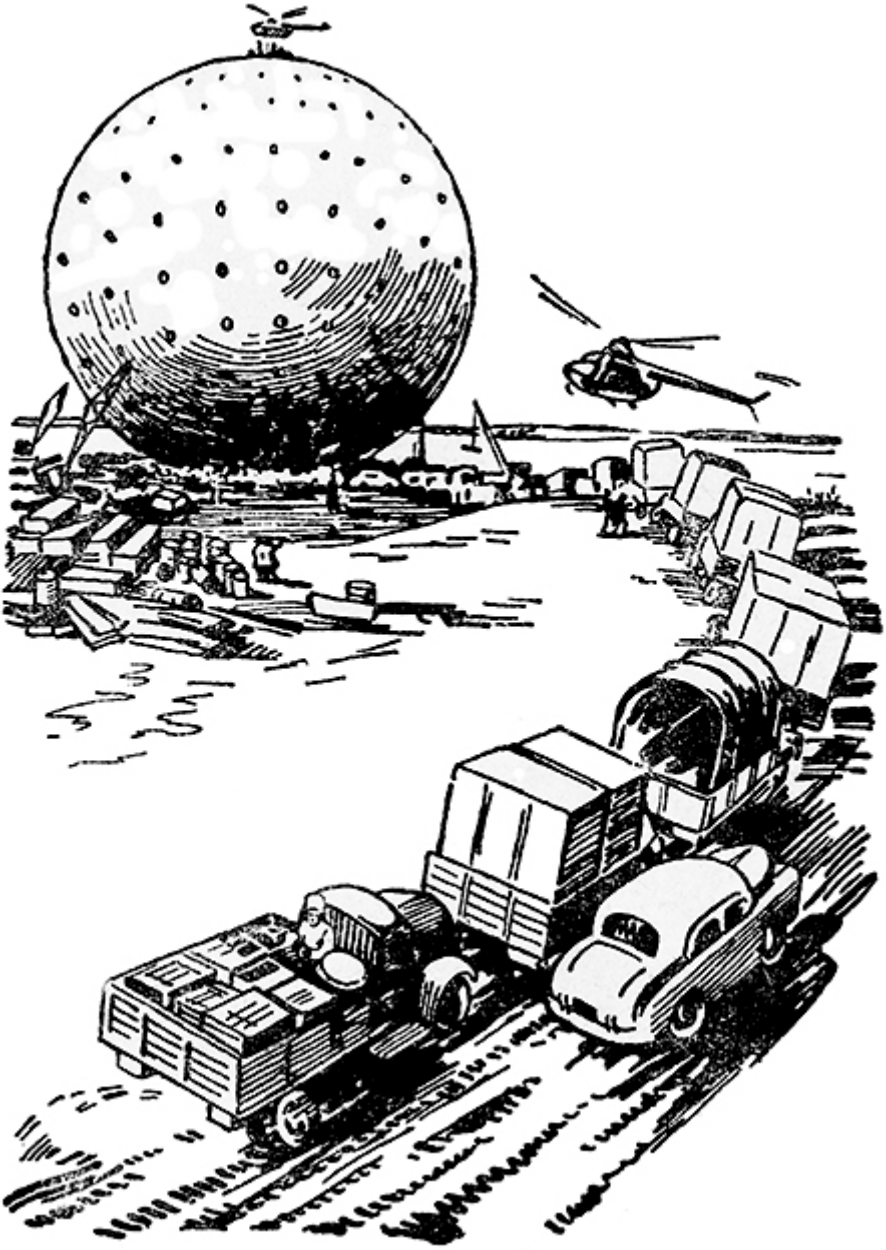
СТАРТ

Снова раскинулся вокруг берез полотняный лагерь. Успевшая просохнуть земля нежилась и зеленела под безоблачным небом. Словно проснувшийся от зимней

спячки, умытый весенними дождями, космический корабль, готовый к полету, отбрасывал от полированных кессиндовых стенок ослепительные лучи высоко поднявшегося солнца. Освобожденный от деревянной ограды, звездолет играл солнечными бликами, словно в нетерпении, когда, наконец, позволят ему оторваться от Земли и стремительно умчаться на далекую родину. Будто за долгую зиму накопил он неисчислимые силы и готов выпустить их на свободу по приказу своих хозяев.

На земле и в воздухе, вокруг корабля, кипела работа. Серебристые вертолеты непрерывно, один за другим взлетали к его вершине, разгружались и снова опускались на землю. Подобно океанскому пароходу у причала, космический корабль принимал в свой огромный корпус все новые и новые грузы. Подъемные машины второй день работали без перерыва, опуская вниз все эти бесчисленные, добротно отделанные ящики, металлические коробки и герметически запаянные стальные баллоны. По указаниям Мьеньоня, Ньяньиньга и Диегоня, дары Земли размещались по многочисленным подсобным помещениям звездолета и тщательно укреплялись, чтобы неповрежденными проделать одиннадцатилетний путь.

Хрупкие приборы, стеклянные, фарфоровые и хрустальные изделия, модели машин, чучела животных и птиц, нежные семена тропических растений, гербарии, коллекции насекомых, минералогические коллекции, предметы искусства, изделия всех стран и всех континентов; даже коллекция почтовых марок – все было упаковано с величайшей осторожностью, чтобы там, на



Каллисто, быть размещенными на стендах и витринах «Музея Земли». Весь этот груз весил десятки тонн, но для могучих двигателей корабля это не играло никакой роли. Звездолет мог принять еще в десять раз больше.

Список оборудования будущего музея состоял из многих тысяч названий. Специальная комиссия с начала года работала над ним и над подбором экспонатов. Почти все страны Земли прислали свои подарки каллистянам.

Многочисленные уникальные предметы были дарами частных лиц, присланных со всех концов света. Профессор Лебедев подарил каллистянам свой личный великолепный гербарий, долгие годы составлявший предмет его гордости и неустанных забот. Почти все музеи выделили для каллистян часть своих сокровищ. Когда все это будет размещено на стендах, Каллисто получит прекрасно оборудованный музей, отражающий жизнь всей Земли в настоящем и прошлом. Широкову и Синяеву предстояла в пути огромная работа по составлению описаний каждого предмета на каллистянском языке.

– Ничего! Времени хватит! – говорили они.

– Земля щедра к нам, – сказал Диегонь – Но мы в долгу не останемся. Увидите, что привезут с собой Широков и Синяев.

– Мы в этом не сомневаемся, – ответил Неверов. – К прилету корабля мы построим специальное здание для «Музея Каллисто».

Больших трудов стоило и много изобретательности было проявлено, чтобы упаковать семена тропических растений так, чтобы они невредимыми добрались до

Каллисто. Пробковый дуб, мирта, ливанский кедр, финиковая пальма и многие другие должны были вырасти на другой планете и окружить здание Музея Земли. На всякий случай для этих растений погрузили на звездолет тщательно отобранные удобрения. Каллистянские ботаники сумеют взрастить чуждые им растения, руководствуясь подробными инструкциями, которые Широкову было поручено перевести на каллистянский язык.

Петру Аркадьевичу вообще не угрожала опасность скучать во время одиннадцатилетнего полета. Около четырехсот книг, заключавших в себе лучшие произведения художественной, научной и технической литературы, ждало его перевода. Даже при помощи Синяева, который сам имел колоссальную программу астрономических наблюдений, было нелегко справиться с такой массой переводов.

Чуть не тонна бумаги была погружена на корабль для этой работы. Изготовили даже пишущие машинки с каллистянским шрифтом.

– Еще не было нечали! – шутил Широков. – Изволь теперь учиться профессии машинистки. Как я буду работать на машинке в условиях невесомости?

Но, к удивлению не только его, но и всех остальных, оказалось, что любая каюта на корабле, за исключением центрального поста и помещений двигателей, могла быть приведена в состояние «искусственной тяжести». Будучи шарообразной формы, они, по желанию, получали быстрое вращение, благодаря которому внутри их создавалось обычное напряжение силы тяготения, или, точнее было сказать, центробежного эффекта.

– Мы предполагали, – объяснил Дяегонь, – что длительное невесомое состояние тягостно для человека, но оказалось, что оно нисколько не мешает. За время полета к Земле мы ни разу не пользовались искусственной тяжестью. Жить и работать в невесомом состоянии очень легко. Я уверен, что вы тоже не захотите «весить» в пути.

Широков с сомнением покачал головой. И он и Синяев плохо представляли себе ожидавшее их необычайное, никогда и никем из земных людей не испытанное чувство отсутствия привычного веса. Говоря по правде, они немного боялись его. Но в сравнении с тем, что ожидало их в пути и на чужой планете, это было такой мелочью, что о ней не стоило и говорить. Они готовы были перенести что угодно, только бы попасть на Каллисто.

Кроме книг, на корабль были погружены кинокартины вместе с проекционными аппаратами.

Разумеется, не были забыты и съемочные кинокамеры с огромным запасом пленки и различные фотоаппараты с негативными материалами. Широков и Синяев в срочном порядке были обучены пользованию ими.

На Каллисто существовали и фотография и кино, но было решено, что оба «межпланетных туриста» будут пользоваться земными аппаратами, во-первых, более привычными, а во-вторых, тут играло роль чувство земного патриотизма.

Любовь к родине – естественное чувство каждого человека. Находясь в чужой стране, люди испытывают тоску по родине. Человек гордится своей страной и ревниво относится ко всему, что в чужой стране кажет-

ся ему более совершенным. Но никому никогда не приходилось испытывать чувство патриотизма по отношению ко всей Земле, которое выпало на долю Широкова и Синяева. На Каллисто это чувство должно было еще в большей степени овладеть ими. Неудивительно поэтому, что они часто отказывались от каллистянских вещей, даже более высокого качества, предпочитая им свои, земные вещи. Они взяли с собой огромное количество одежды, белья и обуви, которое должно было хватить им на все двадцать пять лет. Предоставленные им на звездолете каюты были наполнены самыми разнообразными предметами – от бритвенных приборов до личной библиотеки и шахматных досок. Все это должно было служить незримой связью между ними и покинутой Землей.

К слову сказать, шахматная игра, это прекрасное изобретение человеческого ума, была, конечно, неизвестна каллистянам Широков – большой любитель шахмат – в дни поездок по Земле научил играть Диегоня и Вьеньяня, которые очень заинтересовались этой игрой. Было несомненно, что шахматы получат на Каллисто большое распространение.

Каллистяне предоставили своим гостям отдельные каюты. Двери выходили на лестницу, ведущую в нижний круглый коридор, вокруг которого помещались каюты экипажа. Верхний коридор служил для прохода в лаборатории и астрономические наблюдательные пункты. Часть корабля вокруг атомного «котла» не имела жилых помещений.

К вечеру девятого мая погрузка была полностью закончена. Корабль и его экипаж были готовы к старту,

который должен был состояться на следующий день ровно в двенадцать часов.

Эту последнюю ночь на Земле даже каллистяне провели в лагере. Не только Широков и Синяев, но и гости из другого мира не могли без грусти думать о разлуке с Землей, к которой успели привыкнуть за десять месяцев. Что касается обоих ученых, готовящихся покинуть родную планету, то они даже не волновались. Состояние, в котором они находились, лучше всего характеризовалось словом «болезнь». Они были тяжело больны, и их вид соответствовал этому понятию.

В эту ночь в лагере никто не заснул ни на одну минуту.

Синяев находился в палатке со своей семьей, приехавшей проводить его. Жалел ли он о принятом решении, раскаивался ли в том, что покидает родных и, может быть, больше не увидит их? Этого никто не знал. Но когда утром он вышел из палатки, его лицо было спокойнее, чем вечером.

Широков всю ночь провел с Куприяновым и Лебедевым. Оба профессора, стараясь отвлечь его от беспокойных мыслей, еще и еще раз говорили о том, что и как он должен изучить на Каллисто, хотя обо всем этом было уже переговорено.

Куприянов с трудом сохранял спокойствие. Он очень любил Широкова, и ему тяжело было смотреть на него и сознавать, что он видит своего ученика в последний раз. Дожить до возвращения звездолета он не рассчитывал. Но он ни разу не повторил той фразы, которая нечаянно вырвалась у него при первом разговоре с Широковым об его намерении лететь на Каллисто, –

«Мы с вами никогда больше не увидимся, Петя…» Он видел и знал, что Широков не забыл этой фразы и память о ней будет мучить его долгие годы.

Другие участники экспедиции не расставались с каллистянами. Они тоже не спали, за исключением Диегоня, который, по настоятельному требованию Синьга, отдохнул несколько часов. Ему необходимо было иметь свежую голову, когда он утром сядет за пульт и поведет космический корабль в далекий путь.

Как только солнце поднялось над горизонтом, в лагере снова закипела работа. Свертывались палатки, грузились на автомашины, поле постепенно пустело. Потом стали уезжать люди.

Проводить каллистян собралось более тридцати тысяч человек. Аэродром и далеко за ним все поле было заполнено самолетами, автобусами и автомобилями. Делегации со всех концов СССР и несколько тысяч иностранцев ждали за насыпью железной дороги момента старта. Было запрещено приближаться к звездолету ближе чем на пять километров. Этот огромный круг был оцеплен солдатами полка Черепанова. Именно этому полку была предоставлена честь проводить гостей. Сам подполковник находился в лагере. На расстоянии пятисот метров корабль окружали стальные «доты», в узкие амбразуры которых смотрели объективы автоматических киноаппаратов.

К десяти часам утра в лагере остались только каллистяне и десять человек ученых во главе с академиком Неверовым, а еще через полчаса последние автомобили покинули поле.

Минуты прощания были тяжелы и для тех, кто по-

кидал Землю, и для тех, кто оставался на ней.

Приехав на аэродром, Неверов, Куприянов и их спутники поднялись на сигнальную вышку. Отсюда хорошо был виден космический корабль, одиноко стоявший среди пустого поля. В сильный бинокль можно было заметить крохотные фигурки, и Куприянов пытался найти между ними Широкова, но это было невозможно.

– Прощай, Петя! – беззвучно шептали его губы.

Самолеты, летавшие над кораблем все утро, очистили небо, словно уступая дорогу в бездонную глубину.

И вдруг над звездолетом появились четырнадцать точек. Они быстро приближались к огромной толпе, встретившей их оглушительным громом приветствий.

Двенадцать каллистян, Широков и Синяев низко пролетели над всем полем, покачивая крыльями в знак последнего привета.

Куприянов еще раз близко увидел хорошо знакомое лицо, и ему показалось, что синие глаза пристально взглянули на него, и Широков кивнул головой ему одному.

* * *

Часы на здании аэровокзала показывали без двух минут двенадцать.

Людям, заполнившим поле, не был виден космический корабль. Его скрывала высокая насыпь. Он появится, когда поднимется над землей, чтобы начать долгий путь по дорогам вселенной.

Все знали, что старт будет беззвучным. Ни взрывов,

ни грохота не будет слышно. Глушители, установленные на каждом двигателе, не пропускали звуков.

Двенадцать часов…

Далеко, почти на горизонте, поднялась над землей темно-бурая туча. Где-то, в самой ее середине, на секунду блеснула яркая точка. Порыв ветра пронесся над полем.

Там, на месте, где был лагерь, бушевал сокрушающий вихрь, во много раз превышающий силу самого страшного урагана. Многотонной тяжестью обрушивался потрясенный воздух на землю, вздымая ее вверх клубящимися массами. Сломанные у самого корня одинокие березы катились по земле, ломая ветви. Многие из тщательно укрепленных стальных кинокамер, вырванные из земли, были далеко отброшены силой ветра. Исполинский шар медленно и плавно отделился от земли и повис в воздухе. Только киноаппараты, заряженные пленкой, чувствительной к инфракрасным лучам «видели» сквозь бурую тучу, как он, словно в нерешительности, остановился на секунду. Еще сильнее, еще яростнее заметалась под ним черная стена земли. Разъяренный воздух раскидывал ее во все стороны, вырывая на месте, где стоял корабль, глубокую яму…

Тихо было на поле.

Огромная толпа затаив дыхание не спускала глаз с темной тучи, которая все больше и больше расширялась.

Но вот, словно вынырнув из пучины моря, над ней показался и засверкал на солнце космический корабль. Заметно для глаз, все быстрей и быстрей, поднимался

он в сияющую бездну, пока не превратился в еле видную серебристую точку.

Исчез…

И долго в торжественном молчании стояли люди, всматриваясь в голубую бесконечность, за которой скрылся звездолет Каллисто, унесший двух человек Земли, отважившихся покинуть ее.

Вернутся ли они? Или, скрывшись в неведомой людям дали, они никогда не ступят на родную Землю, взрастившую их, наделившую их пытливым умом, пылким и мужественным сердцем?

Конец второй части

Оглавление

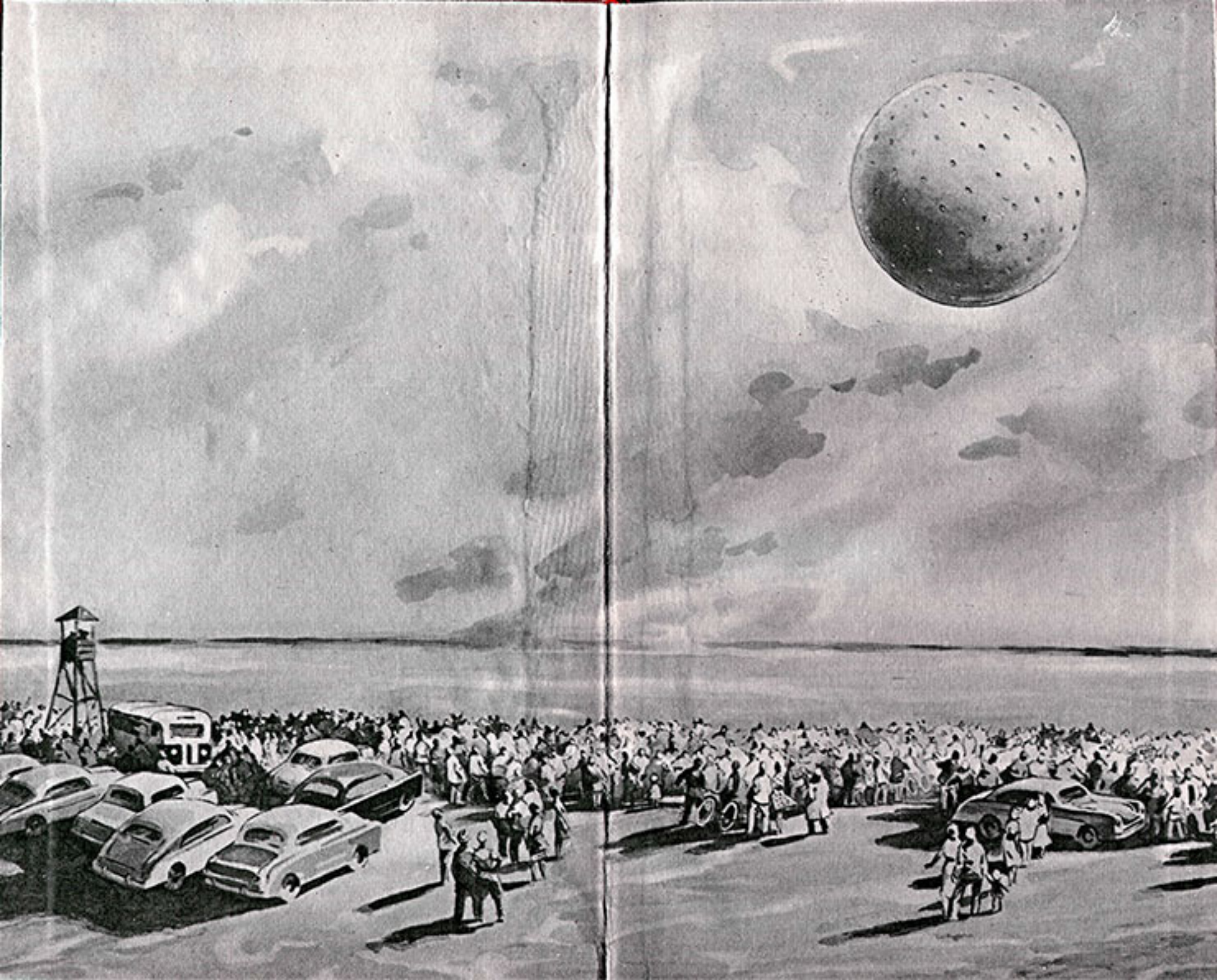
Часть первая БЕЛЫЙ ШАР 8
Глава первая 9
БЛЕСТЯЩАЯ ТОЧКА 9
НЕМЕДЛЕННО ПРИЕЗЖАЙТЕ! 17
СОГЛАСЕН! 26
ОЖИДАНИЕ 35
НА ВОРОНЕЖ! 45
Глава вторая 52
«ОН НЕ ГОЛУБОЙ, А СОВСЕМ БЕЛЫЙ!» 52
«НИКТО НЕ БУДЕТ ПРОПУЩЕН!» 61
БЕЛЫЙ ШАР 68
ЧТО ЭТО БЫЛО? 77
ДВА ПЛЮС ДВА – ЧЕТЫРЕ 87
Глава третья 94
КОГДА ЖЕ ОНИ ВЫЙДУТ? 94
ВТОРОЙ РАЗГОВОР 103
НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ 109
ЭТО ЗАСЛУЖИВАЕТ ВНИМАНИЯ! 121
Глава четвертая 133
ПЯТНАДЦАТОЕ АВГУСТА 133
КРЫЛЬЯ 146
ЗВЕЗДОЛЕТ 160
КНИГА 175
Конец первой части 182

Часть вторая ГОСТИ ЗЕМЛИ 184
Глава первая 185
ПОД СВЕТОМ РЕЛЬОСА 185
О'КЕЛЛИ 201
«Я ПРОШУ НИКОГО НЕ ДОПУСКАТЬ» 211
ВЗГЛЯД НАЗАД 219
Глава вторая 227
В РАЙОННОЙ БОЛЬНИЦЕ 227
ОНИ ОТРАВЛЕНЫ! 236
«СЕРДЦЕ» КОРАБЛЯ 248
ЭТО ТЕРАПИЯ! 261
Глава третья 273
МЕДЛИТЬ НЕЛЬЗЯ! 273
ЗЕЛЕНАЯ ПЛАНЕТА 280
В МОСКВУ! 289
ПЕТР ШИРОКОВ 297
ВДВОЕМ! 303
Глава четвертая 311
КОЛЛЕКТИВНЫМИ УСИЛИЯМИ 311
СНОВА НА КОРАБЛЕ 321
ПО ЗЕМЛЕ 330
«СЕГОДНЯ, В ШЕСТЬ ЧАСОВ УТРА…» 337
СТАРТ 344
Конец второй части 355

Данная электронная сборка не является копией
какого-либо полиграфического издания.
Это компьютерная компиляция текста
и различных элементов оформления книги.

При изготовлении этой книги использовались:

1. Текст романа из издания: Объединенное издательство «Кзыл Узбекистан», «Правда Востока» и «Узбекистони сурх». Ташкент, 1958 год.
2. Элементы оформления издания: серия БПиНФ, Детгиз, 1957 год. Оформление обложки и внутренние иллюстрации Л. Рубинштейна.
3. Дополнительные материалы из Сети.

Настоящая публикация преследует исключительно
культурно-образовательные цели и не предназначена для
какого-либо коммерческого воспроизведения
и распространения, извлечения прибыли и т.п.

ЭЛЕКТРОКНИГА
2014г.